

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 20 МАЙ 1981

На трибуне торжественного митинга.

У чаши «Огонь Славы».

Во время митинга.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 20 (2809)

16 МАЯ 1981

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонек», 1981

БЕССМЕРТЕ
СО

Фото В. ЕГОРОВА, Э. ПЕСОВА (ТАСС) и Н. КОЗЛОВСКОГО

Ветераны войны.

**И ПОДВИГ ТВОЙ,
ВЕТСКИЙ НАРОД!**

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

Во время переговоров.

По приглашению Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства 12 мая в Москву с официальным дружественным визитом прибыл Председатель ЦК Конголезской партии труда, Президент Народной Республики Конго, глава государства, Председатель Совета Министров Дени Сассу-Нгессо во главе партийно-государственной делегации.

На Внуковском аэродроме Д. Сассу-Нгессо, членов делегации встречали Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбю-

Фото В. Егорова и Э. Песова (ТАСС)

ро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, другие официальные лица.

Среди встречавших находились посол НРК в СССР Ж. Оканза, главы дипломатических представительств ряда стран, аккредитованные в СССР, конголезские студенты, обучающиеся в советских вузах, представители трудящихся Москвы.

12 мая в Кремле начались советско-конголезские переговоры. С советской стороны переговоры вели Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев;

с конголезской стороны — Председатель ЦК Конголезской партии труда, Президент Народной Республики Конго, глава государства, Председатель Совета Министров Дени Сассу-Нгессо, член Политбюро ЦК КПТ, ответственный за внешние сношения, министр иностранных дел Пьер Нзе, член ЦК КПТ, генеральный секретарь секретариата Председателя ЦК КПТ Камилль Бонгу.

В ходе переговоров, проходивших в атмосфере дружбы и взаимопонимания, были рассмотрены актуальные проблемы современной международной обстановки, в том числе положение на африканском континенте.

Было отмечено, что прогрессивные перемены на африканском континенте встречают противодействие империалистических сил, развертывающих наступление против национально-освободительного движения под фальшивым предлогом борьбы с «международным терроризмом» и, прежде всего, против молодых государств, избравших социалистическую ориентацию.

Была подчеркнута актуальность в этих условиях дальнейшего укрепления единства и взаимодействия независимых прогрессивных стран Африки, национально-освободительного движения со странами социалистического содружества, с Советским Союзом.

Л. И. Брежнев и Д. Сассу-Нгессо подтвердили солидарность с борьбой за полную ликвидацию колониализма и расизма в Африке.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев прибыл 9 мая в столицу Украинской ССР для участия в торжествах, посвященных открытию мемориального комплекса «Украинский государственный музей истории Великой Отечественной войны 1941—1945 годов».

Вместе с товарищем Л. И. Брежневым прибыли член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МК КПСС В. В. Гришин, возглавляющий делегацию Москвы на торжествах.

На киевском вокзале Леонида Ильича Брежнева радушно встречали член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины В. В. Щербицкий, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романов, возглавляющий делегацию Ленинграда, Председатель Президиума Верховного Совета Украинской ССР А. Ф. Ватченко, Председатель Совета Министров республики А. П. Ляшко.

Среди встречавших были также делегации Министерства обороны СССР во главе с начальником Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генералом армии А. А. Епишевым, Советского комитета ветеранов войны, городов-героев, областей Украины.

В Киев на торжества вместе с товарищем Л. И. Брежневым прибыли помощники Генерального

секретаря ЦК КПСС — члены ЦК КПСС А. М. Александров, Г. Э. Цуканов, кандидат в члены ЦК КПСС А. И. Блатов.

Кортеж автомашин направляется к мемориальному комплексу. На всем пути следования автомашин десятки тысяч жителей Киева радушно приветствовали Леонида Ильича Брежнева.

На высоком берегу Днепра в металле, граните и мраморе увековечены выдающаяся Победа советского народа над гитлеровским фашизмом, героические подвиги Советской Армии, партизан и подпольщиков.

12 часов. Митинг открывает член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины В. В. Щербицкий.

В. В. Щербицкий предлагает почтить минутой молчания светлую память павших за Советскую Родину.

Слово предоставляется Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу. Участники митинга приветствуют Леонида Ильича долго не смолкающей овацией.

В своей речи, в частности, он сказал:

Нет в нашей огромной стране ни одного уголка, нет советской семьи, где этот праздник не отмечали бы с глубоким душевным волнением, с чувствами святой печали и великой патриотической гордости. Да, этот пропавший порохом праздник для всех нас, как поется в песне, — радость со слезами на глазах.

И правильно, что именно в такой день открывается этот величественный мемориальный комплекс в память о Великой Отечественной войне советского народа. Меня, человека, прошедшего по ее дорогам от начала до конца, участника боев за освобождение Советской Украины и ее славной столицы, сегодняшняя торжественная церемония трогает до глубины души.

На митинге выступили: ветеран Великой Отечественной войны, бригадир проходчиков шахтоуправления «Октябрьское» производственного объединения «Донецкуголь», Герой Социалистического Труда Д. А. Куропятник; оператор машинного доения совхоза «Шпильковский» Киево-Святошинского района, лауреат Государственной премии СССР, Герой Социалистического Труда А. П. Сологуб; заместитель министра обороны СССР Маршал Советского Союза К. С. Москаленко; заместитель председателя Советского комитета ветеранов войны, председатель Комиссии по делам бывших партизан Великой Отечественной войны при Президиуме Верховного Совета УССР, дважды Герой Советского Союза А. Ф. Федоров и лейтенант А. Л. Цибилов. В заключение митинга выступил В. В. Щербицкий.

Леонид Ильич Брежнев у входа в музей разрезает алую ленту и вместе с руководителями республики и гостями, прибывшими на торжества, начинает осмотр экспозиции.

Леонид Ильич Брежнев преподнес в дар музею бронзовую скульптуру работы Е. В. Вучетича «Перекуем мечи на орала».

В Книге отзывов почетных гостей глава КПСС и Советского государства оставил следующую запись:

«С глубоким душевным волнением осмотрел возведенный в городе Киеве замечательный мемориальный комплекс «Украинский государственный музей истории Великой Отечественной войны 1941—1945 годов». Большое спасибо его создателям. Пусть он будет вечным памятником тем, кто завоевал Великую Победу. Пусть всегда напоминает людям о том, что мир — самое большое благо на земле. Мир надо беречь и укреплять всеми силами».

9 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев встретился в Киеве с руководителями Украинской ССР.

10 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев возвратился из Киева в Москву.

Вместе с товарищем Л. И. Брежневым возвратились член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов и член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МК КПСС В. В. Гришин, возглавлявший делегацию Москвы на торжествах.

На вокзале товарища Л. И. Брежнева встречали руководители партии и правительства.

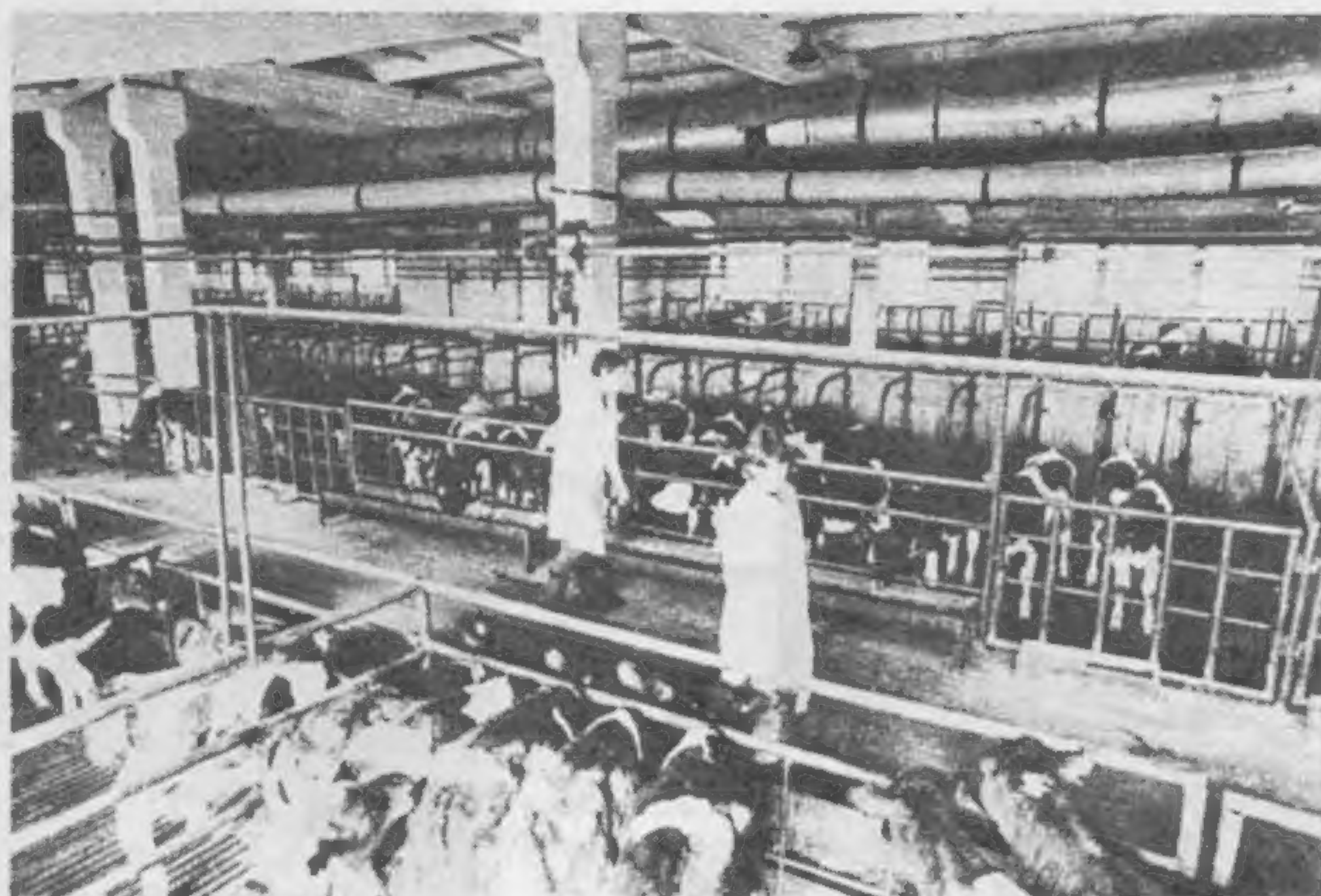

Животноводческий городок совхоза «Дружба».

АГРОГОРОД НА АМУРЕ

В. КУЗНЕЦОВ,
фото автора

Марина Мельникова: «После школы — на птицефабрику».

Цех откорма.

Асфальтовая бечева давно и прочно соединила Хабаровск с Некрасовкой. Некрасовка — пригородное село, известное в крае своими делами. Славится оно новыми животноводческими комплексами. Здесь в десятках сооружений из бетона и стекла расселились куры, свиньи, коровы... Село, недавно еще неизвестное горожанам, сегодня накрепко связано с Хабаровском прочными узами экономики. Союз, порожденный новыми отношениями между городом и деревней. Город провел в село дорогу и теплоцентраль, построил в Некрасовке новый поселок, принес сюда многие житейские удобства. Современные цехи по производству яиц, мяса, овощей — рядом. Поселок стал кормить город, который раньше только потреблял привозные продукты питания, а теперь вот, можно сказать, участвует в их производстве. В результате солидный приварок получили за годы минувшей пятилетки жители Хабаровска. И в этом старании использовать каждый клочок земли они заметно обогнали соседей по региону — приморцев.

Перед моей поездкой в Некрасовку секретарь Хабаровского крайкома партии В. П. Гаврилов рассказал, как в крае решалась и

решается задача снабжения населения продуктами питания.

— Опираемся мы на огромную помощь Центрального Комитета КПСС. Прежде всего укрепили материально-техническую базу сельского хозяйства, — рассказывал Василий Петрович. — Линия на опережающее развитие сельскохозяйственного производства в дальневосточной зоне была определена Леонидом Ильичом Брежневым во время его поездки по районам Сибири и Дальнего Востока. Суть ее — максимальное удовлетворение населения продуктами питания за счет производства их на местах. На местах! Тогда-то план создания агрограда в Некрасовке стал предметом большой нашей заботы. Некрасовка — первенец. Здесь мы как бы отработываем модель дальневосточного села, живущего рядом с городом. На некрасовских комплексах наши строители учились работать и быстро и хорошо.

Всего три года понадобилось хабаровчанам, чтобы ввести в строй фабрику свинины на шесть тысяч двести тонн мяса в год. В дальнейшем комплекс расширят вдвое. Согласно технологии, рядом расположилась племенная свиноферма, отсюда на мясной конвейер за год поступает десять тысяч поросят...

На птицефабрике более полу-миллиона несушек. Они дают сто тридцать миллионов яиц. А бройлерная фабрика отгружает за год более четырнадцати тысяч тонн птичьего мяса, так что купить в Хабаровске цыпленка — не проблема.

Не забыли и про овощи. Новые теплицы заняли площадь в восемнадцать гектаров и дают городу более пяти тысяч тонн овощей в год.

Птицефабрики, овощные теплицы, фабрики молока и мяса построены и строятся рядом с такими городами, как Комсомольск-на-Амуре, Биробиджан, Амурск. Сельское хозяйство на промышленной основе — дело высокорентабельное! Естественно, большое строительство потребовало и больших затрат. За пять лет в развитие села в крае вложено более шестистот пятидесяти миллионов рублей. Как говорится, игра стоит свеч, затраты уже окупаются. И даже дают прибыль. А главное, сегодня город имеет надежных поставщиков зелени, молока, яиц...

Миную проходную Дальневосточной птицефабрики. В мир живого конвейера можно попасть лишь после соблюдения зоогигиенического ритуала. Облечился в белый халат, чепчик и прозрачные бахилы. Вот и первое знакомство: Марина Мельникова, вчерашняя выпускница Некрасовской средней школы. Марина здесь не одна, вместе с ней работают быв-

шие одноклассники Лена Уваркина и Валя Сапожник, а руководит комсомольско-молодежным звеном Валя Ильина.

— Наш десятый класс почти весь остался в Некрасовке, — сказала Марина. — Нравится ли село? Таким, каким оно стало, конечно, нравится. А из старой Некрасовки почти вся молодежь уезжала... Теперь тут все иначе! Даже пейзаж, окружающий новый поселок, больше похож на индустриальный, чем на сельский. Нормальный рабочий день, хорошая зарплата, а главное — новая технология в птицеводстве... Вот почему Лида Королева, например, недавно домой вернулась, а работала на заводе силовых трансформаторов. Сейчас Лида — оператор на комплексе...

Бройлерная фабрика «Хабаровская» — предприятие со строгим режимом, в том смысле, что инструкция исключает посещение корпусов, где находятся цыплята. Живой конвейер весьма чуток к нарушениям любого толка. Ветеринары тут на страже! А хозяйство немалое: более двухсот гектаров. Заместитель директора В. Е. Цой, специалист, знающий и любящий свое дело, рассказывал с увлечением об инкубаторе фабрики, который не имеет аналогов. В один день в систему инкубации закладывают почти полтора миллиона яиц.

— Но просим учесть и нашу ошибку при строительстве, — говорит Валентин Евгеньевич, — нельзя, чтобы ее повторили другие. Мы первыми на Дальнем Востоке решились на инкубатор такой мощности. Учиться было не у кого, вот и недосмотрели. В чем ошиблись? Соединили в цехе шестнадцать инкубаторов КП-90. Под одной крышей, в общем зале, с единой системой вентиляции... Сейчас это не дает возможности посекционной остановки для профилактических осмотров, ремонтов. Конечно, ищем и найдем инженерное решение разделения инкубационного цеха, но...

Кормление птицы — и здесь проблема. Поставка специальных комбинированных кормов была налажена плохо. Приходилось одно время готовить некоторые виды корма вручную. Недавно убрали одну тяжелую операцию. Проект предусматривал этот процесс изготовления на мелькомбинате, где есть специальное оборудование, но, к сожалению, это осталось только пожеланием... Тогда фабричное КБ во главе с Е. П. Литвиновым собственными силами механизировало часть трудоемкой работы. Решение этой проблемы позволило перейти на звеньевую систему с общей оплатой по единому наряду. И тут же поступило встречное предложение от рабочих — уменьшить коллектив более чем на тридцать человек!

И еще интересный случай привел Валентин Евгеньевич. Есть на фабрике отличная работница — С. И. Коваленко. Звеньевая, у нее хорошая зарплата, уважаемый человек... Пришла и говорит: «Необходимо пересмотреть оплату птичницам». Она считает существующую систему неправильной. Птичницы получали деньги за кормодни. То есть количество голов умножалось на дни откорма. О неизбежном падении... предпочитали умалчивать. И только при забое обнаруживался падеж. Естественно, выход продукции не соответствовал планируемому цифрам. Звеньевая предложила выплачивать птичнице в течение двух первых месяцев откорма аванс в пределах, допустим, двухсот рублей, а расчет производить только после сдачи конечной продукции — за реальный вес птичьего мяса.

Не хочу утверждать, что в Хабаровском крае решены все проблемы обеспечения населения продуктами питания. Но сельские спутники промышленных городов обнадеживают.

Большой зал консерватории — центр музыкального форума.

Дирижирует Франко Маннино (Италия).

ВПЕРЕДИ- НОВЫЕ ВСТРЕЧИ

Фото И. ГАВРИЛОВА.

Семь майских дней кипели людские толпы у входа в Большой зал Московской консерватории. Этот уютный, совершенный по акустике зал, где со стен, с овальных портретов смотрят на публику лица великих композиторов прошлого, всегда был средоточием музыкальной жизни столицы. На сей раз здесь прошли концерты первого Международного музыкального фестиваля в СССР. Одиннадцать концертных программ, произведения сорока четырех композиторов из 28 стран, тысячи слушателей в переполненных залах, миллионы телезрителей во всех уголках нашей страны — таков был размах представительного музыкального смотра, привлечшего в Москву многих выдающихся современных композиторов, исполнителей, музыкальных деятелей из-за рубежа.

Помимо концертов, состоялось много личных встреч, бесед, острых, но всегда интересных споров. Они необходимы музыкантам, ибо помогают им осознать то главное, непреходящее, что делает музыку нашего времени могучим художественным и общественным явлением. Живая, восторженная реакция публики на удачные сочинения и порой досада на отдельные работы, которые не оправдали ожиданий, свидетельствовали об интересе слушателей к современной музыке, их стремлении познать ее глубоко и полно.

Фестиваль закончен. Но он не останется единичным. Показ музыки XX века будет продолжен на следующих московских смотрах.

Кубинский гитарист-виртуоз Хесус Ортега.

Звучит музыка...

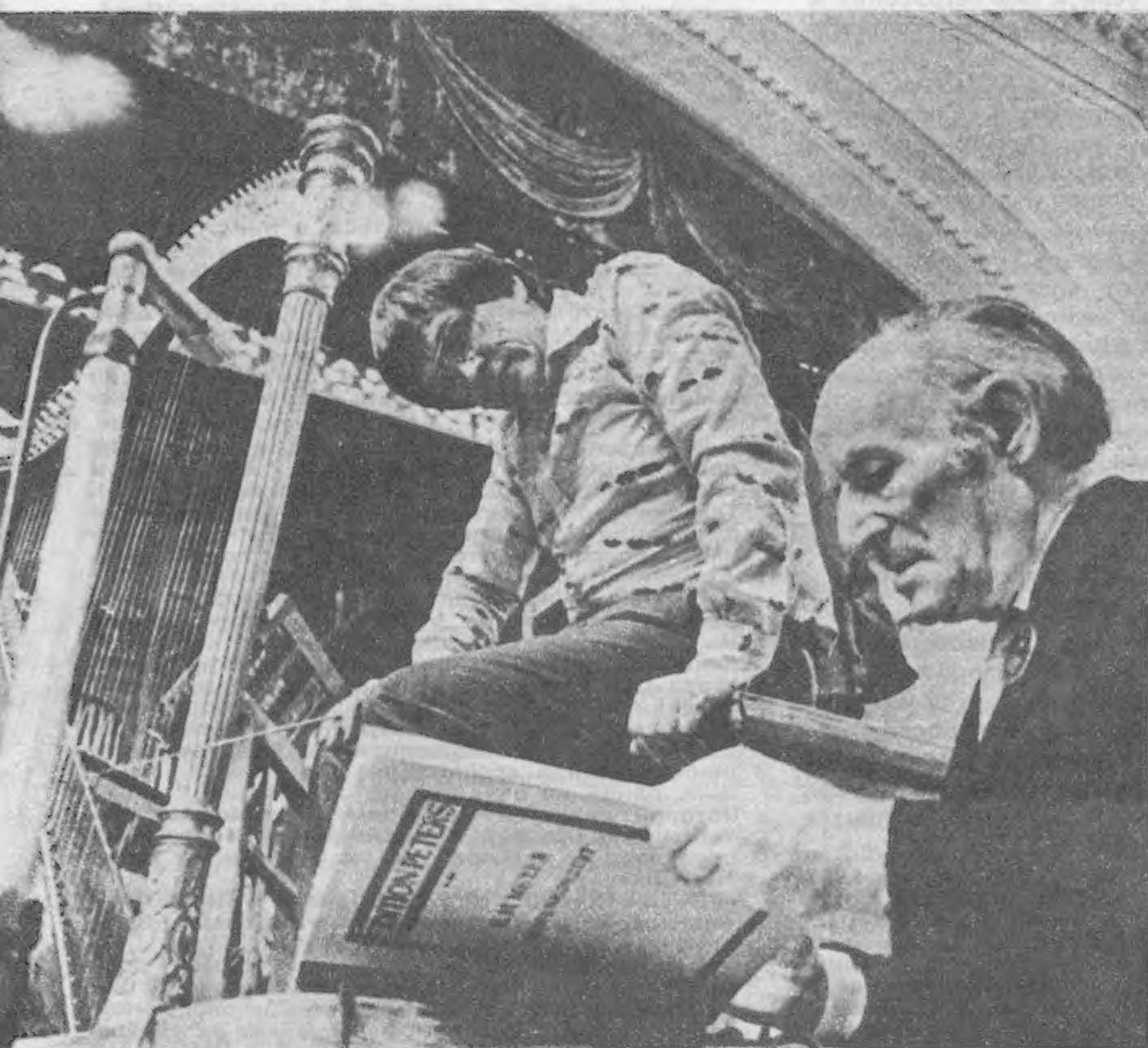

Тихон Хренников с зарубежными гостями фестиваля.

Вдохновение Игоря Ойстраха.

Идет репетиция. Арфистка Вера Дулова, дирижер Владимир Федосеев и композитор из ГДР Эрнст Майер.

Одним из самых ярких событий фестиваля было выступление Кшиштофа Пендерецкого (Польша).

Исполнители из Индии довольны приемом советской публики.

Карен Хачатурян поздравляет своего коллегу из США Питера Меннина с успехом.

СТАВКА НА ТЕРРОРИЗМ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЗАМЕТКИ

Владимир БОЛЬШАКОВ

В конгрессе США в эти дни заседает новая сенатская подкомиссия по безопасности и терроризму (ПКБТ). Многие в США с тревогой восприняли и сам факт ее создания и состав ее участников, известных своими ультраправыми взглядами. Слишком много аналогий возникает с маккартистской комиссией по расследованию антиамериканской деятельности, действовавшей в годы «холодной войны», и со сменившей ее затем комиссией по вопросам внутренней безопасности. Аналогии эти не случайны. ПКБТ озабочена в первую очередь борьбой с левыми силами в США, с национально-освободительными движениями, и это не скрывают участники открывшихся на Капитолийском холме «слушаний», рассчитанных на многие месяцы. Ясно, что из поля зрения комиссии выпали и террористы из ЦРУ и ФБР, и многочисленные антикоммунистические террористические организации, действующие в США под их крылышком.

Американские власти публично яростно открещиваются от всех обвинений в поддержке террористов, даже тогда, когда их ловят на месте с прличным, лишним раз подтверждая тем самым слова Энгельса о склонности буржуазии «вводить в практику общепринятое лицемерие, которое... достигает высшей своей точки в утверждении: эксплуатация угнетенного класса производится эксплуатирующим классом единственно и исключительно в интересах самого эксплуатируемого класса, и если последний этого не понимает и даже начинает восставать против этого, то это самая черная неблагодарность по отношению к благодетелям — эксплуататорам».

Следуя «логике» этого лицемерия, термины «террористы», «бандиты» эксплуататорские классы неизменно используют для характеристики революционеров. С этим мы знакомы по истории вмешательства Соединенных Штатов в гражданскую войну на стороне белогвардейцев.

«Мы должны, — говорил 14 февраля 1919 года сенатор штата Северная Дакота Портер Дж. Маккамбер, — увеличить численность американской армии в России до 500 тысяч человек, чтобы освободить русский народ от убийц, которые держат его в подчинении». «Убийцами» сенатор именовал, конечно же, не карательные отряды Колчака, которым рукоплескали в США Маккамбер и ему подобные, а большевиков. Заокеанские «освободители» русского народа поддерживали деньгами и оружием белогвардейцев в Архангельске и, помимо Колчака, — кровавых атаманов Семенова и Калмыкова, чем и снискали себе, по признанию генерала У. Грэвса, командовавшего американским экспедиционным корпусом, «ненависть со стороны более чем 90 процентов населения в Сибири».

Разглагольствования о «спасении демократии» в России не помешали государственному департаменту США составить 21 января 1919 года специальный документ, предусматривавший ее расчленение: предполагалось отсечь от нашей страны Белоруссию, Украину, Кавказ, Сибирь и Среднюю Азию. Такова была цена «свободы», которую империализм США нес народам России под предлогом борьбы с «большевистскими террористами».

Вспомнить о пропагандистских стереотипах того времени небесполезно сейчас в свете разглагольствований руководителей нынешней американской администрации о некоем «пла-

не» СССР по «созданию всемирного коммунистического государства». Вашингтон пытается дискредитировать национально-освободительные движения, отождествив их с бандами террористов, вроде «красных бригад» в Италии, якобы руководимых «из мозговых центров терроризма», которые, ясное дело, расположены «в одном из коммунистических государств». Все это уже было. Еще в 1927 году тогдашний государственный секретарь США Келлог обвинил СССР в попытках «установить большевистскую гегемонию» в Латинской Америке и использовать этот регион «в качестве базы для подрывных действий против США». На это едко ответил тогда наркоминдел Литвинов: «Не удивлюсь, если и землетрясения в Японии и наводнения в Америке припишут интригам большевиков».

Если в 20-х—30-х годах никто в США по крайней мере не пытался приписать Советскому Союзу ответственность за террористические акты фашистских банд, потрясавшие предвоенную Европу, то теперь дошли и до этого. Идеологическая подоплека такого рода фальсификаций прозрачна. В сознание западного обывателя упорно пытаются внедрить пропагандистский стереотип, согласно которому понятия «коммунизм» и «терроризм» — синонимы. Примерно по той же схеме действовали предшественники нынешней администрации США, когда пытались убедить тех же обывателей в том, что понятия «права человека» и «коммунизм» по самой своей сути несовместимы.

Список «доблестных действий», совершенных террористами, субсидировавшимися и руководимыми Соединенными Штатами, длинен и кровав.

В послевоенное время на первом месте в нем значатся конкретные террористические акции против Советского Союза и других социалистических стран. Сразу же после разгрома фашизма американская разведка взяла под свою опеку националистические банды, действовавшие на территориях, подвергшихся гитлеровской оккупации.

Только в Литве, хвастался в изданной в 1962 году в Нью-Йорке книге «Повстанческая борьба на Янтарном берегу» некий К. В. Таурас, наймиты ЦРУ и других западных разведок из числа литовских «националистов» было уничтожено около четырех тысяч коммунистов. В Прибалтике, в Западной Украине, в Польше и в Югославии действовали десятки антикоммунистических банд, терроризировавших местное население еще несколько лет после окончания войны. Особенно известны по части зверств банды усташей — террористические формирования, созданные А. Павеличем, бывшим «поглавником» фашистской «независимой» Хорватии. Убийства, захват заложников, взрывы бомб в Югославии и в ее дипломатических представительствах за рубежом отмечают кровавый путь этих банд, к которым неизменно благоволили американские разведслужбы и политические деятели. О том, насколько далеко заходит подобное попустительское терроризм, говорит хотя бы такой факт. В 1968 году Рональд Рейган, бывший тогда губернатором Калифорнии, предложил начиная с 10 апреля отмечать годовщину провозглашения «независимой Хорватии». Напомним, что именно в этот день в 1944 году фашист Павелич объявил о «независимости Хорватии», отметив его массовыми убийствами ни в чем не повинных людей. Комментируя решение Рейгана, французский публицист А. Герэн писал в 1969 году: «Это все равно, как если бы, скажем, префект города в департаменте Альп-Маритим решил ежегодно отмечать годовщину прихода Гитлера к власти...»

Ставка на террористов из числа националистических фашистских банд и пособников гитлеровцев в борьбе против стран социализма была сделана США, судя по известным теперь документам, далеко не из идеалистической приверженности антикоммунизму. Этим бандам на случай войны с СССР администрация Трумэна планировала поручить те же функции, которые они выполняли на оккупированной советской территории в составе гитлеровских зондеркоманд. В утвержденной 18 августа 1948 года директиве Совета национальной безопас-

ности СНБ-20-1, разработанной по личному указанию Трумэна, говорилось буквально следующее:

«Цели США на случай войны с СССР: На любой территории, освобожденной от правления Советов (цели, как видим, те же, что и в гитлеровском «плане Барбаросса». — В. Б.), перед нами встанет проблема человеческих остатков (и терминология та же, что у гитлеровцев. — В. Б.) советского аппарата власти.

...Нам окажется достаточным раздать оружие и оказать военную поддержку любой некоммунистической власти, контролирующей данный район, и разрешить расправиться с коммунистическими бандами до конца...»

10 октября 1951 года Трумэн подписал «Закон о взаимном обеспечении безопасности», который включал пресловутую «поправку Кэрстена». Она предусматривала ассигнование из бюджета США в сумме 100 миллионов долларов на финансирование «любых отобранных лиц, проживающих в Советском Союзе, Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании, или лиц, бежавших из этих стран, либо для объединения их в подразделения вооруженных сил, поддерживающих организацию Североатлантического договора, либо для других целей». Автор поправки конгрессмен Ч. Кэрстен уточнял: «Моя поправка предусматривает возможность оказания помощи подпольным организациям, которые, возможно, имеются в этих странах или могут появиться в них... Эта помощь будет заключаться в том, чтобы осуществить прямую цель свержения законных правительств в указанных странах».

В соответствии с «поправкой Кэрстена» одно за другим создаются эмигрантские антикоммунистические объединения, с помощью которых ЦРУ вербует террористов и диверсантов для нового «крестового похода» против социализма.

В Бостоне, штат Массачусетс, расположены организация «За освобождение Албании» и «Пан-албанская федерация Америки» («Ватра»). Там же окопались «армянская революционная федерация Америки» и ее молодежный филиал, в программе которых значится: «освободить Армению» от коммунистов.

В Нью-Йорке действует «белорусско-американская ассоциация в США» («БАЗА»). Создана в 1949 году. Официальные цели — «освобождение Белоруссии», борьба за ее выход из состава СССР. Аналогичные цели провозглашают созданный в 1957 году «фронт освобождения Белоруссии» со штаб-квартирой в Кливленде, штат Огайо, расположенная там же «американо-белорусская ассоциация культурной помощи», одной из официально объявленных целей которой является «антикоммунистическая деятельность», и ряд аналогичных белорусских организаций в Нью-Йорке и Сауз-Ривер (штат Нью-Джерси).

В Нью-Йорке, в штатах Индиана и Пенсильвания действуют три хорватские организации антикоммунистического толка.

Нашли пристанище в США и многочисленные антикоммунистические организации эстонских эмигрантов, созданные вскоре после окончания войны с фашизмом. «Комитет за свободу Эстонии» со штаб-квартирой в Нью-Йорке объявляет, что его цель — это «борьба за освобождение Эстонии от коммунистического ига»; «всемирная ассоциация эстонцев», расположенная там же, объявляет, что ее цель — это «сбор информации о коммунистических жестокостях в Эстонии и ее использование для борьбы с коммунизмом». Сбором подобной информации, ясно, занимается именно те, кто укрывался в США от возмездия советского народа за те зверства, которые они творили в годы гитлеровской оккупации республики.

Из окопавшихся в США организаций венгерских антикоммунистов-эмигрантов особо известен своей воинственностью так называемый «венгерский комитет», созданный в 1958 году из контрреволюционеров, бежавших за границу после неудавшегося контрреволюционного мятежа 1956 года. Официально объявленные цели — «освобождение Венгрии» и «восстановление свободы» — выдержаны в полном соответствии с программой «ассамблеи порабощенных народов Европы», куда этот комитет входит.

В Нью-Йорке сразу же после войны был организован «Комитет свободной Латвии». Свыше 30 организаций литовских эмигрантов действуют в штатах Нью-Йорк, Минчиган, Иллинойс и Коннектикут под вывесками различных «благотворительных организаций».

Но, конечно, не из благотворительности поддерживают всех их разведслужбы США. Первая попытка совершения контрреволюционного переворота с их помощью была предпринята еще до появления на свет поправки Кэрстена: в Албании был высажен десант, участ-

ники которого в октябре 1951 года оказались не во главе правительства, как это им обещали их шефы из ЦРУ и английской разведки, а на скамье подсудимых в Тиране. По той же схеме десять лет спустя — в 1961 году была организована засылка террористических банд на Кубу, закончившаяся столь же позорным разгромом «сил вторжения» в заливе Кочинос.

В перерыве между этими крупномасштабными операциями ЦРУ занималось программой «REDSOX» — нелегальной заброской террористов и диверсантов в СССР и другие социалистические страны, хотя, как признает бывший сотрудник ЦРУ Ф. Эйджи, «с жалкими результатами». Журнал «Нейшнл бизнес» (США) откровенно писал об этом: «Ни один чиновник нашего правительства не признает никогда это публично, но мы готовим людей для роли шпионов, диверсантов, специалистов по ведению психологической войны в самых зверских ее формах. Их обучают, как проникать на русские заводы с целью вредить производству. Они учатся взрывать мосты, владеть всеми типами огнестрельного оружия...»

Общеизвестны факты о субсидировании разведкой США и Пентагоном кубинских эмигрантских организаций, виновных в захвате заложников, взрывах пассажирских самолетов, других террористических актах, в результате которых погибли кубинские граждане, об операциях ЦРУ по заражению свиней на Кубе, уничтожению посевов сахарного тростника и так далее.

Как пишет польская печать, в последнее время «на Западе возникли условия для привлечения польской эмиграции к идеологической конфронтации и материальной поддержке оппозиции. Собираемые на Западе материальные средства через Вену, Стокгольм и Женеву поступают в Польшу, частично они переводятся на счета эмигрантских организаций». Их деятельность координирует террористическая организация «Свободная Польша», обосновавшаяся в США и руководимая бывшим агентом абвера К. Ханфом и агентом ЦРУ Я. Равичем-Коханьским.

Существующие в США польские эмигрантские организации, связанные с журналами «Помост» (Чикаго) и «Анекс», организации бывших андерсовцев и другие действуют в тесном контакте с лондонским эмигрантским «правительством» и журналом «Культура» (Париж), находящимся на содержании ЦРУ. В системе этих взаимных связей важное место играет радиостанция ЦРУ «Свободная Европа», агентура которой служит своего рода связующим звеном между империалистическими разведцентрами, западной контрреволюционной польской эмиграцией и антисоциалистическими силами внутри Польши. Одной из ударных террористических групп на территории ПНР должна была стать, по замыслу ЦРУ, «конфедерация независимой Польши», организованная Мочульским и его «сподручными» 1 сентября 1979 года. «Программа деятельности КНП», говорится в сообщении представителя Генеральной прокуратуры ПНР для печати от 7 марта 1981 года, — используемые зарубежными центрами методы действий и созданные организационные структуры преследовали цель свергнуть силой конституционный строй ПНР, ослабить оборонную мощь и расторгнуть союз с социалистическими странами». КНП, как было доказано в ходе следствия, финансировалась зарубежными центрами, в том числе американскими.

«Выращивание» террористических групп, подобных КНП, заложено было уже в программе, посвященной «поправке Кэрстена». Затаившись до поры в подполье, они ждут своего «часа Икс», команды из руководящих западных центров на организацию кровавых расправ над коммунистами.

В наиболее откровенной, зверской форме эта их роль проявилась в 1956 году во время попытки контрреволюции в Венгрии. В ходе операции «социализм с гуманным лицом» в ЧССР в 1967—1968 годах «сценаристы» из ЦРУ и спецслужб ряда других стран НАТО готовили к «часу Икс» контрреволюционные банды типа «клуб-231» и «КАН» для расправ над коммунистами. О том, что этот час был запланирован в чехословацком «сценарии» ликвидации социализма, говорят ставшие из-

вестными теперь документы — втихомолку от партии и народа лидеры антисоциалистических сил готовили концлагеря для коммунистов-интернационалистов, а «КАН» и «клуб-231» — списки «подлежащих уничтожению в первую очередь». Тем же путем идет контрреволюционная группа «КОР» в Польше — ее лидеры подготовили списки лиц, которые должны быть изолированы в «час Икс».

В штатном расписании ЦРУ имеются и специалисты по организации политических убийств. На их счету убийство Патриса Лумумбы в Конго, а также ряд операций по ликвидации неугодивших либо ставших неудобными для США диктаторов — Нго Динь Дьема в Южном Вьетнаме, Пак Чжон Хи в Южной Корее и т. д.

Не раз в ЦРУ готовились покушения на руководителя социалистической Кубы Фиделя Кастро — последняя такая попытка датирована 1981 годом. В феврале этого года готовилось покушение на президента Мозамбика С. Машела. Можно напомнить нынешним пекинским подпевалам Вашингтона, которые обвиняют СССР вслед за Рейганом и Хейгом в «поддержке терроризма», о том, как ЦРУ во время конференции в Бандунге в 1955 году готовило убийство Чжоу Эньлая.

Не менее активно действовали американские разведки в послевоенные годы на ниве террора против коммунистических и рабочих партий, а также профсоюзного движения в капиталистических странах. Коммунистов и неугодных ЦРУ профсоюзных лидеров не только уничтожали физически с помощью наемных убийц. Их неоднократно пытались дискредитировать с помощью наемных... «левых террористов». Приведем лишь один пример. В 1959 году ЦРУ направило своего агента Сашу Вольмана, работавшего до этого на радиостанции «Свободная Европа», в Латинскую Америку для создания «антикоммунистических групп», но не правых, а «левее центра». Вольман на средства организованного ЦРУ «Фонда Каплана» создал 17 политических партий ультралевого типа в различных странах Латинской Америки. Эти провокаторы своими террористическими акциями дали повод реакционной военщине развернуть террор против коммунистических партий, всегда осуждавших терроризм как средство политической борьбы. Известны связи ЦРУ с некоторыми «левыми террористами» в Европе, в том числе в Италии.

Поддержка таких групп, как писал американский журналист Дж. Моррис, органически вписывается в тактику ЦРУ, направленную на дезорганизацию действий левых сил, их раскол. Отметим, что эту тактику ЦРУ и ФБР применяли в первую очередь в США, в частности, используя в своих целях некоторые группы в леворадикальном движении. Анализируя эту опасность, коммунисты штата Калифорния еще 12 марта 1970 года предупреждали, что «по всей стране полицейские лазутчики в студенческих организациях выступают в качестве инициаторов использования насилия, как метода борьбы». Коммунисты США писали, что индивидуальный террор или использование насилия небольшими группами отчаявшихся людей играют на руку правящему классу, помогают ему создать фундамент для возникновения самого настоящего фашизма.

Это предупреждение американских коммунистов многое объясняет в событиях, происходящих сейчас в некоторых странах Латинской Америки и в Италии, позволяет увидеть прямую заинтересованность правящего класса в манипулировании ультраправыми террористическими организациями троцкистского типа, многие из которых, как ясно из опыта Сашы Вольмана, создаются на деньги ЦРУ.

Политический терроризм, к которому в России прибегали анархисты, народники, эсеры, а затем и троцкисты, по своей сути является проявлением «мелкобуржуазной революционности», которую В. И. Ленин наиболее полно разоблачил в своей работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

В силу своего исторического опыта коммунисты последовательно выступали против терроризма как средства политической борьбы и против экспорта революции.

Но, как отмечалось на XXVI съезде КПСС, мы «не можем согласиться и с экспортом контр-

революции». А ведь именно к этому направлены последние решения администрации Рейгана о возобновлении помощи контрреволюционным группировкам типа «УНИТА» в Анголе, субсидировании афганских мятежников и поставках им оружия, установлении «официального» контроля ЦРУ над бандами кубинских контрреволюционеров и т. д.

Наиболее агрессивные империалистические круги, как отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду, в своем внешнеполитическом авантюризме готовы ставить на карту жизненные интересы человечества во имя своих узких корыстных целей.

«Демонстрируя полное пренебрежение к правам и чаяниям народов», говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — они пытаются изобразить освободительную борьбу народных масс как проявление «терроризма». Они поистине задались целью достичь недостижимого — поставить барьер на пути прогрессивных изменений в мире, вернуть себе роль вершителей судеб народов». Это столь же бесперспективные амбиции, как попытки обнаружить свидетельства существования на территории СССР и других социалистических стран «Центра подготовки террористов».

Искать их надо не у нас. Самые последние события — покушение на президента Рейгана, который едва не погиб от пули террориста Дж. Хинкли, состоявшего в нацистской партии США, обстрел консульства СССР террористами в Сан-Франциско — подтверждают, что именно Соединенные Штаты, где антикоммунизм возведен в ранг государственной идеологии, плодят террористов из числа ультраправых фанатиков, готовых в любую минуту схватиться за пистолет, дабы «рассчитаться с левыми и красными». Рейган, 9-й по счету президент США, ставший жертвой террориста, попал на мушку Хинкли, как пишет газета «Пиплз уорлд», потому что не оправдал надежды правых после того, как распустил так называемый «кухонный кабинет», куда входили известные представители американских «бешеных».

Любопытно отметить, что даже такая газета, как «Нью-Йорк таймс», назвала утверждение Белого дома о стремлении СССР «создать мировое коммунистическое государство» за счет «поощрения международного терроризма» по меньшей мере «исторически спорным».

Комментируя высказывания Рейгана и Хейга, многие органы мировой печати отметили, что «мозговые центры международного терроризма» — это ЦРУ, Пентагон, разведки стран НАТО и Израиля, Чили и ЮАР, для которых международный терроризм отнюдь не объект борьбы, а их ежедневная практическая деятельность, направленная на защиту интересов крупной буржуазии, позиций империализма. Не случайно, конечно, те же Соединенные Штаты занимаются прямым убийством террористов, виновных в гибели ни в чем не повинных людей. Наиболее известны из подобных убийц, нашедших приют в США, отец и сын Бразинскасы. Там же скрываются и убийцы чилийских патриотов и палачи народа Вьетнама. Нашли защиту американского правосудия многие нацисты и их пособники. «Лига защиты евреев», виновная в сотнях террористических актов против посольств социалистических и арабских стран, также беспрепятственно действует в США и неизменно пользуется покровительством американской Фемиды, не говоря уже об официальном покровительстве Вашингтона Тель-Авиву, организатору многочисленных террористических актов против лидеров ООП, бандитских нападений израильских «коммандос» на Ливан и другие арабские страны.

Многочисленные ультраправые организации, а также созданные ЦРУ «ультраправые» не опасаются объявленного сейчас Соединенными Штатами «похода против международного терроризма». Они знают, что в этом походе им, как и прежде, будет отведена роль непосредственных исполнителей воли монополий США, обратившихся к насилию и террору в попытках подавить национально-освободительные движения, сдержать нарастающую волну социальных перемен.

ОБМАНЧИВАЯ ТИШИНА МУЗЕЯ

Александр ЩЕРБАКОВ

Генерал рассердился не на шутку: — Вы знаете, что в городе еще на каждом шагу мины?!

Знаете, что в подвалах еще прячутся фашисты с оружием? Тут передовая, а им, видите ли, немедленно нужны экспонаты для будущего музея!.. Если узнаю, что сегодня же не уехали отсюда, прикажу арестовать, никакие командировочные предписания не помогут! Вот так...

Вера Романовская чуть не заплакала. Ее, Михаила Перегудова и еще кого-то (теперь она, к сожалению, не помнит) по командировке Совнаркома Белорусской ССР направили в Кенигсберг, чтобы попытаться вернуть что-то из музея истории (его почти полностью гитлеровцы вывезли из Минска), а также найти что-нибудь ценное для будущего Музея истории Великой Отечественной войны, который создавался в недавно освобожденной от врага столице Белоруссии. Им с трудом, «нелегально», удалось пересечь государственную границу (помог опыт подпольщиков, партизан!), невероятно сложно — на попутных эшелонах, грузовиках — пришлось добираться до Кенигсберга. Они добрались. Очутились там на второй день после того, как завершился

штурм города. Здесь еще постреливали, кирпичная пыль висела над разбитыми кварталами. Вера Романовская считала, что все это вовсе не мешает им, командированным из Белоруссии по музейным делам, выполнять свое задание. А тут крутой, по-военному неумолимый генерал...

Кое-что они все же сумели привезти тогда из Кенигсберга — немецкие документы, газеты, листовки. Словом, первую свою командировку по делам музея Вера Сергеевна Романовская считает небезуспешной. И до сих пор хранит то командировочное предписание с датами: «Прибыла в Кенигсберг 10 апреля 1945 г., убыла из Кенигсберга 18 апреля 1945 г.».

...Сейчас возле музея постоянно толпятся автобусы из дальних и близких краев. Смоленск, Каунас, Калинин, Ровно, Даугавпилс... Привозят экскурсантов туристские поезда, приезжают почетные гости, участники Сопротивления из Франции, партизаны в Белоруссии австрийцы, чехи, бельгийцы... В иные дни три-четыре тысячи человек проходят залами музея. Он известен теперь на всю страну — Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. Но мало, очень мало кто знает его героическую биографию, мало кто знает, что и сегодня в музее работают люди, положившие ему начало в разоренном, сожженном, только что освобожденном от оккупации Минске.

...На оборотной стороне обрывка немецкой топографической карты расписка: «Принят немецкий миномет от тов. Ловецкого П. ... Подпись — Довнар-Запольская. 23.XI.44».

Еще расписки: «Принята в фондовый отдел от Сикорского Всеволода Михайлови-

ча дверь от здания, где находилась тюрьма немецкого СД. 16.10.44».

«Фондовым отделом принято от Романовской Веры Сергеевны кандалов 10 (десять), наручников 16 (шестнадцать) и ключей 3 (три), привезенных из Борисова. Сдала Романовская, принял Шахнович».

«Опись литературно-художественных журналов партизанских бригад и отрядов, переданных Белорусским штабом партизанского движения в музей. 1. Альбом партизанской бригады им. Чкалова. 2. Журнал-газета отряда № 36, бригады № 2. 3. Литературно-художественный журнал партизанского отряда им. Кирова»...

История... В сентябре 1943 года Центральный Комитет Компартии Белоруссии принял решение о создании в Минске республиканского Музея истории Великой Отечественной войны. Вскоре была образована комиссия. В июле 44-го, когда Минск освободили, назначенные руководителями музея Василий Демьянович Стальников и Всеволод Владимирович Саблин начали подбирать сотрудников, готовить помещение и хлопотать о доставке материалов для будущей экспозиции.

Кто мог тогда сказать, откуда брать работников? Ищитель Со специальным образованием не нашли никого. Решили опереться на бывших партизан и подпольщиков — верили в их энтузиазм, настойчивость и внутреннюю готовность честно и страстно пропагандировать то, чем жили сами несколько трудных лет.

Они приходили в будущий музей в солдатских сапогах и гимнастерках — полинявших, выгоревших, прожженных у партизанских костров.

...Петр Спиридонович Ловецкий — нынешний директор музея. А тогда...

«Особо отличился в бою по раз-

грому вражеского гарнизона Загай Пуховичского района 13 мая 1944 года. Забросав немецкого пулеметчика гранатами, первым ворвался во вражеский дот и захватил станковый пулемет...» Так писал в одной из характеристик командир партизанской бригады «Буревестник» Герой Советского Союза Михаил Глебович Мармулев. В его отряд, ставший позднее бригадой, Петр Ловецкий пришел в 1942 году. Перед войной, в 41-м, окончил Минский педагогический институт. В отряде начал рядовым бойцом, потом был помощником командира по комсомолу, заместителем по разведке и контрразведке, с мая 44-го возглавлял штаб бригады.

Мармулева величали королем засад. И в самом деле, в зоне действий «Буревестника», а она охватывала несколько районов Минской области, оккупанты ничего так не боялись, как обыкновенных проезжих дорог.

Второго июля 1943 года в «Правде» появилась заметка «Белорусские партизаны уничтожают гитлеровских оккупантов». Вот что узнали из нее читатели: «Стокгольм, 1 июля (ТАСС). Гитлеровская газета «Минскер цайтунг» сообщает, что 10 июня белорусскими партизанами были убиты немецкий «областной комиссар» Людвиг Эренлейтнер, «правительственный инспектор» Генрих Клозе, начальник областной жандармерии обер-лейтенант Карл Калла... а также гитлеровские «хозяйственные руководители» Франц Так, Фриц Шульце и Гюнтер Бенневиц. Газета признает, что страх перед партизанами заставляет многих гитлеровцев бежать из Белоруссии».

Это была одна из самых блестящих операций бригады «Буревестник». И в ее подготовке и в ее осуществлении принимал участие Петр Ловецкий. Партизанские разведчики узнали, что в местечко Шацк 10 июня должен проследо-

Директор музея Петр Спиридонович Ловецкий и заведующая отделом научно-просветительной работы Вера Сергеевна Романовская.

Вот они какие, партизанские землянки.

Фото Г. РОЗОВА

К. Филатов. Род. 1926. СУДОРЕМОНТНИКИ. 1979—1980.

Всесоюзная художественная выставка «Мы строим коммунизм».

А. Никич. Род. 1918. РОЗЫ ДЛЯ КОСМОНАВТОВ. 1980.

Всесоюзная художественная выставка «Мы строим коммунизм».

вать немецкий кортеж. Начальство ехало отметить наградами самых усердных полицейских местного формирования. Партизаны устроили засаду на шоссе Шацк — Валерьяны. Схватка продолжалась недолго. Подкрепление из Шацка не успело помочь. 36 гитлеровцев остались на поле боя. И еще четыре легковые и одна грузовая сожженные машины. В руки партизан попали трофеи — документы, оружие.

...Вера Сергеевна Романовская сейчас заведует отделом научно-просветительной работы. А тогда...

Только успела поступить в педагогический институт — война. В оккупированном Минске очень скоро определила свое место — быть с теми, кто организовывал сопротивление врагу. Комсомольская подпольная группа, куда вступила Вера Романовская, собирала оружие, выпускала листовки, помогала военнопленным выжить в страшной неволе, а если кому из них удавалось бежать, то помогала укрыться от фашистов, чтобы, как только представится случай, уйти в партизаны либо присоединиться к подпольщикам.

В 1942 году группу возглавил отец Веры — Сергей Антонович Романовский. До войны директор фабрики, в 41-м он в армии, позже попал в окружение, пробрался в Минск и на правах бывшего человека и коммуниста стал руководить молодыми подпольщиками. В историю Минского подполья вошла диверсия, которую осуществила группа в 1943 году. Патриоты сумели пронести мину в казино, где развлекались гитлеровские летчики. Мина взорвалась, враг понес потери. В подготовке диверсии участвовала и Вера.

В том же 43-м Вера ушла в партизанский отряд, выросший позже в бригаду имени Калинина. Разведчица, связная, медицинская сестра... В город вернулась после его освобождения. 16 июля 1944 года она участвовала в торжественном партизанском параде. Несколько недель спустя ее рекомендовали в штат музея.

Они все были тогда очень молодыми, сотрудники новорожденного музея, — Петр Гончаров, Николай Абрамов, Михаил Перегудов, Всеволод Сикорский, Регина Довнар-Запольская, Елена Заклинская, Сарра Левина, Николай Латышевский... С какой самоотдачей, с каким упоением они работали!

— Вот уж не думал, что в освобожденном Минске придется добывать оружие, — вспоминает то далекое лето Петр Николаевич Гончаров. — А ведь пришлось! Договорились, что для начала организуем выставку «Вооружение белорусских партизан». А где взять экспонаты? Партизанские части разоружались под Минском, в Лошнице. Я, назначенный начальником партизанского отдела музея, отправился к представителю штаба партизанского движения... Разрешение получил. Но как доставить все это оружие в Минск? Стал ловить в городе грузовые машины. Каюсь: упрямил шофера совершить незаконный рейс. А что оставалось делать?! Расплачивался из своего вещевого мешка. Да, да! Перед этим как раз получил зарплату — почти за половину сорок первого года, за сорок второй, сорок третий и за полгода сорок четвертого. Чуть ли не целый вещмешок денег. Так вот, первые крупные расходы отсюда произвел на оплату транспорта, который доставил из Лошницы в музей винтовки, пулеметы, самодельные мины, пушки, отремонтированные в лесных мастерских, трофейные автомашины...

Так начиналась биография музея... Несколько раз его сотрудники ездили в Польшу и Германию. Из бывших лагерей смерти привозили, а часто притаскивали на себе деревянные колодки, солдат-

ские шинели, дьявольские орудия пыток; из партизанских лагерей — патронные ящики, приспособленные под формы для выпечки хлеба, типографские станки, тетрадки из бересты с диктантами, что писали в лесных школах, листовки, самодельное оборудование ножевенных, швейных мастерских; искали реликвии подполья; собирали все, что свидетельствовало о героизме сражавшихся в Белоруссии наших солдат и офицеров. К поискам подilyчили военкоматы, школы, сельсоветы...

К годовщине Октябрьской революции в музее открылись сразу две выставки — «Вооружение белорусских партизан» и «Большевистская печать Белоруссии в дни Великой Отечественной войны». Мало кто знал, как трудно они достались работникам музея. Приходилось самим приводить в порядок помещение, самим готовить всю экспозицию. Елена Михайловна Заклинская до сих пор не забыла, как в отделе пропаганды ЦК партии с ней поделились канцелярскими кнопками. Коробочку кнопок она несла в музей с таким ощущением, будто обрела неслыханное богатство. Богатством считались лист фанеры, пузырек чернил, кусок полотна.

...Отметить успех первых выставок договорились заранее. И готовились к долгожданному вечеру. К тому времени обзавелись лошадью, и Лена Сорочан — ездовая, экспедитор и правая рука завхоза — съездила куда-то в деревню и привезла картошки и свеклы. Винегрета было вволю, нашлось что разлить в кружки. Пировали допоздна. На вечере раздавали первые награды. На четвертушке простой бумаги машинописный текст: «Объявлена благодарность за создание выставки «Вооружение белорусских партизан» и «Большевистская печать Белоруссии в дни Великой Отечественной войны». Тогда же объявили, что руководство изыскало возможность премировать сотрудников. Щедрость премий поразила: деньги, мука и бельевая трофейная ткань.

А народу в музей ходило все больше и больше. Очень часто гул металлических лестниц возвещал о прибытии самых, пожалуй, дорогих посетителей — бойцов Красной Армии. Приходили рабочие, нередко прямо из цехов, со строительных площадок. Затихали у стендов шумные стайки школьников.

...Четвертое десятилетие существует Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. У него новое здание. Экспозиция в нем развернута богато и ярко. Потрясающая своей организованностью и размахом рельефовая война; не укладываемые в рамки обычных понятий о мужестве бесстрашие подпольщиков; интернационализм борьбы с фашистской опасностью, так убедительно раскрывшийся в Белоруссии; умелые и доблестные действия наших воинов в операции «Багратион»; чудовищный лик гитлеризма... Музей воспитывает, закаляет, учит. У него есть теперь филиалы — Хатынь с ее скорбным, всей планете слышным звоном, напоминающим о прошлом и предупреждающим о будущем; величественный курган Славы. И едут, идут сюда люди. Многие тысячи граждан, наших современников.

А в фонды музея продолжают поступать документы истории. За обманчивой его тишиной идет жизнь, настоящая боевая работа. Минск.

Татьяна УЛЬЯНОВА

Пусть чаще свадьбы и рожденья,
Пусть чаще солнечные дни,
Пусть чаще взлеты, восхожденья,
Пусть чаще звезды и огни.

Пусть чаще утренние зори,
Пусть чаще птицы на лету.
Пусть чаще море,

реже горе,
Пусть чаще
все начистоту!

Быть за счастье Родины в ответе —
В этом нашей жизни смысл и суть...

Через призму трех десятилетий
Фронтонной разглядываю путь.

Этот путь и долгий и пологий
Как прошла?
Пройти готова вновь!
И чем крепче к Родине любовь,
Тем сильнее души моей порывы!

Татьяна ЛУЧНИКОВА

УТРО В 1941 ГОДУ

Между небом и землей
все уснуло. Так казалось.
Было утро. До войны
пять минут всего осталось.

Даже венчики цветов,
как под ветром,
вдруг поблекли.
Скрытые, из-за кустов,
их обшарили бинокли.

И к цветку цветок приник
в подсознательном испуге.
Оттого, что в этот миг
закрывались танков люки.

Не тряслась еще земля.
Не гудела от металла.
Только как-то тяжело
над планетой солнце встало.

Между небом и землей
все уснуло. Так казалось.
Было утро. До войны
пять минут всего осталось.

БАМ

Под стук колес светло проснись.
И ничего не обещаю.
День добр, а значит, беспощаден.
И этому я здесь учусь.

Дорог железных полотно
Поет, как ручейки и речки.
Учусь прозренью, ритму речи.
А значит, с жизнью заодно.

А поезд, в коловрты вьюги
Меня, как легкость, ощутив,
В движенье четком и упругом
По БАМу, словно свет, летит.

Людмила БУКИНА

И все-таки март. Одноцветный,
промокший.
Деревья и небо — в холодном
снегу.
Но что-то в нем есть непонятно
хорошее,
Как в тихом костре на другом
берегу.
И можно одеться тепло и
надежно

И выбраться вечером
в пасмурный лес,
Где серое небо просвечено
розовым,
Особенно там, за стволами берез.
И можно притихнуть и чутко
послушать,
Как след наполняется темной
водой,
И можно увидеть, как с дальних
пирушек
Грачи возвращаются шумной
гурьбой.
Припомнить забытую, давнюю
осень,
Свои и чужие обиды простить...
Совсем уж стемнело. Наверно,
за восемь,
И в город промокший пора мне
спешить.

СУДЬБА

Приблизится день —
По дороге широкой, веселой

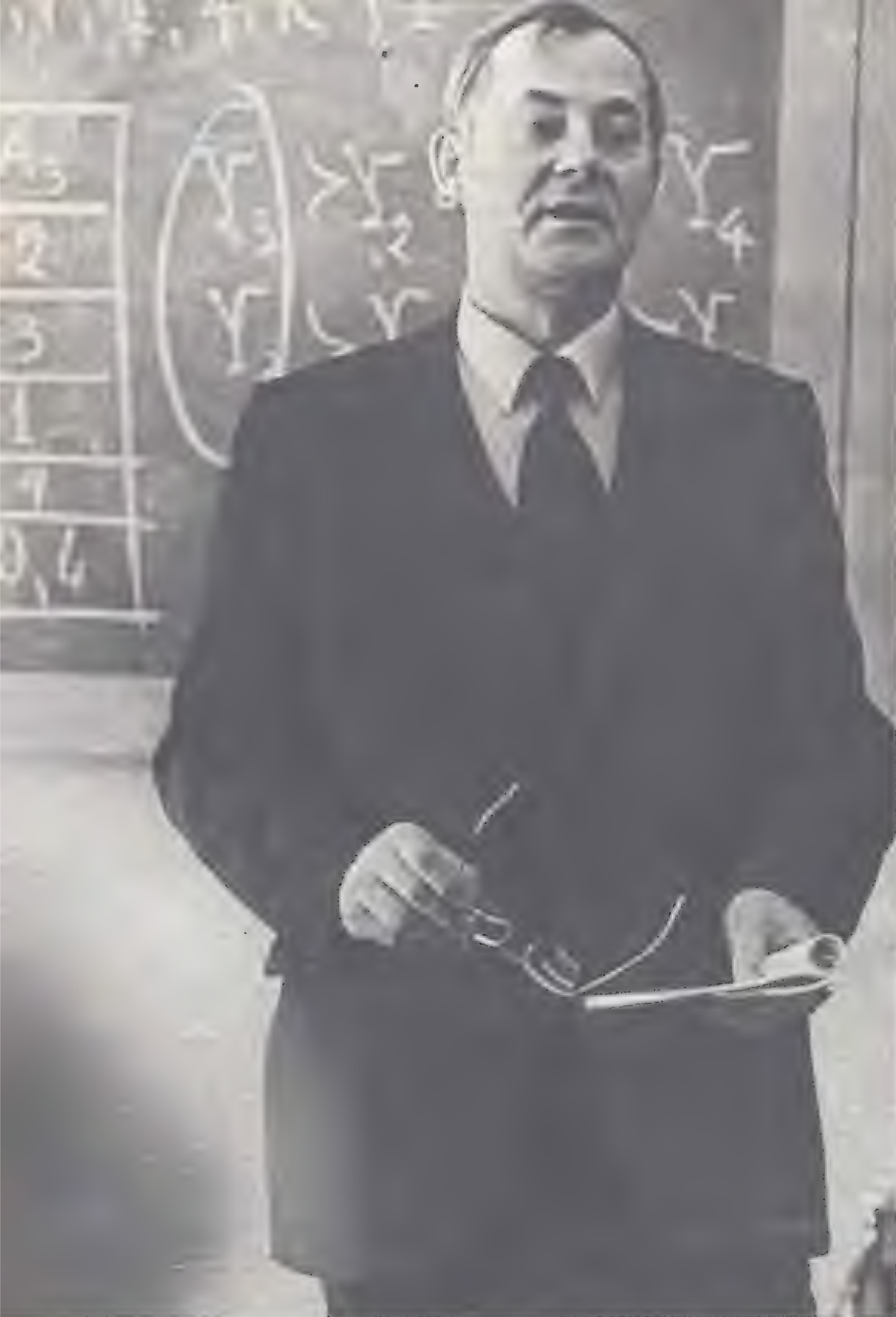
Судьбу поведу
На суровом, в обрез, поведу:
За яблоком — в сад,
За хлебом — во чистое поле,
И снова к дверям,
От которых бежала, приду.

В пути буду яблоки рвать
И ладони стирать о колосья...
Цветы зацветут
Под окном, на горячей земле.
В подсолнухе темном
Созреет зернистая осень.
Зароется ветер
В летучей древесной золе...

Вернусь —
И судьбу
Поведу, поведу из неволи,
Податливой пылью окутает ноги
она,

За яблоком — в сад,
За хлебом — во чистое поле,
Пока не найду
Облетевших цветов у окна.

Заведующий кафедрой отраслевых функциональных систем управления Академии народного хозяйства СССР, профессор, доктор технических наук Л. Г. Евланов.

А

кадемия народного хозяйства СССР очень молода. Ей еще нет и трех лет. И расположена она в молодом секторе столицы — юго-западном, по соседству с Олимпийской деревней.

Сейчас в академии напряженная пора. Скоро выпуск. Позади два года упорной учебы, семинары, рефераты, встречи с министрами, поездки за границу... и, конечно, лекции, лекции, лекции. Их читали такие крупные ученые, как академики Н. В. Мельников (первый ректор академии), А. Г. Аганбегян, В. М. Глушков, Н. Н. Некрасов. В учебном плане двадцать шесть дисциплин по таким разделам, как актуальные проблемы марксистско-ленинской теории, теория управления народным хозяйством, экономика и планирование, методы и технические средства планирования и управления, основные направления развития науки, техники и производства в условиях научно-технической революции. Слушатели академии — руководители главков министерств, производственных объединений, комбинатов и строек — получили также возможность ознакомиться с новейшими достижениями науки и техники, АСУ, системами управления качеством, мерами по охране окружающей среды на крупнейших предприятиях, социальными и психологическими методами управления. И как в любом высшем учебном заведении, им предстоит защита дипломов. Иные темы дипломов по своей глубине не уступают диссертациям. Например, у К. Г. Носова, работавшего заместителем начальника производственного отдела Магнитогорского металлургического комбината, тема такая: «Перспективное планирование воспроизводства основных фондов и рациональное распределение капитальных вложений в развитие черной металлургии».

Г. ВЛАДИМИРОВА

У Ч А КОМАНД

Воспитанники академии В. Я. Макарук (Казахстан), К. Г. Носов (РСФСР) и Р. С. Ахундов (Азербайджан).

Знакомство с работой хлопчатобумажной фабрики имени М. В. Фрунзе.

Идет лекция.

Фото И. ТУНКЕЛЯ

Т С Я ИРЫ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Министр легкой промышленности СССР Н. Н. Тарасов беседует с группой министров и первых заместителей — слушателей академии.

О Ш Я Т А

Александр ОЛЬШАНСКИЙ

РАССКАЗ

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Грибная страсть Егора Саввича хорошо известна в производственном объединении, где он возглавляет планово-экономическую и финансовую службу. Знает и он прекрасно, как она используется сослуживцами, однако к различным их ухищрениям относится как к невинной игре, в которой и сам не прочь участвовать. Да и что за жизнь без игры? Если она, жизнь, считает он, нахмуренная, вся из себя серьезная да важная, если в ней каждая ерунда-пустяк большое или, что еще хуже, огромное значение имеет, то это не жизнь, а острая зубная боль.

Так вот, появляется какой-нибудь выжига в кабинете и прямо с порога извещает:

— Белых вчера набрал в Снигирях!

— Ну-ну-ну...— поднимает голову Егор Саввич, снимает очки и откладывает их в сторону, откидывается в кресле и, рассматривая очередного хитреца, улыбается загадочно.

Тот, как нечто несущественное, не заслуживающее в данном случае никакого внимания, пристраивает папку с бумагами на краешке огромного стола, а сам уже расписывает подробности похода за грибами. Иной краснеет при вранье, глаза бегают или сам он как бы деревенеет (такого почему-то так и хочется выпроводить из кабинета), но этот, видеть, артист. «Врет ведь, шельма,— размышляет Егор Саввич,— был там лет пять назад, а заливаает...» И проверит, куда он ходил — на север, к Еремееву, или на юг, по правому берегу Истры.

— На юг, к Истре,— готов ответ у посетителя.

— А возле Жевнева через Истру как переходил?— ставит верный капкан Егор Саввич.

— По мостку—самый надежный путь!

«Ишь ты! Знает! Если врет, то, значит, хорошо подготовился. Насчет грибов, что их видимо-невидимо, конечно, подзагнул,— заключает Егор Саввич и, накинув очки на нос, протягивает руку.— Давай, что там у тебя...»

Просматривает бумаги, а из цифр, словно на экране электронно-вычислительной машины, возникают очертания пешеходного мостика возле этого самого Жевнева, и он, Егор Саввич, идет по нему. Над черной водой поднимается косматый туманец, перед восходом солнца лес темен и влажен, тишина, покой, благодать... И вдруг ловит себя на мысли, что он, как ни странно, там никогда не был,— наслушался о Жевневе от таких вот, получил от них прямо-таки высшее грибное образование.

Бумаги в порядке, надо визировать, но все же Егор Саввич от досады, что сам он никогда возле знаменитого Жевнева грибы не собирал, спрашивает недовольно:

— Грибы срезаете?

— Как можно, Егор Саввич! Как могли подумать! Я ведь не косарь какой-нибудь, я выкручиваю аккуратненько.

— Косари оставляют пеньки, они гниют и заражают грибницу. Хотя сие весьма спорно, не в смысле спор, разумеется, а в том смысле, что здоровый, созревший гриб тоже ведь гниет — и грибнице ничего не бывает. Так-то... Вопрос из разряда вечно неразрешимых, из таких, например: с какого конца правильно лицо разбивать. Или шахматы — спорт они или не спорт? То-то же...— Будь здоров, удачи тебе,— подписывает он бумаги, а затем уже вдогонку кричит ему:— Но опять надо только срезать!

— Обязательно срезать!— с безответственной легкостью соглашается посетитель.

Опята...

Конечно, белый гриб, боровик,— лесной царь, а опята, они и есть опята, ни важности, ни громкой славы у них. Белый любит основательность, и чтоб солнце было, не сыро и не сухо, привередлив к деревьям и травам, ему и наклон почвы желателен, без нужного наклона геометр этот может не расти. Опята тоже не из простачков, одному лешему известно, почему они бывают летние и осенние, не растут на роскошных замшелых пнях, а на тоненьком прутике — целый куст, в траве — россыпь. Когда они в лесу появляются — поди угадай... Продают их на рынках всюю, погода теплая и влажная, треск должен стоять в лесу от их роста, а на заветном месте пусто, ни пулырышка. Бывает и так: изморозь на корнях выступила, в лесу белые мухи закружились, а опята тут как тут, хоть и заледевшие, стеклянные...

Из всех грибов Егор Саввич больше всего души не чаёт, конечно же, в опятах. Было время, когда он приносил домой их килограммов по двадцать, консервировал по своим рецептам и раздавал затем сослуживцам. Тогда помогала ему жена и две дочери, теперь Егор Саввич живет один — жены уже нет, а дочери живут своими семьями, и поэтому он консервирует две-три банки на тот случай, когда в доме могут появиться какие-нибудь гости. Естественно, не раз и не два умением Егора Саввича восхищались, он же, услышав похвалу, конечно, оправдывался. Примерно так: это что... вот вы, небось, никогда оленьих языков с опятами не едали, морошкой не закусывали... нет? То-то же...

Иногда в пору душевной раскованности, желания пооткровенничать в хорошей компании или с понимающим, толковым собеседником он рассказывает, как воевал на мурманском направлении и там, в госпитале, отведал это чудесное блюдо — оленьи языки с опятами.

...Приходя в себя, матрос Егор Гончаров стал различать в зыбком тумане нечеткое и все же определенно ангельское личико. Подумалось ему, что он уже на том свете, но потом, когда туман пропал, увидел родниковые, именно родниковые — синие, прохладные и радостные девичьи глаза. Шевельнулось запоздалое сомнение: разве ангелы женского рода?

К сожалению, на выработку этого сомнения ушло слишком много сил, он снова впал в забытие, однако остался как бы в полусознании, задержался на той грани, когда по своей воле не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, и при этом почти все понимал, правда, не совсем осмысленно, на уровне полуощущений-получувств. На лоб легла легкая, бесплотная рука, погладила волосы, из далекого далека услышал он тихую мольбу: «Посмотри, родненький, посмотри еще!..»

Его голову, тоже бесплотную, подняли, в сомкнутые губы ткнулась ложка, и в рот полилась приятная влага. Егор глотал ее, и у

него это получалось до тех пор, пока не почувствовал, насколько тяжела словно ртутью наполненная голова, которую изнутри стала распирает вдруг вспыхнувшая черная боль, испепелившая все его чувства и мысли, даже проблеск признательности существу, поившему его. Боль терзала мозг, тело, она, казалось, убила в Егоре уже все, но так и не смогла пересилить возникший в нем упрямый интерес к тому, а что, собственно, происходит за пределами этой кошмарной боли. И тогда он открыл глаза.

— Смотрит! Смотрит! Взгляните, он смотрит! — Ангельское личико куда-то исчезло, затем наклонилось над Егором.

Он хотел спросить, где он и кто она, а получилось шершавое, хриплое: «Пить!»

— Пей, родненький, пей, миленький! — Она опять подняла ему голову, и Егор стал пить кисло-сладкую влагу из кружки, делая большие, настоящие глотки.

— Молодец, Анюта, отбила матроса у костлявой, — сказал кто-то густым, прокуренным голосом.

Поддерживая голову Егора одной рукой, девушка как-то сумела другой взбить подушку и перевернуть ее прохладной стороной. Голова Егора утонула в мягкости и прохладе.

Наутро он, как и положено, проснулся, поинтересовался глазами ее лицо, хотел было повернуться на бок, но скованное гипсом тело не поддавалось.

— Давай подсоблю, — пришел на помощь знакомый прокуренный голос, и тут же в поле зрения Егора появился его обладатель — пожилой уже, с пышными рыжими усами, с рукой и ключицей в замусоленном гипсе.

Вдвоем, кряхтя от натуги, они повернули Егора на бок. Усатый сел на свою койку и, подмигивая контуженно, рассказывал:

— Анютка тебя выходила. Семь ден не приходил в себя после операции! Шутка ли — в тебе восемнадцать, говорил доктор, дырок. Когда я прибыл сюда, Анютка уже возле тебя сидела. Она ведь девчушка совсем — шестнадцать годов, а ты, Аника-воин, как развоуешься в бреду да матерком как запустишь... Она тут же тебе соску с молоком или соком, ну, ты и в отбой. Однополчане твои были и рассказали Анюте, какой ты геройский парень... Потеряла совсем Анютка покой, все спрашивает меня: «Дядь Миша, неужели он такой красивый, такой смелый, умрет?» Успокаиваю, как могу. После спрашивает: «Дядь Миша, а это ничего, что он так ругается?» «Так это он для азарту и сподручности», — отвечаю, а сам думаю: «Э-э, девка, неважные твои дела...» Ждешь?

Сосед поднялся и ушел Егору за спину — там негромко беседовали, кто-то стонал. Пришел небритый, бледнолицый врач, Егора окружили медицинские сестры, и он огорчился: Ани среди них не было. Они повернули его на спину, стали снимать бинты.

— Ну и здоров же ты, мореход. Тыфу-тыфу-тыфу, ну и здоров, — сказал врач.

Егор терпел, поскрипывал зубами от боли, на что врач отвечал: «Ну-ну, не так грозно, мы ведь не боимся». Сестра слишком решительно сорвала бинт с головы, черная боль взорвалась беззвучно, вобрала его всего в свои пределы...

Очнувшись он от прикосновения к щеке. Открыл глаза — Аня отдернула руку, смутилась. Она, наверно, ждала этой минуты и боялась ее — все эти дни он для нее был вроде большой бессловесной куклы. С живым, находящимся в сознании человеком ей было труднее. Егор лежал на спине, и, чтобы видеть Аню, ему приходилось сильно косить глазами. Девушка догадалась, вспорхнула с табуретки и, поворачивая его на бок ласковыми и очень сильными руками, спрашивала:

— Не больно? Не больно?

Егор без стеснения смотрел на нее — тоненькую тростиночку в балахонистом белом халате. У нее были гладкие светлые волосы с выгоревшими прядями — почувствовав его взгляд, она произвольно поправила их. От волнения покусывала губу, и Егору было видно, как они наливались соком, пунцовели на месте прикусов. Глаза ее быстро-быстро поглядывали на него, с каждым взглядом как бы привыкали, смелели, теплели и все сильнее и сильнее то ли обволакивали, то ли озражали Егора нежным светом.

— Вам, наверно, есть хо-о-очется-а-а. Последнее слово она пропела, наклонилась за узелком в клетчатом черно-белом платке. — Знаете, какую я принесла вкусня-я-ятину! Оленьи языки с опя-а-атами! Вам грибы нельзя, я их оставила дома, а языки принесла-а. Они во рту так и та-а-ют. Силу они, знаете, какую даю-ют? Сразу на ноги подниметесь и оленем бегать будете! И моро-о-шка есть. Я вас, Его-о-рушка, все со-о-ком морошковым поила, все со-о-ком по-о-и-ила.

У нее была довольно симпатичная привычка отдельные слова не выговаривать, а как бы выпевать, особенно те, которые повторяла... А языки были еще теплыми — Аня принесла их в кастрюльке, обмотанной махровым полотенцем.

— Вкусно! — признался Егор и попросил: — А грибов нету?

Она отрицательно покачала головой.

— Неужели там не завалялось ни одного?

— Один — пожа-а-луйста, — согласилась она, и на кончике вилки появился в густом, должно быть, сметанном соусе опенок.

— Вкусно? — не сдержалась Аня.

— Не успел распробовать.

— У-ух, хитрю-ю-ю-щий ка-а-кой! — засмеялась Аня. — К пище привыка-ать надо. Через час еще пое-е-дим немно-о-ожко. А сейчас закусим моро-о-шкой...

Она держала в пальцах темно-желтую ягоду, похожую на малину. Он раскрыл рот, и Аня, как птенцу, вложила ягоду. Еще одну, еще. Лицо у нее светилось от великого удовольствия.

— Я ем, а ты — нет. Если есть, то вдвоем. Одну мне, и тебе одну...

— Так не пой-ойде-ет. Я сы-ытая. Три тебе, а мне одну-у.

— Нет, одну — тебе, одну — мне.

— Так и быть: одну мне, две тебе, — добавила задиристо: — И не спорь!

— Хорошо, не буду.

— Гончаров, сестренка, этот будет? — спросил кто-то рядом уставшим, измученным, безразличным и оттого ничего доброго не предвещающим голосом.

Аня побледнела, поднялась и ответила:

— Да-а, это Гончаров.

— Гончаров? — заглянуло ему в глаза лицо пожилого солдата, должно быть, санитаря.

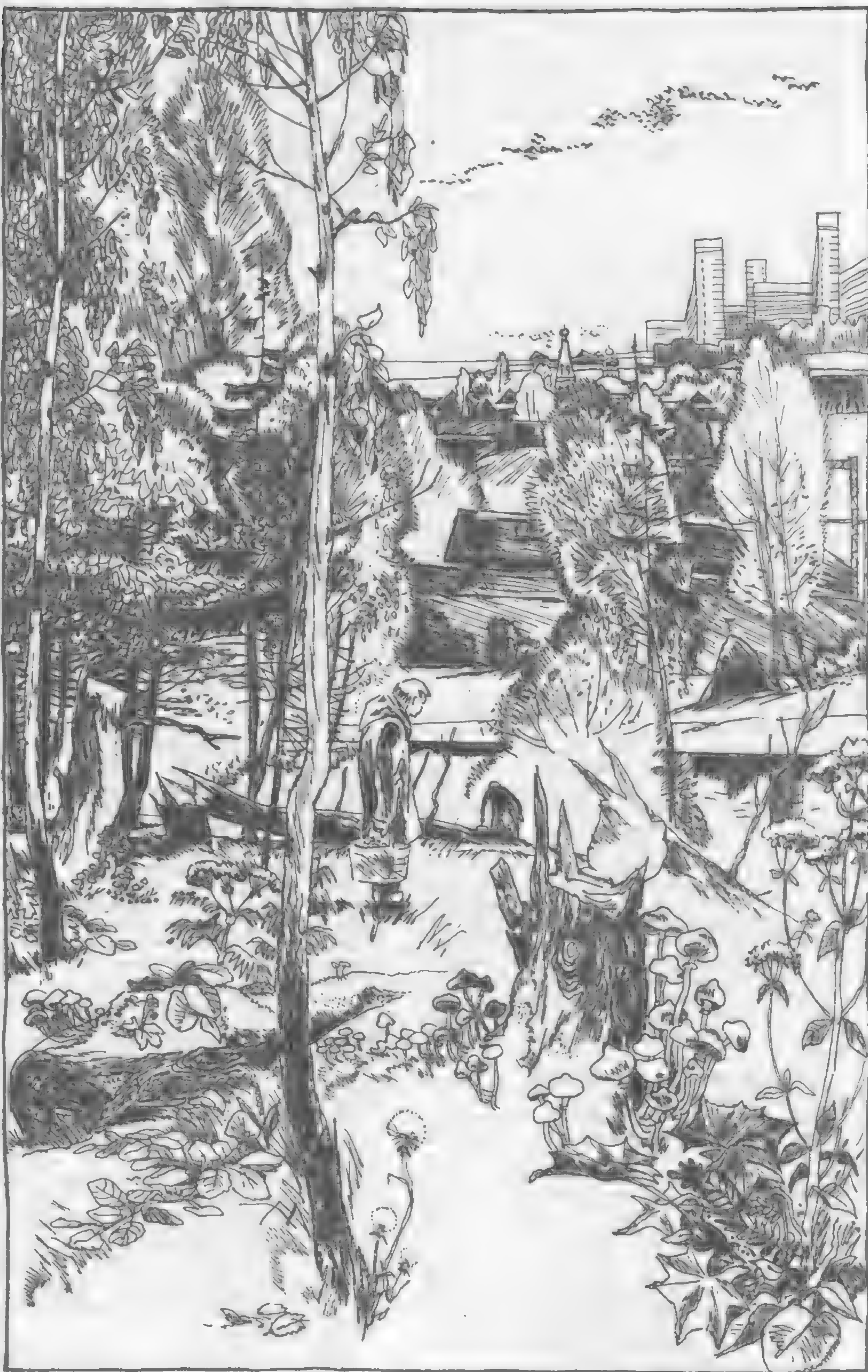
— Точно, он самый, — приободренно подтвердил Егор.

— В Москву, — безразлично объявил санитар. — Велено в самолет доставить.

Рядом с койкой стукнули носилки, два дюжих, пахнущих табаком санитаря подняли его костлявыми руками («Осторожнее, пожа-луйста!» — крик Ани) и опустили на жесткое, неудобное ложе. Качнулись окна, заколыхался, словно был из белой резины, потолок, да и Егор будто сам пошел по палате — так ощутимо-отчетливо отдавались шаги санитаря у него в ногах, в позвоночнике, во всем теле. На лестнице носилки наклонились, сухо и беззвучно затмила свет боль, отделила вязкой, труднопроницаемой перегородкой от внешнего мира, который напоследок отпечатался в памяти тревожным возгласом Ани, похожим на далекий вскрик сойки...

Через год списанный вчистую матрос Егор Гончаров стоял на пепелище родной деревни и, кусая костяшки кулака, прислонился плечом к обожженной, закопченной березе, живой всего двумя-тремя веточками, беззвучно заплакал. Горбатый бобыль, лесник Пантелей, живший от деревни в стороне, рассказывал, что немцы кого угнали в неволю, а кого согнали в колхозный амбар, облили бензином и сожгли. Пантелей достал из-за божницы пачку писем. Егор узнал свои треугольнички и сказал на прощание:

— Побереги, я еще напишу.

Он вернулся в госпиталь, добился пересвидетельствования, убедив врачей, что ему никак невозможно отсиживаться в тылу. После войны несколько раз давал знать о себе Пантелею и сообщал свои новые адреса на тот случай, если вдруг объявится кто из родни. Поступил в институт, женился, получил комнату, переехал в новую квартиру. Ответов от лесника не требовал — Егору Саввичу хотелось основательнее забыть все.

Всколыхнуло ему душу в безвестной сельской больнице, куда он попал по совершенно невероятному поводу — во время рыбалки, а это было в верховьях Волги, воспалился у него аппендикс. Он надеялся, что ему попутно в госпитале вырезали его, не думал никогда, что отросток слепой кишки у него уцелел, и когда прихватило, подумал на старые раны. Пустяковая, казалось, операция едва не стоила Егору Саввичу жизни — воспаление брюшины, температура держалась

две недели, образовались спайки, разыгрался холецистит, в довершение ко всему разошелся шов, и он едва не истек кровью до прихода врача. Зажав шов рукой, он пошел искать врача сам.

В больнице у Егора Саввича было предостаточно времени размышлять о жизни. Вначале ему не хотелось ревизовать свои деяния, и он просил медсестру принести ему хоть алгебру, хоть геометрию — только бы что-нибудь читать. Откликнулась санитарка, которую все называли няня Люба — круглое, розовощекое существо, с синими, словно нарисованными глазурью глазами и неожиданно густыми, кустистыми, даже торчащими бровями. У Любы был несомненный дар оказываться рядом с теми, кто в чем-либо нуждается. Она часами просиживала, причем по своей воле, возле Егора Саввича, занимала его разговорами, отвлекала от мыслей о болезнях. Куда она, обыкновенная сельская женщина,

у которой в меру в общем-то пьющий муж, двое детей, не очень ласковая свекровь, огород, могла его отвлечь, увести? Конечно, в свою жизнь, незатейливую и нецветистую, в обыкновенности своей исполненную такого же неброского, а на самом деле — самого большого смысла. И она это чувствовала или понимала, во всяком случае, вела себя очень независимо на работе. («У меня диплом всегда стоит!» — заявляла она, имея в виду швабру.)

Что значит няня Люба в жизни безвестной больницы, Егор Саввич по-настоящему понял, когда в реанимацию поступил местный юродивый по прозвищу Блаженный Петя. Это было существо несчастное — в семь лет заболел менингитом, ослеп, сгорбился. В соседнем районе жили его братья, а здесь он прижился у какой-то бабки, заняв нехлопотную должность сельского звонаря. Не умел считать до десяти, но звонил, рассказывала няня Люба, так красиво, что многие из окрестных деревень приходили не столько молиться в церковь, сколько слушать колокольный звон. Со временем молва превратила Блаженного Петю в святого человека, божьего угодника, во что он, к сожалению, и сам поверил. И вот, размышляя как-то о своем предстоящем вознесении на небеса, Блаженный Петя был сильно озадачен тем, каким образом, находясь там, он станет отправлять естественные надобности. Мысль о том, что он будет сверху гадить на землю, должно быть, привела его в ужас. Он нашел выход, еще бы, ведь все гениальное просто. Блаженный Петя решил вначале на грешной земле обходиться без этих надобностей. Он героически продержался несколько суток.

Отхаживала его Люба. Закончив уборку, приходила к Пете, заботилась, чтобы у него было чистое белье, чтобы он был умыт, накормлен. Медсестер он не любил: они его обманывали, когда ставили капельницу или делали уколы. А няню Любу он любил, изливал ей несчастную свою душу, вспоминая, что он до семи лет видел и до сих пор помнит, как выглядят многие предметы, то болтал с ней о всяких пустяках или учил ее звонить, показывая, как надо дергать веревки, и при этом тилинькал, бомкал, бамкал или распевал псалмы вперемешку с забористыми частушками. Если няня Люба срочно требовалась Блаженному Пете, он кукарекал. «Ой, Петушок меня зовет!» — раздавался где-то в недрах отделения голос Любы, а затем появлялась и она, всегда спокойная и всегда добрая.

Наблюдая за ними, Егор Саввич вспоминал Аню из госпиталя, причем, любопытно, она теперь стала намного ближе и понятней, чем тогда, правда, в редкие просветы сознания. Время оставило в памяти самое важное и нужное, да и душа его теперь была не таким грубым и прямолинейным инструментом, как раньше. Только в здешней больнице он осознал, что Аня защитила его тогда от смерти своей любовью. Быть может, у Ани не хватало сил держать его на этом свете, и она влюбилась в него и стала оттого сильней? Теперь-то Егор Саввич знал: чтобы человек умер, костлявой надо победить хотя бы одну женщину. Они, посредницы между жизнью и смертью, по материнской природе своей защищают жизнь до конца, защищают нередко даже тогда, когда и надежды никакой нет, и сколько же было их, боровшихся со смертью насмерть в медсанбатах и госпиталях, сколько их теперь в нынешних больницах, таких Ань и Люб!

Егору Саввичу стало стыдно, что он не вспоминал Аню, за столько лет не побывал в родных местах. Да, все затмило ему страшное горе, но разве с Родиной бывают только радости да счастье? А это же горе, разве оно не укореняет душу в родной земле? Что ж, иной раз родина злой мачехой покажется, вот и бежал от нее Егор Саввич, но, оказывается, бежал-то он как раз назад. Он стремился вперед, рвался в будущее, не подозревая, что будущего без прошлого не бывает, не веря, с неумеренным оптимизмом, что нельзя уйти от самого себя, от тех простых и важных истин, которые лежат в основе каждой человеческой личности.

Егор Саввич, выходило так, в жизни обо-

крал себя, маленько обмишурился. А ведь делал все так, как надо, — до призыва на службу пахал землю, воевал в общем-то ничего — целый иконостас орденов да медалей, после войны не гулял, и секретарем парткома был, и директором завода. Жил вроде самым главным, не знал, что среди всего самого главного тоже ранжир имеется, как у военных — главный старшина есть и, скажем, главный маршал артиллерии, бог среди богов войны. Вот и родная земля, видать, самый главный бог нашей жизни.

Обиднее всего было то, что дочери его почти ничего не знали об отцовской земле, о земле их предков, жена тоже знала не больше их. Егор Саввич еще удивлялся: почему, ну почему дочери, как только они заместились, превратились из родных детей в каких-то квартиранток? Дважды Егор Саввич получал новые квартиры, лучше и лучше, домашние этому, конечно, радовались, но ведь он еще и сожалел о старых гнездах! Вообще, пришел к заключению Егор Саввич, последнюю квартиру можно было и не получать — из-за каких-то несчастных пяти метров поменять не только дом, но и район? Словно кто-то искушает людей благами, а они в погоне за ними бросают друзей и соседей, с которыми бок о бок прожили не один год, как перекасти-поле, переезжают, никак не выйдут из состояния новоселов. И рвутся и без того некрепкие человеческие связи, и очень многие дети не знают, как им отвечать на вопрос: а где твое, мальчик или девочка, родное место на земле? Москва, Ленинград, Донецк — славные города, но слишком общие в данном случае понятия.

Пожелал ты, Егорша, казнил он себя, очень сильно очиститься от деревенской грязи и горя, полез, как тот Блаженный Петя, на свои небеса, в общем, захотел и рыбку съесть и на этот, на кон сесть. Да и когда ты вспоминал свою родную деревню? После очередных решений и призывов ты даже видел себя председателем родного колхоза — дескать, вот приеду, вот покажу. Возмущался еще небогатыми витринами гастрономов...

Что и говорить, не героем чувствовал себя Егор Саввич по пути к родной деревне. Ехать туда всего два часа электричкой, пешком пройти три-четыре километра по лесу, в свое удовольствие, а не был он там без малого тридцать лет. Заросли бузиной и крапивой бывшие подворья, трудно даже определить, где и чья была изба, где тот страшный амбар был. Поклонился низко Егор Саввич праху родных и односельчан, поклонился на четыре стороны и побрел на кордон к горбатуому бобылю.

Еще издали Егор Саввич почувствовал неладное — нехожена и неезжена была дорога к Пантелею. Предчувствие не обмануло — изба стояла заколоченной. Двери крест-накрест, окна без стекол.

«Все, Егорша, последняя твоя ниточка с прошлым здесь оборвалась», — произнес он медленно, как бы растягивая казнящие самого себя слова, обошел избу и опустился на ступеньки, покрытые зеленой корочкой мха. Разложив снесь, помянул погибших и побрел назад, на станцию.

Теперь он никуда не спешил, впереди был целый день, и он шел, прислушиваясь к грустной и задумчивой музыке, звучащей в нем самом, и впивал в себя покой родного леса, соединялся с ним и растворялся в нем.

Потом Егор Саввич заметил, что ему стали попадаться все чаще и чаще грибы. Вначале он проходил мимо красных и фиолетовых сыроежек, мимо свинушек и чернушек, но попался красноголовый челяш, подосиновик — сорвал, нашел краду несколько подберезовиков, а возле них и пень в опятах, словно в желтой вздыбленной бахромке.

«Опята!» — воскликнул Егор Саввич и остановился перед ними. Опята были молодые, на толстых и высоких ножках, с густыми задирами на не успевших еще раскрыться шляпках. Егор Саввич достал из саквояжа нож, срезал несколько крупных грибов, понюхал — и пахнуло на него детством, походами на остров посреди Заячьего болота. Так его называли за то, что зимой, когда низины схватывало льдом, туда наведывались зайцы — полакомиться раkitником, верболозом и корой пла-

кучих ив, растущих по берегам вдоль многочисленных протоков и рукавов. «Не единственный ли я на всем белом свете человек, который знает, что болото называется Заячьим?» — обожгло Егора Саввича.

К его удивлению, Заячье болото почти высохло — он без труда, посуху прошел между густыми купами верболоза и только в одном месте, в густой осоке, почувствовал, что нога проваливается и в полуботинок попала вода.

За раkitником и ольховником пошли березы, осины, ели, а там уж липы и дубы, даже сосны на самом высоком и сухом месте бронзовели теплыми кражистыми стволами. Стояла на острове деревянная вышка, какой-то топографический знак, от нее, если взять налево, в могучем, но кем-то беспорядочно вырубленном ельнике, между кустов орешника, были метровой толщины пни. В этой низине и росли опята.

Теперь на этом месте был малинник, ягод, запашисто-острых, еще было много, и Егор Саввич, по пути срывая их и отправляя в рот, искал те пни и следы бурелома. Тех довоенных пней, конечно, уже не было, давным-давно они превратились в труху, и все же в малиннике сохранилось несколько старцев в изумрудных шубейках из мха, из которых то там, то сям торчали молоденькие опята. Срезая грибы с корней, углубился в малинник и ахнул — внизу было множество опят, которые росли на месте бывшего бурелома.

Исцарапанный, с разорванным плащом, в мокрых, размякших и грязных башмаках, но довольный удачной охотой, вернулся Егор Саввич в Москву. Жена молча наблюдала, как он вытряхивал из саквояжа кучу опят. Сияющий Егор Саввич предлагал и жарить их, и тушить, и закрывать на зиму в банки.

— Может, тебе к ним оленьих языков достать? — язвительно спросила жена.

— Марта... разве можно так... разве ты не фронтовичка...

Потом, когда Марты не стало, он понял и простил жену.

С того раза Егор Саввич, кроме рыбалки, пристрастился к грибной охоте. В следующую субботу он снова поехал на Заячье — опята были тщательно и умело срезаны.

Каждый год, увидев на Ярославском рынке опята, Егор Саввич выжидал два-три дня, потому что на его острове они почему-то выскакивали попозже, и отправлялся на Заячье болото. Спешил, боялся опоздать — с того раза он вступил в борьбу с невидимым и неизвестным соперником, который нет-нет да и вырезал грибы.

Как-то Егор Саввич держал первенство три года подряд. Стало тревожно за соперника — может, заболел он, а может, слишком стар был? Азарт даже пропал, как вдруг, подходя однажды к малиннику, заметил там какое-то живое существо. Подкрался осторожно, рассмотрел — баба, какая-то старуха лет под шестьдесят шурухитесь, стрижет опята большими ржавыми ножницами и двигает еще, приоткрыв и скривив беззубый рот, челюстями, вроде бы как сама себе помогает.

«Шугану-ка я ее отсюда!» — решил было Егор Саввич от злости, как-никак такого соперника он, что и говорить, не ожидал, и хотел было пошуметь в кустах, кабаном похрюкать даже — пусть она со страху убегает. И тут же урезонил себя: грибов тебе мало, что ли, Егорша? Становись рядом и собирай. Но все же не удержался, крикнул властным, громовым голосом:

— Так кто здесь мои грибы режет, а?

Старуха отскочила от пня, выставила угрожающе перед собой ножницы. Увидев по-доброму улыбающегося Егора Саввича, опустила оружие и проворчала:

— Откуда, лешак эдакий? Чуть до смерти не перепугал!.. Грибы, они чьи? Общие!

Баба поправила с вызовом толстую выгоревшую косынку на голове и наклонилась к пню с ножницами.

— А если это мое заветное место? Если я его знаю, считай, больше пятидесяти лет?

Соперница оставила на пне ножницы и, выпрямляясь медленно, с большим сомнением спросила:

— Да ты Ягор, что ли? Гончаров?

— Ягор! — весело откликнулся Егор Саввич. — А ты кто?

— А вот признай! — выиграла вдруг она. Он всматривался в ее морщинистое лукавое лицо, хитрые бесцветные глаза — нет, не мог узнать. Баба выждала минуту-другую и воскликнула:

— Да Серафима я Поленова! Сонька, ну, Сонька, — повторяла она, заметив растерянность Гончарова.

— А-а-а, так это ты, пигалица, когда меня на флот провожали, при всех целовала?

— Конечно, я, — с гордостью ответила Серафима. — Я же в тебя, красавца, влюблена была! Да ты и сейчас ничего: располнел только, гладенький очень. Начальник, небось?

— Начальник! — опять в тон ей ответил Егор Саввич и предложил: — Садись, Серафима, как там тебя по батюшке... Да я же знаю — Серафима Степановна, в ногах правды нет...

Они сели на ошкуренную временем поваленную ель и стали вспоминать свою деревню, своих родителей и односельчан. Серафима осталась в живых случайно — гостила у тетки тогда в соседней деревне. Когда разговор коснулся горбатого лесника, Серафима заплакала от отарашения:

— Бобыль, говоришь? Да он у четырех баб в примаках был. Поживет полгода и назад, на кордон. Избаловался до невозможности!

— А сейчас он где?

— За проделки бог наказал. В лесу бревном придавило, так и расчавило...

Не надо было обладать особой проницательностью, чтобы догадаться — в числе этих баб была и Серафима. Егор Саввич усмехнулся при этой мысли и перевел разговор на опять, рассказал, как он каждый год старался опередить неизвестного соперника.

Егор Саввич оставил ей пни, забрался в малинник. Обстригая их, она продолжала его расспрашивать. Ее все интересовало: где он работал, кем жена была, за кого дочери вышли замуж, не собирается ли он сам жениться — а что, видный такой мужчина, да такие еще, наверно, молодайки на него засматриваются... Надоели ему эти расспросы, мало того, Серафима еще ни с того ни с сего все время хмыкала, хихикала. Терпение его закончилось, и он стал потихоньку удаляться, чтобы вообще скрыться в чаще.

— Ягор! Ягор! — спохватилась она и, хотя он притаился за кустом орешника, нашла его. — Забыла спросить, Ягор, а ты не отзывайся!

— Задумался, не слышал.

— Слушай, Ягор, скажи, пожалуйста, а не нашла тебя молодая врачиха, которая тебе кровь давала на переливание?.. В госпитале кровь давала, не забыл, поди? — спросила неуверенно Серафима, встретившись с непонятным ей молчанием. — Пантелей рассказывал: после войны приезжала сюда эта женщина, о тебе расспрашивала. Она тоже вроде воевала... Неужто такое забывают? Ягор, как же: тебя на самолете в Москву отправляли, она записку еще под подушку положила! Неужто, Ягор, не вспомнил?

— Вспомнил, Серафима, — отвечал Егор Саввич. — Я помню. Я без сознания был, когда она мне кровь давала, а сама не сказала об этом. И записка ко мне не попадала...

— А я, глупая баба, хотела промолчать. Думаю, ладно уж, дело полюбовное, нечего соваться, а вышло вишь как — ты не знал!

Увидев помрачневшего, задумавшегося Егора Саввича, Серафима сделала несколько шажков назад и скрылась в кустах.

Он поднял с земли корзину и побрел к железной дороге. Если она по госпитальным документам, размышлял он, все равно что красный следопыт, разыскала место моего призыва, приехала сюда, то что же могло ее остановить, когда Аня уже знала, где я живу? Должно быть, она читала у Пантелея мои письма, прочла и то, в котором сообщал о своей женитьбе. Не зря, получается, Марта, страдальца эта, ревновала всю жизнь к ней.

Еще один укор поселился в душе Егора Саввича — он-то мог, так сказать, в обратном порядке разыскать госпиталь и найти следы Ани. Мог если не найти, то хоть попытаться... Она ведь и после войны если уж не любовью, то памятью о ней сражалась за него и, кто знает, наверно, и по сегодняшний день благославляет его на жизнь.

ЗОРЯМИ РОСНЫМИ

Леонард ЛАВЛИНСКИЙ

Было громами озвучено
Поле, и добрый кузнец
Выковал эту излучину,
Сабельно-светлый Донец.
Зелень ковравая брошена.
Лес молодой невысок.
Мелкое звездное крошево.
Глина да белый песок.
Возгласов, лепетов, шорохов
Не утихает молва:
Имя рассветное — Шолохов —
Произнесли дерева.
Славное утро получится:
Звонкая просинь Донца —
Вольному сердцу попутчица
До гробового конца.

В старом охотничьем домике
Мало печного тепла.
Шепчут бурьяны и донники —
Ночь про свое завела.
Капельно-малая скважина
Дышит предвестьем зимы.
Пуля обдуманно всажена.
Впрочем, не вымерзнут заживо
Наши сердца и умы.
Чья-то отметина дерзкая.
Лютого хищника след.
По темноте браконьерствуя,
Выпалил бешено в свет.
Впрочем, хозяйство налажено.
Егерь стоит у крыльца.
Пуля бессмысленно всажена, —
Ибо не вымерзнут заживо
Наши умы и сердца.

Прислонюсь устало
К меньшей из сосенок:
— Ты о ком шептала
Выдумки спросонок?
Или над невестой,
Призрачен и хвоен,
Красоты небесной
Реет местный воин?
Я-то здесь прохожий,
До утра попутчик
Тишины пригожей,
Ветра и колючек.
Но почую словом,
Чья лесная шалость
К сумеркам лиловым
Смольно примешалась.
Чьи узоры вышил
Золотом по шелку
Соловиный выщелк
Лунному осколку.

Царство донника с молочаем.
Перезвон жары нескончаем
И курганные шепотки
Над излучинами реки.
Ни словечка не различаем.
Стоя рядом, не замечаем
Над излучинами реки
Чьи-то пристальные зрачки.
Под курганы себя упрятав,

Наблюдают вожди сарматов
Разорителя тишины.
Стебель вылезет перископом:
Чей могильник не перекопан?
Чьи права не ущемлены?
Ах, прости, желтоглазый донник,
Рифмачу этот нищий дольник:
Чудо строится, понимаешь?
Замечаем и различаем:
Изначален и нескончаем.
Говор донника с молочаем.
Но... да здравствует «Атоммаш»!

Потянусь, облака разведу.
Сладко выпрямлю спину.
Оброню в сине море звезду.
Горизонты раздвину.
Несуразны видения сна.
Будто ночью кому-то
Репетиция смерти нужна,
Чернокрылая смута.
До зенита пером достаю.
Ты мерцаешь, лампада?
Задремавшую песню мою
Упаси от распада.

Куликовские ветра
Ознобили до утра
Ивняковую красу.
Жжется тихая река.
Трав несметные войска
Держат копыта навесу.
В беглом зеркале реки
Разлетится на куски
Басурманское копыто.
Запрокинется в Дону,
Шишаком скользя по дну,
Отражение мое.
Струйный катится дымок —
Разгадай судьбы намек!
Горе выплакал набат:
От Непрядвы до Угры
Те же ямы да бугры.
Купол вечности щербат.
Древний Палех. Черный лак.
Черный облак. Черный злак.
Ночь татарщины густа.
Рдеют зарева рубак,
Стяги витязей-рубак,
Будто ягоды с куста.
От порубанных полков —
Ни подков, ни пятаков.
Только песню соберу.
Куликовские ветра.
Остролистая ветла
Изогнулась на юру.

Ни червоточины,
Ни слизняка
В крохотной вотчине
Боровика.
Хвойники рослые
Трубно поют.
Зорями росными
Красен приют.
В медном отечестве
Крепью смолы
Хворые лечатся
Пни и стволы.
Кормится, шастая
Возле бельчат,
Мама ушастая.
Славки бренчат.
Дьявольской челяди
Нет в бору.
Вороги-нелюди
Не ко двору.

Радужный мост невесом.
Но обернется дуга
В тихом пруду колесом,
Соединив берега.
Ветви и корни сплелись,
И не могу разомкнуть
Осени черную высь,
Чувства глубинную муть.

«Страна крайне нуждается в том, чтобы усилия «большой науки», наряду с разработкой теоретических проблем, в большей мере были сосредоточены на решении ключевых народнохозяйственных вопросов, на открытиях, способных внести подлинно революционные изменения в производство».

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС товарища
Л. И. Брежнева на XXVI съезде КПСС

Станислав КАЛИНИЧЕВ

Фото
Николая КОЗЛОВСКОГО

Выразительный штрих, случается, может рассказать больше, чем пространственные объяснения.

...В приемной директора Института электросварки Академии наук Украинской ССР расхаживал солидный мужчина, перекладывая из руки в руку тяжелый брусок металла. Другой посетитель сидел в кресле и перебирал полированные медяшки, аккуратно заворачивая каждую в листок бумаги. Третий, раскрыв перед собою папку, рассматривал фотографии, сделанные под микроскопом. Внимательно присмотревшись и к остальным, я убедился, что к директору — академику Борису Евгеньевичу Патону чаще идут на прием не с бумажками, а с «железками». Потому что директор предпочитает

Мурманска, в институте изучают новейшие технологии сварщики и металлурги, электронщики и строители. Трудно назвать такую отрасль промышленности и строительства, куда не проникли бы научные разработки патоновцев. И не только в нашей стране. Достаточно сказать, что в одном лишь направлении своих исследований — электрошлаковой технологии — Институт имени Е. О. Патона имеет более семисот (!) зарубежных патентов.

Здесь не восхищаются слепо лучшими зарубежными образцами, здесь сами устанавливают образцы миру. Иначе не стали бы ведущие шведские фирмы, славящиеся своими традициями в производстве суперкачественных сталей, покупать наши электроламповые печи, как не стали бы американцы платить миллионы долларов за лицензии на производство сварочных машин.

Институт называют Меккой электросварки. В нем регулярно проводятся координационные совещания, международные и всесоюзные курсы, семинары, конфе-

кретно, фактически. Традиционные связи ученых института с производственниками — основная почва для большинства фундаментальных исследований, ныне всемирно известных. Вспомним хотя бы, как родилась электроламповая технология.

Это случилось больше тридцати лет назад. На «Запорожстали» восстанавливалась доменная печь, разрушенная в годы войны. Шла автоматическая сварка под флюсом стального кожуха печи. И вдруг погасла дуга... Обычно при сварке кромок металла оплавляются за счет тепла дуги. А тут она погасла, но приборы показывали, что сварка продолжается: идет ток, стекает электрод, формируются швы. Каким образом?

Повторю, это произошло не в лаборатории, а на строительной площадке. Выполненные исследования показали, что ток идет через расплав шлана, который, как шапка, плавает на поверхности горячего металла. Если ванну увеличить в объеме, то она станет отдавать неизмеримо больше тепла, чем крохотная дуга, пульсирующая на кончике электрода.

Много лет назад я был свидетелем, как в Краматорске отливали тяжелую деталь для уникального стана. Делали это специалисты двух заводов. Они долго вели подготовку к этой работе. Отлитая в земную форму многотонная машина остывала... месяца! И все это время люди жили в напряжении: не «поведет» ли металл? Не изменится ли резко погода? Не поползет ли трещина, перечеркивая всю их работу?

А электрошлаковая сварка позволила создавать такие детали по частям, на традиционном оборудовании, а потом соединять их. Причем в местах сварки изделие оказывалось наиболее прочным. Металл шва по всем характеристикам был лучше, чем полученный при обычном литье.

Это навело на новую мысль: а почему бы не получать таким образом металл не ради шва, а ради самого металла? Так родился электроламповый переплав, сделавший переворот в специальной метал-

ная же, а то и выше, чем кованных. Даже при производстве самых ответственных деталей электроламповое литье безотходно.

Я упомянул здесь лишь три самостоятельных направления электрошлаковой технологии, а их сейчас уже более десятка. Каждое из них вносит коренные изменения в существующую, повышает качество изделий, снижает трудоемкость, несет с собой более высокую культуру производства.

С каждым годом все новые сферы применения находят работы лаборатории подводной сварки. Ее сотрудники вылетали в Тюмень и на Волгу, помогали ликвидировать аварии на подводных трубопроводах. Участие в таких операциях подсказывало и наиболее актуальные темы разработок. Один пример. Под водой, особенно если это не вода, а мутная жижа — в болоте или на заиленном дне, когда каждое движение поднимает тучи грязи, а в тяжелом скафандре приходится работать почти вслепую, — простая замена электрода становится проблемой. Если металл надо не варить, а резать? Мало ли тянется за водолозом шлангов, в которых можно и запутаться, а тут еще одна для подачи кислорода. Да и доставка кислорода — непростое дело.

Скажем, сидит на болоте аварийная бригада, ожидает, пока вертолетом доставят баллоны. А база — за сотни километров. Там на тросе подвешивают к вертолету емкости, и он летит. Но вот поднялся ветер — и вертолетчики обрезают тросы, баллоны сбрасывают в тайгу. Теперь надо ждать погоды для нового рейса. Да и выброшенные баллоны денег стоят. Сотрудникам лаборатории не

МОСТЫ В БУДУЩЕЕ

ет вести разговор предметно, видеть своими глазами результаты исследований и экспериментов и принимать решения, а не терять время на разговоры.

Обратив внимание на это обстоятельство, я невольно стал замечать и другое. В бюро пропусков, где по утрам всегда многолюдно: — Там должно быть письмо на группу водолазов...

Кто-то по внутреннему телефону объяснял, что он — механик с фабрики искусственного меха, что у них «полетели» чугунные кожухи водяного охлаждения на мощных компрессорах и производство стоит. А он-де слышал, что патоновцы разработали надежный метод сварки чугунных деталей.

Позже я видел этого посланца с фабрики искусственного меха в одной из лабораторий, где он вел деловой разговор с инженерами и оформлял документы на необходимое оборудование.

В Киев приезжают люди с Камчаткой и Новосибирска, из Баку и

ренции, работает школа ЮНЕСКО, где занимаются специалисты из десятков зарубежных стран. Но характер исследований, которые ведутся здесь, давно вышел за рамки сварки.

Ныне это также центр специальной металлургии, новых материалов, космической технологии.

По его лабораториям мог бы разойтись целый отряд журналистов, и каждый нашел бы что-то новое, оригинальное. Но мне кажется, главное в работе этого научно-исследовательского центра, что может быть полезным и поучительным для других, — это сам стиль работы. Часто научная идея разрабатывается применительно к конкретному производству. Используются возможности отрасли, заинтересованной в новой технологии, подтягиваются опытные заводы института... Ученые и инженеры выезжают в командировки и дорабатывают свою идею на местах.

Невольно возникает вопрос: а не мешает ли фундаментальным исследованиям такая поглощенность делами современной индустрии? Увлекаясь внедрением пусковой даже революционных технологий, не растрачивают ли ученые накопленный запас знаний в ущерб новым поискам?

На такой вопрос надо отвечать

дургии. Электрошлаковые печи получили признание во всем мире.

А ученые шли дальше. В машиностроении долгое время наиболее трудным участком оставалось (во многих случаях остается и сейчас) заготовочное производство. Литые заготовки не отличаются высоким качеством: металл в них пористый, часты раковины, инородные включения. А кованные заготовки по качеству намного выше. Но при их обработке в стружку уходит до половины, а то и больше металла. Ученые разработали метод электрошлакового литья. Заготовки, полученные таким методом, — это почти готовые детали, отходы и затраты труда на обработку сведены до минимума, а прочность та-

раз приходилось переживать подобные ситуации.

Может быть, именно это вдохновило их создать полуавтомат для подводной резки металла. В нем электрод в виде проволоки сматывается с катушки. А проволока необычная. Это тонкостенная трубка, начиненная специальным составом. Металлические стенки проводят ток, создается дуга, а внутренняя начинка, сгорая, бурно выделяет кислород, который прожигает металл. Не надо под водой менять электрод, не нужны

Академик Борис Евгеньевич Патон. * Подготовка изделий для сварки электронным лучом.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Академик АН УССР Б. А. Мовчан. * Сварка кольцевым электронным пучком в вакууме. * Теплообменные аппараты и шарикоподшипники, сваренные фигурными электронными пучками. * Оператор — инженер А. И. Бондаренко за наладкой промышленного робота.

лишние шланги, баллоны и прочие неудобства, связанные с ними.

Оборудованием, созданным в лаборатории, сейчас широко пользуются нефтяники, химики, моряки, металлурги, строители...

Ведь если предприятие работает по новейшей технологии, не загрязняет окружающую среду — оно имеет замкнутую систему водоснабжения, включающую целые озера, по дну которых проложена система трубопроводов. Чтобы провести ремонт — плановый и аварийный, — без нашего оборудования пришлось бы спустить воду, останавливать цеха или все предприятия, нести миллионные потери.

Особенно актуальными труды этой лаборатории оказались в последние годы, когда лавинообразно стали нарастать темпы освоения континентального шельфа, морской добычи полезных ископаемых. Заведующий лабораторией подводной сварки И. М. Савич показал мне красочно изданный проспект фирмы «Комекс», которая ведет морские работы по заказам многих международных компаний. Сверкающие новой краской плавучие краны, кессоны, стабилизаторы сняты на фоне лазурных волн и прибрежных скал. Фирма гарантирует отличное выполнение работ на воде и под водой.

— Я хочу обратить ваше внимание на одно обстоятельство, — сказал Савич. — Заварить трубу большого диаметра, — всего один стык на глубине сто метров, — по данным фирмы, стоит миллион долларов. А мы со своим оборудованием делаем это в несколько раз дешевле. Вообще скажу: стоимость некоторых подводных работ по нашей технологии и с нашим оборудованием, образно говоря, соизмерима с расходами по командировкам. Внедрение полуавтоматов, созданных в лаборатории, повысило производительность труда водолазов на сварочных работах в 25—30 раз!

Когда наша страна делала первые шаги в космосе, Сергей Павлович Королев в одной из своих бесед с Борисом Евгеньевичем Патоновым заговорил о том, что придет время и космонавтам понадобятся сварочные аппараты и другое оборудование для создания на околоземных орбитах крупных конструкций, для монтажа и ремонта...

Сначала была создана группа, потом лаборатория, которая стала заниматься инструментами и аппаратами, необходимыми для работы в космосе. Энтузиасты сразу столкнулись с такими условиями, аналогичных которым просто нет на Земле. Вначале надо было создать безвоздушное пространство, невесомость, а потом уже учиться преодолевать их или... использовать в своих интересах. Космические корабли запускались не так часто, да и при их отправке строго учитывался каждый лишний грамм веса.

Но патоновцы не привыкли работать без «обратной связи», без постоянной проверки своих решений на живом деле. Институт стал арендовать самолет и использовать его в качестве летающей лаборатории. Ученые и инженеры разместили в салоне необходимое оборудование, поднимались в небо, и по их команде летчик бросал машину в свободное падение. У находящихся в салоне ноги отрывались от пола, и они начали парить, постигая на собственном

опыте воздействие невесомости. А через двадцать секунд начинались перегрузки — самолет выходил из пике и снова набирал высоту. И снова — двадцать секунд эксперимента, а потом, когда ноги подкашиваются от перегрузки, поспешная подготовка к новому заходу.

В самолете появилась барокамера. В нее помещались все необходимые образцы для работы, инженер влезал в полускафандр и — подъем, падение, снова подъем ради новых двадцати секунд эксперимента.

Десять лет исследований с привлечением летающей лаборатории, а параллельно с этим и тесное сотрудничество с космонавтами позволили накопить солидный научный и практический багаж. Руководитель лаборатории Всеволод Феодосиевич Лапчинский показывал мне всевозможные инструменты и аппараты, которые уже применяются для работы в космосе, осваиваются или ждут своей проверки в деле. Одна из разработок, получившая высокое признание специалистов, — установка «Испаритель». Она была доставлена на орбиту грузовым кораблем «Прогресс-7». Космонавты Валерий Рюмин и Владимир Ляхов установили ее на станции и провели ряд опытов. Рассчитана была установка на разовое пользование, то есть на серию экспериментов в одном полете. Но она так хорошо работала, что решили ее сохранить и там, на орбите, модернизировать. Новый экипаж в составе Леонида Попова и того же Валерия Рюмина заменил в установке узлы и детали, доставленные с Земли.

— Однажды, когда время истекло и космонавты должны были отдохнуть, Рюмин продолжал работать, а мы, естественно, его консультировали, — вспоминает В. Ф. Лапчинский. — «Вам пора отдыхать», — заметил Рюмину руководитель полета. А он после паузы ответил: «Еще поработаю. Интересно очень».

В разгар работы Рюмин сообщает с орбиты:

— А этот узел менять не буду. — Почему? — удивленно спросил его Лапчинский.

— Нет смысла. Я проверял старый — он отлично работал и выдержит еще один срок.

Что же представляет собой «Испаритель»? Упрощенно говоря, это тигель, в котором металл разогревается до высокой температуры и начинает испаряться, исходит облачком и осаждается на какой-то поверхности. Сам прибор может быть в виде стационарной установки, а может напоминать нечто вроде распылителя для покраски. С его помощью за одну-две минуты можно покрыть предмет тончайшим слоем серебра, кадмия, золота или другого металла. Такой переносной прибор может заменить десяток электролитических ванн.

В космосе он станет необходимым инструментом. Ведь некоторые элементы конструкции корабля покрываются тончайшим слоем серебра или золота, способных, как зеркало, отражать солнечные лучи. Но все изнашивается, приходят в негодность и какие-то участки теплозащитного покрытия. А переносной испаритель металлов позволяет восстанавливать нарушенные зоны теплозащиты непосредственно в космосе.

— Процесс научной разработки идеи иногда идет одновременно с ее воплощением в металле в цехах действующего предприятия, — рассказывает руководитель лаборатории электрошлакового литья Георгий Александрович Бойко. — Учим и учимся. И эта обратная связь ускоряет поиски рациональных решений. Часто бывает так, что агрегат, цех, более совершенная технология уже действуют, а научные монографии и статьи по этому вопросу только готовятся к печати.

Г. А. Бойко рассказывал мне про своего научного руководителя — лауреата Ленинской премии,

академика АН УССР Б. И. Медовара, который много лет занимался электрошлаковым переплавом, а сейчас одержим идеей квазимонолитных (или квазислоистых) металлических материалов. Термин еще точно не определен. Но работы идут полным ходом.

Идея такова: сделать металл как бы многослойным уже с момента его рождения; многослойная заготовка при прокатке превращается в монолитную, сохраняя при этом сложную структуру. Теперь металл, с одной стороны, будет как бы монолитный, но с другой — обладать теми же повышенными качествами, что и многослойный.

В Институте электросварки разработана технология изготовления многослойных труб большого диаметра, многослойных сосудов, резервуаров, колонн синтеза. Такая колонна диаметром 3—4 метра работает при давлении 320 атмосфер и по производительности равна целому заводу... Но для производства многослойных изделий необходимо специальное оборудование. Для выпуска многослойных труб строятся специальные цехи. А квазимонолит позволяет пользоваться традиционным оборудованием для производства тех же труб или иных изделий, но более прочных, долговечных, с меньшим расходом металла. Эта идея открывает сразу несколько перспективных направлений исследований. Достаточно лишь на одном этапе — при разливе — вмешаться в технологию, а дальше уже по традиционным путям этот псевдослоистый металл может находить всевозможные области применения: ведь среди пластин, закладываемых в будущий слиток, могут быть и жаропрочные, и устойчивые к коррозии, и обладающие различными иными качествами.

Высшей оценкой работам института стали слова Л. И. Брежнева, произнесенные им с трибуны XXVI съезда КПСС: «Решающий, наиболее острый участок сегодня — внедрение научных открытий и изобретений. Научно-исследовательские и проектно-конструкторские работы следует теснее связать — экономически и организационно — с производством. У нас есть прекрасные примеры этого... Институт имени Е. О. Патона в Киеве...»

Не только огромный теоретический и практический багаж, тесные связи с производством, но сам дух и стиль работы, традиционно сложившиеся в этом институте, делают каждую его работу значимой, актуальной. Здесь очень нелегко работать. Я вспоминаю молодых людей из «летающей лаборатории» и ученых, которые в водолазных костюмах, с опытными образцами оборудования первыми идут внутрь заполненных жидкостью труб и ведут аварийные работы...

Исповедующие пошлый принцип «ученым» можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан» здесь не задерживаются. В вестибюле главного корпуса объявления о защите диссертаций появляются не так часто. Гораздо чаще здесь можно прочитать объявления вроде приведенного ниже, которое я списал тут в апреле: «Киев — Патону. Поздравляю Вас и разработчиков с присуждением Золотых медалей Лейпцигской ярмарки: 1. Многослойным

трубам. 2. Машине контактной сварки труб К-700. 3. Установке наплавки клапанов. 4. Полуавтомату «Интермигмаг»...

На этой доске не однажды появлялись объявления о присуждении сотрудникам института Ленинских и Государственных премий СССР, приветственные телеграммы и поздравления с выдающимися достижениями коллектива.

Характерную историю рассказал мне руководитель отдела новых форм сварных конструкций и сооружений Владимир Иванович Новиков. Этот отдел занимается исследованиями и разработкой морских оснований (платформами для добычи ископаемых в открытом море), многослойными сосудадами и многими другими вещами. Разработанная здесь технология и оборудование применялись на строительстве многих телебашен, мостов, при сварке конструкций высотных сооружений, в том числе при застройке Калининского проспекта в Москве.

Когда-то пришел на работу в этот отдел молодой инженер В. А. Ковтуненко. Первый же его выход на строительную площадку едва не стал последним. Стоило ему подняться на высоту, как закружилась голова, с бескровным лицом и помутневшим взглядом он сидел на промежуточной площадке, ожидая, пока пройдет приступ. Но назавтра случилось то же, послезавтра — то же. Он упрямо каждый день взбирался туда, в поднебесье, сидел всю смену в полуобморочном состоянии, его буквально выворачивало наизнанку от тошноты, но он не сдавался. И заставил себя привыкнуть к высоте. А со временем так освоился, что бегал по узеньким конструкциям, вызывая восхищение бывалых высотников.

Сейчас Владимир Алексеевич заведует отделом в ОКТБ.

Заинтересовавшись этим рассказом, я спросил В. И. Новикова:

— А как вы сами пришли в институт?

— Как все... — ответил он.

Однако, слово за слово, пришлось и ему кое-что вспомнить. В 1941 году он был студентом Киевского политехнического. В годы войны служил в инженерных войсках, строил мосты. После войны еще некоторое время работал, а потом вернулся в политехнический. Но диплом решил защищать не по старой специальности — станкостроитель, а по электросварке. Таким образом попал он сюда на практику...

...Основатель института Евгений Оскарович Патон, который в тяжелейшие годы войны был удостоен звания Героя Социалистического Труда, всю жизнь строил мосты и исследовал, активно внедрял в производство процессы электросварки. Эта традиция жива, хотя в современных условиях предстает в новом, соответствующем времени качестве: исследование процессов электросварки разрослось по сотне направлений, и теперь их сущность можно выразить лишь таким обширным понятием, как неразъемные соединения. А мосты... Они наводятся во всех лабораториях, отделах, других подразделениях института. Это мосты, которые начинаются с мощного фундамента прошлых исследований, опираются на современные достижения и вырываются в будущее, освещая и приближая его.

Машина для контактной сварки морских трубопроводов. * Кандидаты технических наук Г. А. Бойко и В. Я. Саенко обсуждают результаты эксперимента. * Стальная камера для сварки металла взрывом. * Механик-наладчик М. П. Ганченко.

Михаил ТАЛЬ,
международный
гроссмейстер

1. ЛЕГКО ЛИ ИГРАТЬ В ШАХМАТЫ

Часто я задаю себе совсем не-веселый вопрос: сколько еще времени смогу выступать в турнирах? Говорят, шахматам покорны все возрасты. Увы, это утверждение справедливо лишь отчасти... Скажем, когда речь идет об игре с приятелем за чашечкой кофе. А я имею в виду иное — шахматную борьбу на гроссмейстерском уровне. Так сколько еще времени?..

Вопрос острый, и от него так просто не отмахнуться. Рано или поздно он встает перед каждым шахматистом, имеющим опыт ответственных соревнований, играющим, так сказать, на людях. Дело в том, что художественное восприятие шахмат можно пронести через всю жизнь, но их спортивная сторона становится с годами непосильной ношей. Такая уж это игра — подозрительно схожая с изнурительным марафонским бегом и даже с затянувшимся дуэльным поединком...

Так не пора ли сделать последнюю роспись на шахматном бланке? Но прежде чем ответить, я оглядываюсь на пройденный путь. Все, что запомнилось особенно ярко, было так или иначе связано с борьбой в турнирах и матчах, где надо было кого-то догонять или уходить от погони, что-то доказывать, куда-то «отбираться» и всегда отстаивать и терять

уже завоеванное... Четверть века такой борьбы — чуть не целая жизнь, и трудно представить, что привычная атмосфера шахматных сражений может исчезнуть, оставив мне лишь уютное место в зрительном зале.

Когда-то Михаил Ботвинник, всегда внимательно относившийся к своей физической форме, считал одним из критериев готовности к соревнованиям... цифровой показатель гемоглобина. Метод, без сомнения, объективный, но мне он категорически не подходит. Я так часто включался в турниры и матчи (даже претендентского цикла) прямо с больничной койки, что, действуя «по Ботвиннику», лишился бы львиной доли удовольствия, полученного от шахмат. Расстаться с ними — выше моих сил. И я продолжаю играть, не ведая, когда прекращу. Мне, откровенно говоря, трудно подобрать для этого подходящий момент... Если бы я был шахматистом стабильным, то сигналом к капитуляции мог послужить наступивший вдруг спад в игре. Но у меня и в молодости взлеты чередовались с падениями! И мне труднее других предугадать, за какой турнирной неудачей не последует новое восхождение...

Один тревожный симптом уже налицо — я начал заниматься воспоминаниями. А известно давно: кто обратился к мемуарному жанру, тот скорее всего оставляет «действительную» и марширует в отставку. Но, с другой стороны, право участия в следующем межзональном уже завоевано. Оно добыто в трудной борьбе, и я не собираюсь отказываться от него.

Скажу откровенно — не думаю, что еще раз смогу осилить все ступени отбора. Не надеюсь, что снова, как двадцать лет назад, добьюсь права на матч с чемпионом мира. Но играть буду. Потому, что шахматная борьба — это не только спор за место в «табелю рангах», но еще и увлекательная игра. Правда, очень нелегкая...

Кажется, никто не спорит, что в молодом возрасте, пока в избытке силы и не шалит здоровье, играть в шахматы значительно легче. Даже на самом высоком уровне. Увы, у каждого шахматиста есть свой возрастной барьер, за которым его турнирные успехи начинают снижаться. И вот что парадоксально: класс игры остается, а результаты падают.

Каждый шахматист чувствует наступление игрового кризиса. Наступает усталость на пятом часу игры, труднее дается расчет длинных форсированных вариантов... Встает роковой вопрос: бросить турнирные выступления? Но ведь понимание шахмат осталось прежним, любовь к ним — тоже. А тут, как на беду, в последнем турнире приз за красоту присудили. Как тут бросить?

И тогда ветеран начинает менять стиль. Это происходит постепенно и не всегда осознанно. Часто срабатывает лишь инстинкт самосохранения. Если раньше

шахматист мог предпочесть лучшему эндшпилю головокружащую атаку, то теперь он на расчет вариантов и времени тратить не станет — скорее в эндшпиль! Там он вооружен знаниями, которых пока нет у более молодого соперника. Там меньше надо считать и многое надо знать. Опыт подскажет, куда ставить фигуры и к какой стремиться позиции...

В этой связи вспоминаю партию из моего первого матча с Ботвинником. Тогда, в 1960 году, чемпион мира по праву считался ветераном, я же «ходил в молодых». В защите Каро-Канн вместе с тренером А. Кобленцем мы подготовили жертву фигуры. Ее последствия рисовались нам в самом радужном свете. Действительно, король черных застревал в центре, а атака белых вроде бы неумолимо нарастала. Короче говоря, собирались «пересчитать» Ботвинника...

Признаюсь, что бездна вариантов была проанализирована еще дома, и немалая часть — за доской. Но Ботвинник нашел четкий план защиты, постепенно стабилизировал положение, и я, разочарованный таким поворотом событий, допустил тяжелую ошибку. Сдел партию. И начал энергично показывать варианты, связанные со злосчастной жертвой коня... Их было превеликое множество. Михаил Моисеевич вначале тактично слушал, а затем поднял голову от доски и сказал: «Мне тоже эта жертва показалась опасной, но потом я понял, что черным надо разменять ладьи и сохранить ферзей».

Вот и все! Словно холодный душ пролился на разгоряченную голову... Такая абстракция в оценке позиции меня поразила, показалась вначале чем-то вроде насмешки, желанием отмахнуться от моих вариантов. Но позже я убедился, что Ботвинник абсолютно прав — только при ферзях позиция черных заслуживает предпочтения, без них — стройная пешечная цепь, поддерживаемая слонем, дает перевес белым. И считать на много ходов вперед нет никакой надобности...

Молодые шахматисты не всегда умеют мыслить столь абстрактными категориями. Они ведут за доской огромную счетную работу. Зачастую лишнюю. Рассуждают примерно так: он пойдет сюда, я — туда, он нападет, я уведу фигуру... Таких вариантов множество, и дерево расчета становится слишком ветвистым. Все учесть и электронная машина не сможет. Вот и мечется мысль шахматиста по клеткам доски, подобно загнанной белке. А как поступит более опытный? Он сразу же начнет обрубать ненужные ветви... Тренированная память подскажет ему схожую, уже игранную когда-то позицию и очертит необходимый круг вариантов.

Молодые шахматные бойцы обычно силы не экономят. Помню, как удивил меня на международном турнире в Сухуми тог-

КОГДА ОЖИВ

да еще совсем юный Саша Белявский... После доигрывания лучшего ладейного эндшпиля с Таймановым он доверительно сообщил, что потратил на анализ... 21 час! Такую роскошь может позволить себе только молодость! Но и ей не все бывает под силу...

В минувшем чемпионате СССР в Вильнюсе перед последним туром вперед вышел молодой гроссмейстер Артур Юсупов, ученик известного тренера Марка Дворецкого. Казалось, что цель близка, тем более что заключительную встречу ему предстояло играть с неудачно выступавшим Г. Кузьминым. Даже ничья обещивала лидеру золотую медаль. До решающей партии оставалось два дня, которые можно было потратить на отдых и подготовку. Но... У Юсупова накопилось 5 (!) отложенных позиций. Сколько времени он потратил на их анализ — для меня тайна, однако уверен, что поспать ему не пришлось. Об этом свидетельствовал и вид Марка Дворецкого, который появился в зале с бледным лицом и запавшими глазами. И вот результат. В решающем поединке с Кузьминым Артур действовал вяло и безынициативно. «Не узнаю Григория Грязного...» — раздался речитатив с последней скамейки зрительного зала. Разочарованный болельщик Артура был абсолютно прав. Измотанный многочасовым доигрыванием, Юсупов не мог играть в полную силу. Он медленно, но верно вел партию под откос. Просмотрев «под занавес» несложный тактический удар, потерял ферзя. И лидеры обошли сразу двое.

Не всегда по почерку шахматиста можно определить его возраст... У читателя не должно сложиться впечатление, что если играет шахматист со стажем, то все его ходы будут рациональными и академичны. А если молодой, так он постоянно комбинирует. Мне, например, очень понравилась одна из партий, сыгранных в 1972 году на Всесоюзной шахматной Олимпиаде. Белые чисто и спокойно реализовали позиционный перевес, черные пытались тактическими ударами изменить ход борьбы... Запомнилась эта встреча потому, что белыми фигурами предводительствовал двадцатилетний Анатолий Карпов, а в роли «смутьяна» выступал Василий Смыслов, которому было за пятьдесят...

Можно вспомнить и партию из турнира в голландском городе Бевервейке. В одном из своих последних выступлений Михаил Ботвинник блеснул замечательной жертвой двух ладей, выиграв в духе «раннего Морфи»... Его партнер Лайош Портиш имел к началу этой партии серьезное преимущество — был моложе на двадцать пять лет...

О смене поколений, о возрастных особенностях в творчестве шахматистов написано немало статей. Нередко эта тема звучит даже в коротких спортивных отчетах. Иной раз совсем не к месту. Меня всегда удивляли попытки

подменить деловой анализ турнира глубокомысленными ссылками на возраст.

Бывает, что, обобщая итоги соревнований, комментатор выносит в заголовок: «Победила молодость!» Возразить трудно, особенно если во главе таблицы оказался кто-то из молодых. Ну, а если кто постарше? На этот случай, думаю, автор держал в запасе такую фразу: «Победил опыт!»

Интересно, что по этому поводу думает читатель? Так ли ему важно, что победителем партии или турнира стал, к примеру, не молодой шахматист, а ветеран? Наверное, куда важнее узнать, как они играли. К тому же шахматы скидок на возраст не дают. Как бы молод ты ни был, плохой ход тебе взять назад не дадут, как бы ни был ты сед, партнер будет три вечера «возить» равную позицию, ожидая, что усталость возьмет свое... И обижаться нечего — сел за доску, борись на равных!

И ветераны борются. Борются с достоинством и без скидок на седину. Нередко мы видим представителей старой гвардии среди победителей крупных турниров, в числе участников претендентского цикла...

От неудач в шахматах не застрахован никто. К примеру, в прошлом году Ефим Геллер стал чемпионом страны, в этом сыграл неважно. Но вот читаю спортивный отчет: «Тяжело смотреть на Геллера, годы берут свое». Опять годы! Но автор мог бы вспомнить и другое. Всего за несколько дней до чемпионата ветеран Геллер блестяще выступил на Олимпиаде в Мальте в составе сборной страны, одержал ряд великолепных побед и не проиграл ни одной партии. Он был примером для более молодых товарищей по команде.

Два таких турнира подряд многовато для кого угодно. Из шести участников олимпийской сборной только Ефим Петрович (самый старший по возрасту) рискнул сыграть в чемпионате. Прямо скажем, этот шаг заслуживает восхищения! Да и боролся он с юношеским азартом. Вспоминаю, как его партия с Виталием Цешновским держала в напряжении весь зал. Геллер обострял, жертвовал и хотя в цейтноте ошибся и проиграл, но заслужил аплодисменты наравне с победителем.

В этом чемпионате золотые медали достались младшему поколению — гроссмейстеру Александру Белявскому и дебютанту мастеру Льву Псахису. Отрадно, что есть смена, и интересно, что на финише соревнования родилась сенсация — двадцатидвухлетний мастер из Красноярска стал чемпионом! Но не надо противопоставлений. Бодрый (и затасканный) заголовок: «Натиск молодежи!» имеет подтекст — мол, потеснитесь, кто постарше...

Не скрою, однажды и я поддался подобному настроению. Играв в 42-м чемпионате страны (1974 год), заметил как-то в спортивных отчетах рядом со своей фамилией тогда еще непривычное слово — ветеран. Преследовавших меня по пятам Белявского и Ваганяна пресса называла не иначе, как подающими надежды дарованиями. Все это было справедливо, но я немножко «завелся». Забыл, что за доской ведется борьба идей, а не борьба поколений.

В предпоследнем туре, когда я опережал соперников на целое очко, встретился с Белявским. Играю белыми. Получаю хорошую позицию. Но молодой гроссмейстер держит оборону. Ничья? Для меня она равна единоличной победе в чемпионате. Но злой дух

нашептывал: «Вперед! Покажи, на что способна шахматная гвардия!» И я начал творить чудеса. Позиция стала равной, но не предлагаю ничью из принципа. И тут же ошибаюсь роковым образом. Шахматы всегда мстят тому, кто за доской пытается доказать что-то совсем нешахматное...

Иногда спрашивают: «До какого возраста можно играть в шахматы? А когда лучше начать?» Вопросы простые только на первый взгляд...

Итак, когда начинать? Очевидно, когда появляется желание, склонность. Каждый родитель считает, что его чадо необычайно одаренное... Но если дошкольника начать мучить дебютными вариантами, возникнет опасность, что к шахматам у него на всю жизнь сохранится стойкое отвращение.

Известно, что Х.-Р. Капабланка в пятилетнем возрасте не был легким партнером для отца и его гостей. Рано познакомился с шахматами и другой чемпион мира, А. Алехин, а Анатолий Карпов к семи годам выполнил норму третьего разряда. Недавно я прочитал в «64», что венгерская девочка Жужа Полгар (ей десять лет) победила в полуфинале первенства Венгрии среди взрослых и готовится выступить в финале. А ее сестра, которая вдвое моложе, уже играет в Будапештских турнирах.

В общем, шахматы молодеют так же, как и другие виды спорта: гимнастика, фигурное катание. Говорят, рано начнешь, больше успеешь... Но есть и другие примеры, которые могут вселить оптимизм в людей достаточно зрелых.

Вспомним, что основоположник отечественной школы Михаил Иванович Чигорин познакомился с этой игрой, когда ему было за двадцать, а гроссмейстер Ефим Геллер сделал свой первый ход за доской в бытность студентом. И, как известно, оба достигли завидных вершин.

Если вернуться к вопросу о возрастных пределах, то здесь шахматы счастливо отличаются от других видов спорта. Известно, в каком молодом возрасте прекращают выступления даже олимпийские чемпионы. В шахматах «верхняя граница» отнесена (и то условно!) годам к пятидесяти. Но и это не предел! Второй чемпион мира Эммануил Ласкер в 1935 году завоевал третье место в сильнейшем Московском международном турнире. Он одержал ряд выдающихся побед и отстал от победителей — М. Ботвинника и С. Флора лишь на пол-очка. В то время ему шел шестьдесят седьмой год. А если заглянуть в глубь истории, то можно вспомнить шахматного учителя Филидора, неоднократного чемпиона Парижа К. Легалья. В возрасте 85 лет он выиграл у Сен-Бри партию, которая по праву стала достоянием всех шахматных справочников: 1. e4 e5 2. Cc4 d6 3. Kf3 Kc6 4. Kc3 Cg4 5. K : e5 C : d1 6. C : f7 + Kpe7 7. Kd5X. Этот мат известен каждому шахматисту под названием «мат Легалья».

«Но это было давно, — скажет читатель, — притом это уникальные случаи». Хорошо. Поищем примеры новее. Несколько лет назад я вместе с Юрием Балашовым и Евгением Васюковым играл в международном турнире в Голландии. Подобралась сильная и боевая компания гроссмейстеров. Турнир не носил отборочный характер, и игра шла раскованная, так сказать, без оглядки на результат. Во всяком случае, зал был переполнен. И вот что удивительно. В центре внимания зрителей оказался старейший участник — аргентинец Мигуэль Найдорф. Свою популярность шестидесятилетнему гроссмейстер завоевал яркой, бескомпромиссной игрой, а также неистощимым остроумием. В нем чувствовался такой заряд энергии, что многие молодые, но скучные шахматисты могли ему позавидовать...

Заглянем в официальную таблицу индивидуальных коэффициентов советских шахматистов. В первой десятке, возглавляемой чемпионом мира Анатолием Карповым (K = 2701), мы находим ветеранов — пятидесятидвухлетнего Тиграна Петросяна (K = 2608) и Василия Смыслова (K = 2554), только что справившего шестидесятилетний юбилей. Оба экс-чемпиона мира на финише минувшего года стали во главе таблицы крупного международного турнира в Югославии, где опередили двенадцать более молодых гроссмейстеров и мастеров...

О чем говорят эти примеры спортивного долголетия? О том, что диспут на тему «отцы и дети» в шахматах беспредметен. Да, чемпион мира сегодня представляет младшее поколение, но среди претендентов на это звание давно не видно молодых звезд. Так что будем считать спор завершенным вничью.

Много есть схожих черт в игре актера и шахматиста. Сцена, зрительный зал... И хотя на сцене царит тишина, разговор с залом полон выразительности и эмоций. Шахматы дали мне многое — друзей, радость творчества, возможность побывать чуть не во всех уголках земли. Но главное — они подарили мне радость общения с огромной аудиторией любителей этой игры. Ведь шахматист, даже находясь на сцене зрительного зала, остро ощущает все, что происходит в партере и даже на галерке. Чувствует симпатии или неодобрение и, чего греха таить, иной раз делает ход не по «науке», а на зрителя... И у меня не поднимается рука упрекнуть кого-либо за такой ход.

Желание вызвать одобрение зала остроумным ходом (пусть спорным!) несет в себе заряд доброжелательности, свидетельствует о живом двустороннем контакте мастеров и болельщиков. А такой контакт просто необходим...

Я, например, в корне не согласен с теми, кто хочет поместить шахматистов в некую оранжерею — новую обстановку, изолировав их от зрителей. В прошлом году на международном турнире в Тил-

А Ю Т Ф И Г У Р Ы

бурге организаторы создали как будто идеальные условия. Даже придиричивый Роберт Фишер, наверно, не усмотрел бы недостатков. Но одно мне было не по душе — болельщики находились в отдельном зале... И следили за игрой гроссмейстеров, глядя на голубой экран.

Не могу судить, понравилось ли им это новшество, но я чувствовал себя как актер, читающий монолог в пустом зале. Да и Бент Ларсен пожаловался мне, что без зрителей не то настроение.

Помните, как игралась третья партия матча Спасский — Фишер? По требованию американского гроссмейстера участников изолировали от публики. И Спасскому этот «арест» оказался не по душе — он привык к непосредственному контакту с залом. Артист шахматной сцены почувствовал одиночество...

Ради такого контакта можно потерпеть и шум и аплодисменты в адрес соперника. Бывают забавные ситуации. В одном зарубежном городе во время турнира претендентов зал едва вмещал всех болельщиков, нагрянувших из окрестных сел. Квалификация зрителей оставляла желать лучшего, но безучастными они не были. На все происходившее на сцене партнер реагировал бурно, выкрики и хлопки раздавались в самые неожиданные моменты. Помню, играл со Смысловым, он начал обычный размен фигур. Берет моего коня, я собираюсь ответить таким же естественным взятием, как вдруг — шквал аплодисментов. Похолодел я... неужели остаюсь без фигуры? Растерянно смотрю на доску, на Смыслова, на публику. Дрожащей рукой забираю коня — на доске полное равенство. И тут снова — овации. Я понял и успокоился.

Но это, как говорится, не типичный случай. Обычно шахматная аудитория состоит из весьма сильных и квалифицированных болельщиков. Иной раз зрители видят то, что ускользнуло от глаз притомившегося гроссмейстера. Владимир Симагин как-то рассказывал мне, что в первенстве страны «зевнул» важную пешку, играя с Таймановым. В ожидании неминуемой кары сидел совершенно расстроенный и вдруг услышал хлопки, которые все усиливались... «Кто-то комбинировал»... — подумал он и осмотрел демонстрационные доски. Но там все было спокойно, никто ничего не жертвовал. И вдруг услышал эмоциональный возглас какого-то болельщика: «Браво, Симагин!»

— Тогда я еще раз посмотрел на доску, — продолжал Владимир Павлович, — и, к неопишуемой радости, увидел, что брать-то мою пешку нельзя — мат даю в шесть ходов! А если ее не брать, тогда эта пешка в ферзи проходит. Спасибо зрителям, ведь я чуть было не сдился...

Тесная связь шахматного мастера с аудиторией имеет и другой аспект. Высокое звание обязывает его быть подвижником и пропагандистом шахматного искусства. Строго говоря, для чего мастера и гроссмейстеры играют в шахматы? Просто любят играть? Конечно, любят, но это не объяснение. Один мой знакомый обожает собирать пуговицы, так он собирает их тихо и на сцену в переполненном зале не претендует.

Сравнение, может быть, и рискованное, но оно подчеркивает мысль: коли ты играешь в турнирах, которые смотрят, о которых говорит пресса, то, кроме своей любви к шахматам, должен думать и о миллионах приверженцев этой игры.

Ведущие шахматисты — мастера, гроссмейстеры, даже чемпионы мира играют «на людях» не ради самоутверждения. Вольно или невольно они приобщают к красоте шахматного искусства легионы зрителей и, наконец, в обстановке, приближенной к боевой, учат играть. Не по книжке, а личным

примером, который зритель видит воочию. В этом и заключается ответственность шахматного мастера перед аудиторией.

А теперь представьте такую, не столь уж редкую ситуацию: два известных шахматиста делают десять — двенадцать теоретических ходов, а затем на демонстрационной доске появляется табличка с коротким словом «ничья». Зрители, ожидавшие увидеть полную кровную борьбу, лишены не только чувства сопереживания, но и просто разочарованы. Мол, химичат маэстро! И разумеется, пропаганда шахмат наносится вред. Нет, я не за то, чтобы шахматисты уподоблялись гладиаторам и играли на износ, до голых королей в каждой партии! Шахматы, увы, не только искусство, где мастер всегда должен быть на высоте, но и спорт — трудный, подчас изнурительный.

Рядовой любитель не всегда знает, что мастер, играющий в ответственном соревновании, проводит за доской не по пять часов в день (когда он на сцене), а по десять — пятнадцать... Уйму времени занимает подготовка к партиям. Надо посмотреть в карточке партии очередного партнера. Решить, какой дебют или вариант взять на вооружение. Еще лучше, если удастся угадать, какую из схем построит соперник. Тогда можно попытаться найти усиление, чтобы повернуть ход борьбы в свою пользу.

Увы, это не всегда удается, ведь в наше время все так изучено. Просто зависть берет, когда думаешь о коллегах, игравших в эпоху Стейница или даже Алехина! Тогда новинки появлялись чередой, рождались не только новые варианты, но даже дебюты. Теперь с этим посложнее...

И все же настоящие шахматные бойцы ищут. Перерабатывая огромный поток информации, они постоянно отыскивают среди протоптанных троп еще нехоженные пути. Пусть это не удастся сделать на пятом или десятом ходу много раз игранного дебюта — все равно что-то находят на пятнадцатом или даже двадцатом.

Советская шахматная школа всегда славилась выдающимися аналитиками. Огромный вклад в развитие теории внесли М. Ботвинник и В. Смыслов, П. Керес и И. Болеславский, С. Фурман и А. Уфимцев, И. Бондаревский и А. Вересов... Этот перечень можно продолжать долго. Мы обязаны вспомнить и замечательных мастеров довоенных лет — Н. Рюмина, С. Белавенца, А. Ильина, Женецкого, В. Созина, оставивших яркий пример научного подхода к развитию шахмат.

Эти традиции не утрачены и в наши дни, но я сознательно называю имена шахматистов только старшего поколения, полагая, что тем, кто помоложе, еще многое предстоит сделать, прежде чем о них можно будет говорить как о новаторах шахматной теории.

Примеры блистательных поисков всегда становились предметом подражания. Они указывали любителям шахматного искусства верный путь к совершенствованию. И пусть на первых порах многие занимаются «изобретением велосипеда» — все равно любовь к аналитической работе даст со временем свои результаты. Только не надо бояться ни бессонных ночей, ни горечи неудач...

Шахматы — вообще дело нелегкое!

Турниры, матчи... Вереница соревнований ложится тяжелым грузом на психику шахматиста. Чуть не каждая партия рождает смену эмоций. Светло на душе, когда осуществляешь красивый замысел. Но вот неожиданный ход партнера, и «все смешалось в доме Облонских»... Теперь уже ты на краю пропасти, ищешь и не находишь спасения. И коришь себя самым отчаянным образом — как можно проглядеть такой ход!

«Кто — кого?» — этот лаконичный принцип спортивного единоборства имеет прямое отношение к шахматному поединку. Борьба умов приводит к победе лишь одного партнера. И тогда торжествует победитель и досаждает побежденный. Правда, есть еще и ничья... Благодаря этой возможности победа отделена от поражения не иллюзорной стенкой, а обширной ничейной зоной. Иной раз приходится буквально под навесным огнем форсировать эту зону...

А нередко бывает, что ничейный исход (я имею в виду результат, удовлетворяющий обоих противников) полностью исключается. Даже если по всем правилам в партии зафиксирована ничья. Сплошь и рядом она означает для одного победу, а для другого...

Вспомним матч на первенство мира между Ботвинником и Бронштейном. В двадцать четвертой (последней) партии была зафиксирована ничья. Счет матча стал тоже ничейным — 12:12. Но для тогдашнего чемпиона мира такой результат был равен победе (он сохранил свое звание), а для Бронштейна мирно окончившийся поединок означал крушение всех надежд.

Тяжелая психологическая нагрузка сопутствует борьбе в партиях, где результат исключительно важен для обоих противников. Скажем, один из них в случае победы становится чемпионом страны, а другой выполняет норму гроссмейстера. И когда таную партию выиграешь, радость бывает омрачена. Чувствуешь, что поступил жестоко по отношению к партнеру. Но такова логика борьбы — если бы не выиграл, то оказался на его месте...

Шахматная история полна драматических партий. Можно вспомнить победу Р. Холмова над Е. Геллером из последнего тура XVII первенства СССР... Велико было спортивное значение этого поединка. Тогда, в уже далеком сорок девятом году, молодой одесский мастер Ефим Геллер подобно комете ворвался в созвездие знаменитых гроссмейстеров. Норму мастера он выполнил в полуфинале, а поскольку квалификационная комиссия спешить тогда не любила, то свой первый чемпионат страны студент Геллер начал в звании кандидата в мастера. Как бы там ни было, а новичок начал крушить не только мастеров, но и гроссмейстерский ряд. Победы над Болеславским, Котовым, Флором... Вскоре «молленцию скальпов» пополнили Петросян, Рогозин и Левенфиш. Назревала невиданная сенсация...

Перед последним туром молодой мастер (комиссия прекратила волокиту) лидировал в чемпионате. И вот заключительная встреча с Ратмиром Холмовым. Победа или даже ничья ставят дебютанта в первую строку турнирной таблицы. Звание чемпиона страны и звание гроссмейстера сразу! Представляю, с каким волнением делал ходы в этой встрече тогда еще не Ефим Петрович, а просто Ефим. Холмов победил (он занял десятое место), а его поверженный соперник потерял все...

Нелегко было и мне, когда в 1965 году Борис Спасский остановил меня во время очередного продвижения по претендентской лестнице. Борис в прекрасном стиле выиграл полуфинальный

матч. «Все правильно, — утешал я себя, — ведь шахматная борьба — это безжалостная штука. Или я его, или он...» И невольно вспомнил, как семью годами ранее в Риге Борис украдкой вытирал слезы. Он проиграл тогда мне драматическую партию в последнем туре чемпионата страны и на три года выбыл из розыгрыша первенства мира...

Несмотря на шахматные распри, с Борисом Спасским мы всегда оставались в добрых отношениях, можно сказать, дружили, но играли зло... А как же иначе? Среди шахматистов немало мастеров и гроссмейстеров состоят в дружбе. Что бы получилось, если партии между ними неизменно кончались ничьей? Но по моим наблюдениям именно между друзьями идет особенная «поножовщина». Кто-то из классиков верно сказал о дуэлях: «Стреляются обычно друзья»...

В семьдесят третьем году на межзональном турнире в Ленинграде я нанес страшную рану Бенту Ларсену, с которым связан многолетними приятельскими отношениями, который симпатичен мне как шахматист и человек. Право, я хотел видеть его среди победителей турнира — а проиграл бы ему, и Бент оказывался в лидирующей тройке. Сам я к моменту встречи с ним не имел никаких шансов, но хорошая атака на королевском фланге всегда для меня ценнее подобных соображений. И я довел ее до конца.

Всегда с удовольствием слежу за встречами двух друзей, молодых гроссмейстеров Артура Юсупова и Сергея Долматова. Оба воспитанники тренера Марка Дворецкого. Всегда «болеют» друг за друга, помогают анализировать отложенные позиции, вместе готовятся к партиям. Но поглядите, с какой спортивной злостью сражаются они между собой! «В картишках нет братишек!» — такую реплику я слышал как-то в молодости. И припомнил ее снова во время турнира в Гастингсе в 1963 году, где играли два брата — Норман и Джон Литлвуд. После четырех туров у меня было три очка и рядом со мной шел Норман. Его брат Джон отчаянно переживал за старшего Литлвуда. А сам имел в таблице лишь одну единицу, которую приобрел в результате «братоубийственного» поединка с Норманом.

Пожалуй, примеров достаточно. Но об одном эпизоде хочу рассказать подробнее. Произошел он давно, еще в XXIV чемпионате страны, но памятен и поныне...

В те годы (шла весна пятьдесят седьмого) в первенствах страны играли все ведущие гроссмейстеры, и это вызвало повышенный интерес любителей шахмат. Просторный зал Центрального Дома культуры железнодорожников гудел... Виновиком стартовой сенсации оказался я — четыре очка из четырех. Зрителей, по-моему, интриговало, что лидирует простой мастер, ведь с сорок девятого года подобного не случалось. Однако уже в шестом туре меня настиг, а затем обошел ленинградский гроссмейстер Толуш. На финишной прямой мы снова сравнялись, но теперь к нашей гонке примкнул Бронштейн. С результатом 13 очков из 20, что свидетельствует об острейшей борьбе, все трое и подошли к последнему туру. Мне предстояло иг-

рать с Толушем, Бронштейну с Холмовым...

И сейчас хорошо помню многие детали того далекого февральского дня. Утром мой тренер Александр Кобленц сказал: «Если увидишь, что дело идет к ничьей, не расстраивайся — в этом случае все равно займешь призовое место. На двадцать первом году жизни этого не добивался никто...»

Я слушал рассеянно. Очки, пулочки и связанные с ними расчеты меня интересовали меньше, чем предстоящая борьба с Толушем. Нет, пусть читатель не думает, что я хочу выглядеть таким бессребреником. Я остро чувствовал, что сегодня в поединке «победитель получит все», и был полон азарта. И еще я знал, что мой партнер не станет укрываться за оборонительным валом. Александр Казимирович по праву снискал славу шахматного бойца, который, идя в бой, поднимает забралю! Он стал чемпионом РСФСР еще в год моего рождения. И ко времени нашей встречи Толушу минуло сорок шесть... «Выходит, получаю фору в двадцать пять лет», — отметил я про себя...

Отважная, атакующая манера игры ленинградца импонировала и зрителям и знатокам. Конечно, такой стиль в век изощренной техники неизбежно приводил к потерям. Но Александр Казимирович ничего не боялся, ни соперников, ни поражений! Он рисковал, выигрывал и проигрывал, но ни в одном турнире не был в роли «мальчика для битья». Высокий класс, зоркое комбинационное зрение делали его опасным для любого противника. И не было гроссмейстера, кто не оставил на бланке короткое слово «сдаюсь» после игры с Александром Казимировичем... Сам Ботвинник (да еще в пору расцвета!) не смог сдержать натиск атакующих фигур Толуша и получил мат на поле g8... Кто вспомнит нечто подобное у Ботвинника?

Рассказывали такой случай. Однажды соперник Толуша ленинградский мастер Чеховер в острой атакующей позиции предложил завершить дело миром. «Ничья!» — сказал он, с улыбкой поглядев на Толуша.

«Но почему же ничья? — отвечал Александр Казимирович. — У вас же решающая атака!» «А я что-то не вижу форсированных продолжений, — оправдывался партнер, — боюсь просчитать...» «Боисься! — вскрипел Толуш. — Тогда тебе незачем играть в шахматы! Дома сиди! А ничью мне не нужно. Хочешь, я сам покажу, как здесь быстро выиграть?»

Как-то в первенстве Ленинграда, чемпионом которого неоднократно бывал Толуш, судьи разрешили С. Фурману, неправильно записавшему секретный ход, доиграть отложенную партию. Не возражал и партнер (это был мастер Н. Копылов, человек с исключительно мягким характером). Его поступок многие возвели в ранг спортивного благородства. Но неожиданно на Копылова обрушился гнев Толуша:

— Ты только думаешь, что поступил по-товарищески, а на самом деле — проявил слюнтяйство! Завтра ты позволишь взять ход назад, а через неделю в турнире начнут переигрывать партии... Я

обязательно подарю судьям шахматный кодекс. Пусть поймут, что это — первенство города, а не коммунальной квартиры!

Таков был этот боец, не знающий страха, прошедший в годы блокады через бои у Пулкова и через смертную лотерею Невской Дубровки...

В XXIV чемпионате СССР, о котором я веду речь, Толуш играл с величайшим подъемом и вдохновением. Десять полновесных побед — больше, чем у любого участника, — это говорит о многом! Да, он терпел неудачи, подчас очень обидные, но не опускал руки. На финише он мощным рывком обошел Спасского и Кереса и сравнялся по очкам с Бронштейном и со мной. Именно по очкам! Без всякого кокетства повторю то, что говорили в дни чемпионата и зрители и участники: героем марафонской дистанции в двадцать туров был, без сомнения, Александр Толуш. Но оставался еще последний, двадцать первый тур, и на эту партию сил у ветерана уже не хватило...

Помню, как мы сели за шахматный столик. На край стола легла пачка «Казбека» — этому сорту Александр Казимирович не изменял. Я сделал ход. Толуш поправил галстук, не спеша записал на бланке ответный ход... Подчеркнуто спокойно передвинул фигуру. Я и теперь помню наизусть эту партию... В староиндийской защите Толуш немного промедлил (вот оно, следствие усталости!) и получил позицию, где его фантазия и жажда рукопашного боя не находили почвы. Александр Казимирович никогда не любил кропотливой защиты, но в этой решающей встрече, словно нарочно, сложилась позиция, где ему пришлось держать оборону. Моя же атака развивалась сама собой... В какой-то момент я почувствовал, что соперник поставил в душе крест на исходе встречи. Нет, внешне его настроение не изменилось. Толуш невозмутимо сидел за доской. Может, чуть чаще, чем обычно, открывал коробку «Казбека». Не помню случая, чтобы он оторвал взгляд от шахмат и испытующе посмотрел на партнера, чем, кстати, до сих пор грешу я да и другие гроссмейстеры... С таким же олимпийским спокойствием Александр Казимирович остановил часы и поздравил меня со званием чемпиона.

Для меня наступил «звездный час» — кроме победы в турнире, я выполнил норму гроссмейстера. Победив наседающим корреспондентам ответить через десять минут хоть на сто тысяч вопросов, помчался звонить в Ригу. «Папа, мама, я выиграл!» Торопливо рассказываю подробности. И вдруг слышу голос отца: «А как Толуш, он очень расстроен?» А я и не думал об этом. Только через час, когда завершился разговор с журналистами, я увидел его, и то мельком: Толуш медленно шел к выходу и словно о чем-то раздумывал. Поражение безжалостно отбросило его на пятое место. Титаническое усилие, совершенное в споре с судьбой, пошло прахом. И ветеран понимал, что повторить такой взлет ему уже не удастся.

Не правда ли, жестокая штука — эта добрая игра в шахматы?

Литературная запись
Олега СКУРАТОВА

Продолжение следует.

театр

ЭТОТ НЕПРИМИРИМЫЙ РАМИШВИЛИ

Е. Тарханов и В. Анисимов в спектакле «Закон вечности».

Фото М. Строкова

За окнами шумит сегодняшний Тбилиси. Близится вечер — и город зажигает разноцветные огни. А тут, в клинике, жизнь как бы замедлила свой бег. Тихо лежат прикованные болезнью люди. Но сколько передумано ими в больничной тишине!

Не оставляют думы и соседей по палате — тбилисского сапожника Булику, священника Иораму, редактора газеты Бачану Рамишвили, героев нового спектакля Московского театра комедии «Закон вечности» (пьеса Н. Мирошниченко по одноименному роману известного грузинского писателя Нодара Думбадзе, режиссер-постановщик А. Курашинов).

Особенно беспокойны мысли у Рамишвили (сыгранного В. Анисимовым), потому что и сам он человек беспокойный. Он мерит по высоким меркам и себя и других, заставляя задаваться вопросом о смысле жизни. Хорошо с ним рядом только тем, кто с полной отдачей готов жить для людей. Но себялюбцам, рвачам, взяточникам, проходивцам, ох, как он неудобен! Потому как скажет все прямо в глаза, заступится за слабого, не побоится сразиться с сильным, будет биться за правду до последнего этот кристально чистый и честный человек, коммунист... Перед зрителем раскручивается лента его жизни. То бурно врывается эта жизнь в больничную палату, то проходит в снах или воспоминаниях. Нелегкие детские годы... Еще тогда, в годы войны, не дрогнула рука у мальчишки, нацелившего маузер на дезертира, который принес столько бед односельчанам. Мы видим затем Бачану юношей, наконец, зрелым человеком. Непроста задача актера прожить с героем все эти годы, показывая взросление, становление его характера. Бачана в его исполнении — человек правдивый, страстный и гордый; он непримирим в борьбе со злом. В. Анисимов успешно справляется с ролью, мягко и убедительно передавая сложные душевные переживания героя.

В романе Н. Думбадзе поставил много острых и актуальных проблем; создатели спектакля отобрали важнейшие. Каждая из них — это как бы этап жизни Бачаны, его мужания и духовной зрелости.

Встреча с любым человеком не проходит для Бачаны даром. Так же и встреча с ним не остается бесследной. Веселый и простодушный Булика, на которого как бы наложена тень персонажей ранних произведений Н. Думбадзе, — его сыграл актер С. Протопопов — учит с мудрым юмором относиться к жизни, а отец Иорам, воплощенный артистом В. Брежневым, в общении с Рамишвили понял, что нравственное совершенство можно сыскать и на земле...

Два ярких образа создала В. Устимович: чистой, юной Тамары, девушки, за честь которой вступился Бачана, и Марии, которую со всей страстью полюбил наш герой. Ее Мария — женщина ломаной судьбы, сумевшая стать человеком цельным, способным на глубокое чувство... Удачен и образ Сандро, с которым познакомил С. Тарасов. Он коварен, изворотлив, умен, а потому страшен.

Спектакль заставляет волноваться, сопереживать, размышлять. И вместе с героем открывать закон вечности: «Душа человека во сто крат тяжелее его тела... Она настолько тяжела, что один человек не в силах нести ее... И потому мы, люди, пока живы, должны стараться помочь друг другу, стараться обессмертить души друг друга: вы — мою, я — другого, другой — третьего и так далее, до бесконечности... Дабы смерть человека не обрекала нас на одиночество в жизни...»

Л. НАТОЧАННАЯ

МУЗЫКА, НЕСУЩ

В наши дни, когда приспособление народных мелодий под ритм, темп стремительно бегущего времени стало делом привычным, появился коллектив — необычный, возрождающий подлинно народную музыку.

Это ансамбль, руководимый Дмитрием Покровским.

Коллектив молодой, но уже известный, любимый слушателями.

Подлинность — единственно возможную — отмечают все говорящие и пишущие об этом ансамбле. Подлинность, тем более трудно достижимую, что в репертуаре коллектива только песни, притчи, баллады, плачи, былины, живущие в самой глубине народа и мгновенно обнаруживающие в исполнителе фальшь дилетанта или несостоятельность равнодушного. Естественность, гармония обретенны счастливым союзом таланта и работы — ежедневной, кропотливой, введливо дотошной, но совершенно необходимой.

Сегодняшний разговор за «круглым столом» «Огонька» — как раз об этой работе.

Рассказ руководителя Ансамбля народной музыки Дмитрия ПОКРОВСКОГО об истории коллектива, о его сегодняшнем дне, о сложностях и удачах, о главных направлениях работы при всей своей полноте, наверное, не сможет объяснить до конца секрет удивительной искренности и красоты интонации, что отличают этот ансамбль. Но, как известно, искусство, препарированное, разложенное по полочкам «от» и «до», перестает быть искусством...

— Мы профессиональные музыканты. Родились и учились в Москве. Причем учились в общем-то не тому, чем мы сейчас занимаемся. Никто из нас в процессе обучения не предполагал, что когда-либо будет петь народные песни. Кто-то учился играть на трубе, кто-то — хоровому дирижированию, кто-то — просто вокалу. Но каждый из нас однажды попал в решающую ситуацию: мы встретились с народной песней в самом народе. Причем явление это достаточно сложное для музыканта. Столкнувшись с народной песней в ее живом, истинном звучании равносильно потрясению. Эта музыкальная культура настолько сложна и почти недоступно высока, что очень многие из тех, кто думает, что поет народные песни, ошибаются. Песни, которые мы обычно называем народными и которые слышим по радио или здесь, в Москве, на свадьбах или даже во многих селах, — специалисты называют поздними. Или общерусскими. В основном они сложились в конце XIX, а то и в начале XX века. Пришли в быт из литературной среды. Но, кроме них, существовало и существует колоссальное богатство многовековой традиции крестьянского народного пения. Такого пения, в котором даже не столь важны сами песни, сколь то, как они поются. Потому что в этой среде, в этой традиции, в тех центрах, где эти традиции сохранились, существуют удивительные и очень сложные, незнакомые для нас, музыкантов-профессионалов, принципы организации музыкальной ткани. Сохранились приемы импро-

визации — труднейшие приемы, характерные для группы поющих из восьми — десяти человек. Представляете, десять человек одновременно могут свободно импровизировать, при этом создавать интереснейшие «конструкции», и песни эти выражают искренние переживания, навевают какие-то чувства, мысли.

Конечно, эта культура уникальна. Она не может существовать в каждом доме. И достойно удивления и восхищения, что она существует до сих пор, причем во многих местах. Но, как это ни парадоксально, для современной музыкальной науки многие из принципов этой культуры оказываются не просто сверхсложными, но порой и просто недоступными. Мы не можем понять все до конца. Не можем прежде всего потому, что у нас до сих пор нет инструментов, приборов, чтобы анализировать, как это поется, каким именно образом создается такая музыкальная ткань.

Собственно, и наш ансамбль организовывался для того, чтобы попытаться найти подходы к этой культуре, применив принципиально новые методы.

Ансамбль был создан в фольклорной комиссии при Союзе композиторов РСФСР с той целью, чтобы молодые музыканты попытались смоделировать эти процессы для себя, проникнуть в самую суть их. И вначале мы никак не думали, что из нас получится профессиональный ансамбль. Даже не думали, что попытка моделирования будет успешной. Ну и уж тем более никак не предполагали, что сможем жить в этих песнях, нести эти песни в себе. Но чудо совершилось. И совершилось только потому, что мы общались с людьми, которых принято называть носителями этой культуры, то есть с народными исполнителями. А их искусство замечательно тем, что, погружившись в него, выйти «невредимым» уже невозможно, а самая мысль о том, чтобы изменить ему, кажется святотатственной.

В итоге получилось, что наш

ансамбль стал коллективом, ведущим «двойную» жизнь. С одной стороны, мы профессионалы, гастролируем, концертируем. Но как только у нас оказывается свободное время, мы едем в деревни, туда, где поются эти песни. Мы записываем их, поем вместе с народными исполнителями, заряжаемся от них энергией. В поездках мы не столько занимаемся какими-то научными исследованиями (они ведутся в Москве), сколько просто «варимся в этом соку». И эта культура уже естественно воспринимается нами как собственная.

Сейчас очень многие ездят записывать народные песни. Но как всякое внезапно вспыхнувшее увлечение оно несет в себе и элементы положительного и отрицательного тоже. Поскольку сама по себе традиция — вещь чрезвычайно хрупкая. Записывать песни надо уметь. И работать с народными исполнителями тоже надо уметь.

Вначале певцы-сказители не были доверчивы с нами, — они просто не понимали, зачем нужны здоровым взрослым людям их «песенки»... Но за прошедшие годы прибавилось уважения к песне из «глубинки»; сейчас уже несомненна и «мода» на народную песню. В принципе мы это даже предвидели, несмотря на то, что никакого интереса к настоящей, народной, фольклорной песне в чистом ее виде не было, когда мы начинали.

Дорогу, по которой мы шли, с полным основанием можно назвать непроторенной, новой. Но, как часто бывает, новое — хорошо забытое старое; в данном случае это оправдалось полностью.

Если мы долго были не только единственными, но и просто одинокими, то это потому, что самой идеи создания коллективов такого типа тогда не было. Сейчас эта идея стала очень популярна. В итоге такие ансамбли растут как грибы. Почти во всех крупных городах они уже есть. Мы были первыми. Вероятно, нам повезло больше других — мы очень много встречались, работали с народными исполнителями, и это так увлекло нас, что скоро стало не просто профессией, а сутью нашей жизни.

Нам говорят порой, что трудно понять слова, которые мы поем. Прежде всего это происходит потому, что язык сохранившихся народных песен уже сильно отличается от современного языка. Но, главное, мы не считаем необходимым доносить до слушателя внятные, четкие слова наших песен. Ведь и коллектив наш носит название Ансамбля народной музыки. Музыки, а не поэзии! Конечно, вначале было слово. Но в музыке слово всегда было неотделимо от интонации. Поэтому одну и ту же фразу — допустим, признание в любви — можно произнести с тысящей интонаций. И каждая будет выражать чувство, не обязательно соответствующее буквальному значению слов, — от ненависти до беззаветной любви! Вот почему так важ-

на для нас в песне прежде всего музыкальная традиция, а потом уже конкретное содержание песни. Но в концертах я стараюсь объяснять, комментировать непонятный слушателям текст.

Очень много поется песен, содержащих чрезвычайно сложные философские проблемы. Представьте, до сих пор существуют песни, рисующие картину сотворения мира. В хуторе Яменском казачьей станицы Алексеевской Волгоградской области сохранилась былина о Добрыне. Если ее петь целиком, она займет около семи часов. В ней повествуется о том, как некий Добрыня едет за тридевять земель и встречается там богатырку Маринку; борется с ней, а победив, женится; у них рождается сын, герой-богатырь, равных ему нет на свете. И богатырь создает весь мир — тот, в котором мы с вами живем... Этот древний эпос трактуется по-разному. Вот одна из трактовок: Маринка — олицетворение водной стихии, Добрыня — огненной или солнечной, а сын, что у них родился, — это и есть Земля... К какому песня, собственно, имеет то отношение, что они ее сохранили...

Сами же казаки в XVII веке создали совершенную культуру протяжных песен. Едва ли не самая красивая из них — это песня «По лужочку зеленому», которую мы очень любим. Поется в ней о том, как по лужочку зеленому ходила-гуляла хорошая бабочка; из правого рукава желтый песочек точила; проточивши, она слезой его возмочила; возмочивши его, она речи говорила: когда мой желтый песок в сырой земле цветами взойдет, пусть тогда мой милый в гости будет.

Эта песня сложно устроена внутри: она своеобразна ритмически, текст распевается по очень интересным законам, но главное в ней то, что песня относится к одному из наиболее развитых типов импровизации, который встречается в русской песне, когда каждый из поющих импровизирует совершенно свободно, но при этом вступает с другими в очень сложные вокальные, игровые отношения...

Существуют и такие песни, каждая из которых сама по себе целый спектакль. В селе Фоцеватом Белгородской области сохранилась песня, которая исполнялась именно в тот момент свадьбы, когда впервые встречаются родственники жениха и невесты. Получается своеобразное соревнование: хор родственников жениха и хор родственников невесты, — кто собьет песню противоположной стороны, тот род окажется крепче, тот и будет командовать в семье. Дело доходило порой до потасовки — так бурно разгорались вокальные страсти...

В своих экспедициях мы находим не только песни, но и инструменты. Многие из них интересные и необычные. Вот варган — сейчас он практически не существует, в то время как около ста лет назад на нем играли очень

АЯ ИСТОРИЮ

Ансамбль народной музыки в редакции «Огонька».

Фото А. Гостева

широко. Кстати, до сих пор еще не совсем понятно, как на нем играют, хотя есть несколько диссертаций, повествующих о том, каким образом варган звучит. У нас в ансамбле на варгане научился играть один только Александр Данилов, но мы так пока и не поняли, почему это оказалось так трудно. Зато в свое время в энциклопедии говорилось, что варган не надо даже описывать, ибо какой же русский простолюдин не балуется игрой на этом известном всем инструменте!

Есть у нас и другой интереснейший инструмент, хотя и более понятный, называется он колесная лира, его же именуют кобзой. На нем играли калики перехожие, которые бродили по Руси. Они были, по сути, профессиональными музыкантами—пели духовные стихи, псалмы. Можете себе представить наше удивление, когда мы такого музыканта встретили в прошлом году в Брянской области. Правда, он очень стар, уже не бродит и не поет. Но тем не менее он напел нам «Притчу о блудном сыне» и подарил свой инструмент...

Если мы куда-то едем, то знаем заранее, что будем искать. Причем если в одном селе что-то потеряно, то в окружающих деревнях однотипный материал сохраняется. Например, если мы знаем, что записана очень интересная свадебная песня в каком-то селении, то не обязательно ехать именно туда, значит, во всем районе много интересных свадебных песен... Ведь свадьба—это целый комплекс песен и ритуальных действий, следовательно, она не может существовать одна-одинешенька...

Самая же главная для нас работа—и самая трудоемкая—

проникновение в певческий стиль. Ездим как можно больше в заинтересовавшем нас районе и стараемся найти, выделить центр, то есть то село, ту группу людей, которая сохранила наиболее яркие закономерности, глубинные черты этого стиля. Вот у казаков есть стиль Хопра, стиль Верхнего Дона. И что бы мы там ни встречали, мы всегда сравниваем с тем материалом, который у нас уже есть. В результате образуется не просто некий набор песен, а общая картина стиля пения в данном регионе. Из нее уже гораздо проще выделить типичное или нетипичное, характерное или случайное...

Наиболее интересное, характерное мы начинаем репетировать. Сам процесс репетиций—это прежде всего процесс обретения раскованности. Ну, а свобода, раскованность возможны только при совершенном знании материала. У нас есть своя система распева, которая позволяет нам обращаться к различным стилям пения.

Движение в народной песне неотъемлемо от слова, от интонации. У нас существует такое правило: если ты не понимаешь, зачем поднял руку, лучше ее не поднимай.

Нам иногда говорят: то, что вы называете импровизацией, на самом деле симпровизировано быть не может. Видят в этом некую идеальную сработанность, срепетированность. Но здесь дело вовсе не в нас, а в том, что народное пение—это и есть сложнейшая, создававшаяся на протяжении не одного тысячелетия система импровизации. То есть при всей своей сверхсложности она свободно допускает вариантность, поскольку в ней

есть элементы стабильные, но есть и подвижные, мобильные, которые могут меняться (естественно, в определенных параметрах). В ней есть элемент непредсказуемости, но есть и традиционность. Чем более совершенно мы овладеваем этой системой, тем свободней и естественней можем в ней существовать.

У нас большие планы. Говорить о них всегда сложно, потому что многое зависит не от нас, а от поддержки организаций, с которыми нам приходится работать. Меня, например, радует, что Росконцерт, который вовсе не обязан заниматься восстановлением фольклора, так горячо к этой проблеме относится. Причем не только руководители Росконцерта, но и многие сотрудники, не имеющие к фольклору никакого отношения, болеют за наш коллектив, за дело, которое мы делаем.

Впереди у нас прежде всего расширение географии, причем довольно-таки опасное для нас расширение. Потому что в основном мы поем материал, родственные южнорусскому стилю. А ведь есть совершенно другой тип музыкальной культуры, другой тип музыки, пока для нас практически недоступный. Это русский северный стиль. Я считаю настоящим счастьем, что в Вологод-

ской области мы нашли стиль, нам родственный... Кроме того, есть и другие сложности. Дело в том, что сам музыкальный материал существовал в свое время в определенном этнографическом контексте. И этот контекст тоже очень важен для понимания материала, для психологии исполнения. А мы какое-то время вообще не уделяли этому внимания, подходили с чисто музыкальной точки зрения. Мы пели песню, но не всегда знали, в какой ситуации она пелась, зачем, как и когда. Сейчас мы изучаем это с помощью этнографии и подходим к песне уже более широко, пытаемся осмыслить такое понятие, как народное искусство вообще.

Но это не значит, что мы просто хотим петь как можно больше песен разных местностей, даже и сознавая, что чему соответствует. Главное то, что мы учились, учимся и будем учиться петь у крупнейших мастеров музыки—народных исполнителей.

Для нас важна традиция. Она не статична. Она развивается. И она, несомненно, может служить основой для работы современно-го музыканта. Сохранение этой традиции, создание возможностей для ее жизни и развития—вот за это мы ответственны по меньшей мере перед следующим поколением.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ. Во время фестиваля «Русская зима» на концерте в зале Чайковского один из зрителей прислал ведущему записку с вопросом: почему-де мужчины, участники ансамбля, одеты в «штатское» платье,—неужели же не успели сшить костюмы? Покровский тогда объяснил, что мужской народный костюм в России никогда не был так развит, как женский. Рядиться же в косоворотки они не хотят потому, что в этом будет явная стилизация, которая в принципе невозможна для ансамбля.

Они не желают ни во что рядиться, потому что уверены: искусству, внутри которого они существуют, не нужны никакие подпорки в виде полуметровых кокошников...

Запись Л. ЛУКЬЯНОВОЙ

«БУДЬ САДОВНИКОМ ЗЕМЛИ...»

Олег МИХАЙЛОВ

Олег Шестинский вошел в русскую советскую поэзию с молодой дерзостью, юношеской жизнерадостностью и горячим темпераментом, с непоколебимой верой в братство людей. Это чувство и этот напор он пронес через все годы творчества, что легко прослеживается, когда читаешь итоговый двухтомник его стихов. Никакие испытания — бедой или счастьем, успехом или неудачей — не смогли подействовать на это чувство. В стихотворении 1962 года «Я обрастаю медленно чинами...» поэт размышляет о жизнеутверждающем, солнечном напоре таланта и мнимых величинах, остающихся в литературе балластом, и заканчивает энергичным четверостишием:

Так бузина на пыльном огороде,
малину молодую заслоня,
убеждена, что царствует в природе,
а от нее ни жара, ни огня.

Живет, оставляет глубокую зарубку в читательском сердце, жжет и занозит душу лишь то, что было отточено жизнью. За каждым произведением, будь то роман, поэма или стихи, стоит прежде всего человек, личность, его время, цветной илочок родной жизни. И делается значительным, оживает только то, что доставалось ему ценою истраченного на это существования. Когда думаешь о поэзии О. Шестинского, поэзии на удивление многоплановой и многогранной, неизбежно припоминаешь стихи, которые мучительным, волнующим лейтмотивом проходят через все его творчество и которые рождены кровотокающей памятью поэта. Это стихи о военном блокадном детстве, о трагических и мужественных днях ленинградской блокады:

Я себя не перепеваю,
хоть опять о том же пою...
Я иду по блокадному краю,
через душу иду свою.
Так ходить мне до смерти самой —
так дружками велено мне...
Там ведь жил я когда-то с мамой,
на опасной жил стороне.
Эту жизнь среди гула и гуда
всю метелью заволокло...
Все, что добро во мне, — оттуда;
все, что честно, — тогда пришло.

Олег Шестинский. Избранные произведения в двух томах. М., «Художественная литература», 1980.

Здесь ли истоки активной гражданской позиции поэта? Он откликается на события, отделенные от нас географическим пространством и историческим временем, но так, словно это происходит с нами, участвует в нравственном и духовном строительстве нашей жизни. Он твердо и недвусмысленно заявляет о своей позиции: «Я здесь стою!» Оттого публицистика, пронизывающая многие стихи и поэмы Олега Шестинского, не отвлеченная, не умозрительная. Она естественно и органично вплавляется в стих, не умаляя его музыки и чувства.

Такова, к примеру, поэма 1972 года «А под небом есть земля», страстно антивоенная, антифашистская. Она открывается прологом, рассказывающим, как на симпозиуме в Белграде учтивый югославский профессор доказывал, что искусство «должно противостоять обществу, политике и жизни». Вместо ответа своему оппоненту поэт повествует о гибели в октябре 1941 года в городе Крагуевце сербского пятиклассника Душана, которого вместе с его товарищами хладнокровно расстреляли гитлеровцы. И — смотрите, смотрите! — в жуткую хронику последних мгновений жизни сербского мальчика вплетаются, соотнося грозно события, в тот же полдень 21 октября блокадный Ленинград и Воронья гора, откуда гитлеровские орудия бьют по городу, уничтожая дом рассказчика и его друга Васюку.

Судьбы переплетены,
судьбы Васюки и Душана.
Хмарь балтийского тумана,
дождик сербской стороны.
Ночи в октябре темны.

Не успели, не смогли
что-то совершить на свете,
но влияют эти дети
властно на судьбу Земли.

Поэзии Олега Шестинского присуща редкостная особенность воплощения темы интернационализма. Его интернационализм не головной, не условно книжный, но пронизанный горячей кровью, всей системой капилляров поэтического существа. Кровь России и кровь Армении, смешавшиеся в жилах поэта, детство в пестрой Баку, блокадное отрочество, годы учебы и работы в братской Болгарии, ставшей для него воистину родной землей, — не в этих ли особенностях биографии Шестинского разгадка его отзывчивости к боли и страданиям Вьетнама и Чили, заботам Испании и Греции, радостям героической Кубы. Но совершенно особенное место уделяет он в своем творчестве болгарскому народу и его древней культуре, ее трудам и дням, огневому прошлому, навеки соединившему болгар с русским Иваном-освободителем, и социалистической новью. Освобождая болгар, Россия как бы выразила братскому народу свою историческую признательность за то, что у истоков собственной истории получила письменность из рук великих сынов славянства — Кирилла и Мефодия.

Славист по образованию, прошедший великолепную филологическую школу, О. Шестин-

ский соединяет в стихах о Болгарии талант и темперамент поэта и знания ученого. Начиная с одного из самых ранних произведений — стихотворения 1948 года «Болгария» и до обширного цикла 1975 года вольных интерпретаций болгарских народных песен «Эпический разбег» воспевают он мужественный и трудолюбивый, талантливый народ Болгарии.

О чем бы ни писал О. Шестинский, куда бы ни направлял свое перо, главной, определяющей темой, то скрыто, то явно, звучит у него в стихах тема Родины, России, отчей земли. Эта тема страстно выявляет себя в поэме «Житие Веры Шерстобоевой», посвященной до святости простой русской душе, и в эпическом монументальном «Одиссее Михаила Петрова», проследивающей трудный огневой путь солдата, и в эмоциональном обращении к «Русским матерям», и в глубоко личных, исповедальных признаниях в сыновней любви к советскому народу — «России», «Родина», «Весна на родине»:

Куда б ни шла дорога,
все в отчий край она;
нас у России много,
она у нас одна...

Мысль о России наполняет стих особым звучанием, придает ему разбег и полет.

Избранные произведения Шестинского в двух томах знакомят читателя со всеми гранями его щедрого поэтического дарования и одновременно подводят крупно и зримо итоги его многолетней и плодотворной работы на ниве русской советской поэзии. Весело, с серьезной шутливостью накладывает поэт запрет на скуку, вымученность, казенную нормативность и ханжество:

Вы скучно меня не судите,
я судей-ханжей не терплю;
я жизнь не просею на сите,
я крупным куском отломлю.

Дарование Олега Шестинского — молодое, звонкое, активно служащее нашему общему созидательному делу. Время, современность, героизм советского человека, бессмертный Октябрь («Я заглянул к себе в сердце, в сердце Октябрь увидел», — пишет поэт) — мысль его масштабна и зрела. И простым, но мудрым заветом, обращенным и к нам, его современникам, и к потомкам, звучат строки о роли, о призвании человека на этой земле, который явился украсить ее своим трудом:

Будь Садовником Земли,
сотвори простое чудо, —
для всего честного люда
поле заступом взрыхли...

ТЕ

В нашей истории есть немало примеров героизма и мужества советских людей, будь то на фронте или же на стройках страны. И вот об одном эпизоде (для истории это — мгновение) — о строительстве города Комсомольска-на-Амуре — и вместе с тем о жизни всей страны в трудные, но необычайно насыщенные событиями 30-е годы повествует новый семисерийный телевизионный фильм «Мужество» режиссера Б. Савченко (автор сценария А. Шлепянов) по одноименному роману В. Кетлинской.

«Мужество» — фильм о труде и любви, о рождении нового города и нового человека. На протяжении семи серий мы переживаем за судьбы полюболюбившихся героев, многому удивляемся, многому учимся. Их энтузиазм находит отклик в дне сегодняшнем: строители БАМа — это внуки тех, кто находил свое счастье в холодной палатке, находил его в том, чтобы оставить после себя добрый след на земле.

Песне нужен запевала... И в трудные минуты самые сильные духом встают и ведут за собой остальных. Вот таков один из героев — Паша. Он и поддержит теплым словом и поможет делом. Он — пример для многих, и даже гибель героя не дает падать духом, а, напротив, комсомольцы отвечают на смерть Паши ударным трудом. Герой В. Очертяниного не исключителен — он прост, внимателен к людям, и это заставляет других верить ему, следовать за ним... Гибель Паши тяжело переносит его друг Сергей Голицын — хороший, работающий парень, но слабохарактерный, быстро поддающийся любому влиянию. Молодой актер А. Галибин удачно передает не только смену настроений героя, но и всю противоречивость личности Сергея. Можно раз совершить то, о чем будешь жалеть всю жизнь... Так, убежав со стройки, Сергей обрекает себя на вечное раскаяние. Он не сможет простить себе этого, и не простит его и един-

ПЕСНЯ НАШЕЙ ЮНОСТИ

ственная любовь — Тоня, никогда не называвшая его отцом собственный сын. Личное и общественное тесно переплетаются в киноленте, еще раз подтверждая: за все приходится когда-нибудь держать ответ перед людьми и перед самим собой.

К людям мужественным и сильным относится Тоня. Антриса Н. Андреевченко очень тонко показывает эволюцию пробуждения в героине женского начала, отчего ее Тоня становится при всей своей непримиримой принципиальности более человеческой, чуткой к чужой боли, готовой всегда прийти на помощь.

И с Андреем Кругловым связана не одна героическая страница в жизни строителей города. В. Антонику, играющему роль Андрея, удается пробудить в зрителе симпатию уже при первой встрече в начале фильма, когда он создает поэтический образ искренне любящего человека. Но он же, Андрей, сумеет отказаться от личного сча-

стья, поняв всю лживость и расчетливость своей любимой.

Трудовой подвиг, энтузиазм, горение молодых сердец — и за всем этим стоит мудрое руководство партии, пославшей своих бойцов на передовую социалистического строительства. Встречаются, конечно, и среди них разные люди: одни открыты, у всех на виду, а другие прячут свое истинное лицо, прикрываясь громкими фразами. Вот, например, Гранатов (Б. Ступка). Сложная, двуличная фигура. Но зло так или иначе выдает себя.

Нельзя не отметить стремление создателей фильма к подлинному историзму. Документальные кадры прошлых лет дают возможность в полной мере ощутить атмосферу того времени, призывают нас, сегодняшних, к трудовому героизму, зовут продолжить дело строителей Комсомольска-на-Амуре.

А. ЗВЯГИНА

С. Дудник. Род. 1913. ПЕСНИ О МАГНИТКЕ. 1980.

Всесоюзная художественная выставка «Мы строим коммунизм».

Б. Пономаренко. Род. 1947. ВЕЧЕР МОЛОДЫХ КОММУНИСТОВ ГАМБУРГА. 1980.

Всесоюзная художественная выставка «Мы строим коммунизм».

ТРЕВОЖНАЯ ДОБРОТА

«...Вечной останется на Земле только природа, если мы ее бездумно не разрушим», — сказал однажды профессор Бернгард Гжимек, ученый-биолог, выдающийся деятель по охране природы. Его книги «Они принадлежат всем», «Серенгети не должен умереть», «Австралийские этюды» и другие проникнуты огромной любовью к природе; он постоянно ищет пути для сбережения природных богатств нашей планеты. По книге «Серенгети не должен умереть» был сделан фильм, обошедший экраны многих стран мира.

Ольга СЕМЕНОВА

...А потом он вдруг стал грустным, глаза его сделались жесткими, и он сказал глухо:

— Они ведь выросли среди людей, они любили людей, они верили им... Когда их — взрослых уже — выпустили в лес на юге Баварии, с ними играли люди, приезжавшие туда отдохнуть и насладиться красотами здешней природы... Однажды один из этих семерых обитателей баварского леса, выращенный людьми, играючи поцарапал девочку. И, не смотря на мои протесты, в лес выехали сто шестьдесят восемь охотников, они разбились на команды — все в зеленых шляпах с перышками — и устроили облаву на этих семерых ручных, поверивших людям волков; их убили, всех до одного.

...Эту историю я услышала в доме известного зоолога и писателя Бернгарда Гжимека.

— Кстати, — заметил Гжимек, — у вас постоянно ошибаются, печатая мою фамилию «Гржимек». Ведь я родился в Польше, фамилия у меня польская, а у поляков «gz» означает «ж», а «г» — всего лишь часть звука «жж». Так что, пожалуйста, хотя бы вы пишете «Гжимек», а не «Гржимек», ладно?

В большой комнате профессора Гжимека очень интересно. Загадочные африканские маски, привезенные из деревушек, затаившихся в таинственных тропических лесах; удивительные картины, сказочные сине-желто-розовые птицы, сидящие на ветвях такого же сказочного дерева со сказочными цветами в клювах. А в книжном шкафу, в строгих темно-зеленых переплетках, тома книг Гжимека о птицах, зверях, рептилиях.

— Мой отец был юристом, — продолжает профессор, — но он умер, когда я был совсем маленьким. Начались наши беды, голод... Наверное, именно тогда во мне стала зарождаться тяга к животным, любовь к ним: человек зверь добрее к тебе, чем человек. Словом, я стал ветеринаром. А когда началась война, я оказался в Польше как военный врач. Надо сказать, что я помогал польским крестьянам, у меня было много друзей среди них, и, когда стали организовываться партизанские соединения, крестьяне устроили мне встречу с партизанским командиром. Встреча эта состоялась после того, как в вермахте был отдан приказ: «Расстрел грозит каждому солдату и офицеру, кто будет заступаться за партизан, кто даст себя разоружить и кто посмеет дезертировать». И тогда я решил добровольно отдать партизанам мой пистолет, чтобы лишить кого бы то ни было возможности обезоружить меня.

После войны, — продолжил он, — я вернулся во Франкфурт-на-Майне. Первое, что я начал делать, — воевать за то, чтобы открыли зоопарк, который был почти полностью разрушен во время бомбардировок — всего двенадцать животных осталось в живых... Американские оккупационные власти запретили мне заниматься любимым делом: по их словам, было полнейшим безумием заниматься обезьянами в городе, который был разрушен чуть ли не на восемьдесят процентов. Но тем не менее я открыл зоопарк без разрешения. Пришлось, правда, для этого

истратить почти все свои деньги. Я смог не только восстановить зоопарк, но и расширил его — тоже без разрешения: закрыл все близлежащие переулки, а потом обнес их стеной. И вскоре я стал содержателем зоопарка, где находилось несколько тысяч диких животных...

Глаза Гжимека снова на какое-то мгновение потухли.

— Если ты любишь животных, значит, суждено тебе стать кочевником, потому что изучение и охрана четвероногих друзей связаны с постоянными экспедициями и путешествиями. Поэтому вскоре после войны я отправился в Африку со своим сыном Михаэлем, было ему тогда всего шестнадцать лет и он еще учился в школе, но я не могу себе представить путешествие без него: он и машину добывал для поездок, и таскал за мной камеру, помогая фотографировать диких слонов, и с целым багажом животных приплыл в Гамбург на маленьком грузовом пароходе...

...Какие грустные у него глаза... Я могла только поражаться его выдержке: профессор рассказывает о Михаэле, а ведь его нет в живых: он погиб в Африке, избрав путь отца, в возрасте двадцати пяти лет, охраняя наших четвероногих братьев.

— Когда мы приехали с Ми-

хаэлем в Берег Слоновой Кости, нас поразило, как мало тогда была заселена Африка. А сейчас все изменилось: появились шоссейные дороги, небоскребы, башни. Осваивая континент, человек все меньше и меньше места оставляет животным. Я принимал участие в борьбе за запрещение в Африке хищнической охоты. Охоту, наконец, запретили, но она до сих пор остается аристократической привилегией. По Африке разъезжают богатые американцы и охотятся ради забавы. У них считается героизмом убить льва, я бы сказал, беззащитного льва, который не представлял в тот момент угрозы для человека. Эти люди думают, что таким образом они прославятся... Я не против охоты вообще, но я против охотничьего бизнеса... Недавно я услышал, что есть намерение уничтожить всех слонов, которые портят плантации. Я давно выступаю против отстрела животных, даже если они причиняют вред плантациям, потому что какой бы вред животное ни приносило, все равно пользы оно принесет больше, даже самым фактом своего существования. Я часто говорил об этом по радио и телевидению — за это меня ненавидят многие «охотники» такого рода...

Профессору часто звонят, он отходит к телефону, возвращаясь, объясняет: «В зоопарке нужна срочная консультация; выходит новая книга, звонят издатели; предстоит полет в Африку и Америку».

— Первый раз я приехал в Москву в шестьдесят третьем году. Меня предупреждали: «За вами непременно будет следить полиция», — но я, сколько ни бродил по вашей столице, ни разу не видел никакой слежки. Однажды я отправился в очередной маршрут, и начался дождь, я захотел вернуться в отель, стал всех спрашивать про отель, оттого что заблудился, но никто не мог мне помочь. Я только потом понял, что в вашем языке нет слова «отель», а лишь «гостиница», — так было тогда, в мой первый приезд, во всяком случае. Промокнув под дождем, я очень жалел, что нет полицейского, который следит за мной: он бы меня арестовал и доставил в гостиницу... Но все-таки — и я с гордостью об этом вспоминаю — один раз я был арестован в Москве. Однажды я поехал на Птичий рынок и залез на крышу сарая, чтобы поснимать этот сюжет для западногерманского телевидения. Ко мне подошел дружинник и, поняв, что я не говорю по-русски, пригласил меня в милицию. Там меня выслушали и, узнав, кто я, извинились, пожелав хорошей работы. Однако через десять минут пришел другой дружинник и снова повел меня в милицию. В милиции начали смеяться, и дежурный сказал мне: «Тут у нас десять дружинников на Птичьем рынке, так что вы имеете шанс побывать у нас еще восемь раз». Я вернулся на крышу своего

сарая и поспешил закончить съемку. В другой раз я решил снимать Красную площадь. А было это в тот день, когда Москва принимала космонавтов. «Ради бога, не надо снимать сегодня, — стала говорить моя переводчица, — площадь будет закрыта». Я уговорил ее сходить и спросить: может быть, все-таки можно провести съемку? Она вернулась и говорит: «Можно». А тут, рядом стоит грузовик. Я снова уговорил девушку спросить разрешения (хотя мне никто не запрещал) влезть на грузовик и провести съемку с верхней точки. Она долго отнекивалась, потом все же поддалась моим уговорам и, конечно, вернулась с разрешением: «Снимайте на здоровье откуда хотите». Я быстро влез на машину, а в этот момент пришел шофер и повел грузовик с плакатами через Красную площадь, и я снимал десятки тысяч людей, которые ожидали прибытия космонавтов. Я тогда подумал: «Вот было бы здорово, если бы кто-то снял меня на машине, посреди Красной площади, с камерой в руках!» Я бывал не только в Москве — в Сибири, на Украине, в Аскании-Нова, в Казахстане. С особым интересом я занимался в вашей стране сайгаками: они ведь были у вас близки к вымиранию, но после того, как вашими учеными были приняты действенные меры, удалось их спасти. Это прекрасный пример того, как люди должны работать в заповедниках и в других странах мира. Прекрасно, что в Советском Союзе охраной животных занимаются не только ученые, но и правительство. Хочу надеяться, что поэтому в Москве, таком большом и красивом городе, будет построен новый зоопарк. Это очень важно для людей — новый зоопарк, поверьте мне...

Гжимек увлеченно рассказывает, как учит людей добру хороший зоопарк, как важно воспитывать в детях сердечность, приучая их к дружбе с животными, а ведь всего месяц назад погиб и второй его сын — погиб совсем молодым, трагически и нелепо. Нет, подумала я, тут недостаточно выдержки и воспитанности, тут нужно не только высокое умение сжать себя в кулак, тут, очевидно, умение отдать себя всего делу твоей жизни — невероятно важному делу охраны на земле всего живого и прекрасного.

Мы возвращались от Бернгарда Гжимека через центр огромного, бурлящего Франкфурта-на-Майне, города небоскребов и маленьких домиков, города прекрасных топографий и мрачных ночлежек для наркоманов, города грохота и скоростей, а у меня перед глазами была тихая улочка, куда не долетал шум этого огромного города, улочка, где редко ездят машины, улочка, на которой стоит ничем не приметный дом в дальнем углу маленького сада — дом, в котором живет Бернгард Гжимек.

М А С Т Е Р

Владимир ЕНИШЕРЛОВ

«Вы — писатель? — с интересом спросил поэт.
Гость потемнел лицом...
Я — мастер».

М. Булгаков «Мастер и Маргарита».

В Художественном театре шла одна из генеральных репетиций «Пиковского клуба». К. С. Станиславский принимал первую самостоятельную режиссерскую работу В. Я. Станицына. В картине «Суд» на вершине черной пирамиды, первые этажи которой занимали «присяжные», возник и приступил к допросу страшный паукообразный судья в тяжелом седом парике, с багровым толстым носом и злыми глазами. В. Виленин вспоминает, что знаменитая реплика: «Бросьте вы зверей, или я лишу вас слова!» — прозвучала с такой неподдельной яростью, что захохотал весь зал, а громче всех Станиславский. «Кто это?» — быстро прошептал он Станицыну, не узнавая актера. «Булгаков». «Какой Булгаков?» «Да наш, наш Булгаков, писатель, автор «Турбиных». «Не может быть». «Да Булгаков же, Константин Сергеевич, ей-богу!» «Но ведь он же талантливый...» — и опять захохотал на что-то громко и заразительно, как умел хохотать на спектакле только Станиславский.

С ранних лет, еще в киевской гимназии, Михаил Булгаков увлекся сценой. Блестящий, неистощимый на выдумки, веселый, он участвовал в любительских спектаклях, сам сочинял и ставил пьесы, интермедии, сценки. Любовь и преклонение перед театром пронзили всю жизнь Булгакова. И в тяжелые для его судьбы годы он, известный уже драматург, мечтал о работе во МХАТе, кем угодно, лишь бы быть причастным театру.

Детство и юность Булгакова прошли в «матери городов русских», древнем Киеве, в том самом странном доме на Андреевском спуске «постройки изумительной (на улицу квартира Турбиных была во втором этаже, а в маленький, покатый, уютный дворик — в первом)», где позже поселит автор «Белой гвардии» своих героев, в большой и дружной семье ординарного профессора Киевской духовной академии Афанасия Ивановича Булгакова и Варвары Михайловны (урожденной Покровской). На всю жизнь сохранит Булгаков благодарную, светлую память о своей семье, детские годы всегда будут представляться ему сказочным очарованным сном: «...гостиная со старенькой мебелью красного плюша. Уютное кресло с треснувшей ножкой. В раме, пыльной и черной, портрет на стене. Цветы на подставках. Пианино раскрыто и партия Фауста на нем». «...В горьких снах я вижу абажур, клавиши, Фауста и ее...» Этот абажур как символ покоя и семейного

уютя не раз возникает в произведениях Булгакова, например, в «Белой гвардии»: «Никогда не сдергивайте абажур с лампы! Абажур священен. Никогда не убегайте крысшей побегой на неизвестность от опасности. У абажура дремлите, читайте — пусть воет вьюга, — ждите, пока к вам придут».

В 1916 году Булгаков закончил университет и был «утвержден в степени лекаря с отличием».

Полтора года проработал молодой врач в сельской больнице и «зарекомендовал себя неутомимым работником на земском поприще...» В селе Никольском, Сычевского уезда, Смоленской губернии и городе Вязьме к Булгакову приходит не только практический медицинский опыт — не будь этих полутора лет, мы не имели бы прекрасной, пронизанной светлым юмором книги «Записки юного врача». Конечно, не случайно, читая рассказы этой книги, вспоминаешь другого доктора — Чехова. Прозрачная проза Булгакова, его доброта и милосердие, любовь к простым людям родственны Чехову, проза обоих писателей принадлежит одному гуманистическому, демократическому направлению русской словесности.

Гражданская война застала Булгакова в Киеве. Здесь он был свидетелем калейдоскопической смены властей и позже писал в очерке «Киев-город», что лично пережил четырнадцать переворотов. Революционные годы, проведенные в Киеве, оказали громадное влияние на писателя и отразились так или иначе во многих его произведениях, и прежде всего, конечно, в романе «Белая гвардия» и пьесе «Дни Турбиных». Он писал свой первый роман в Москве в 1923—1924 годах, ночами, после изнурительной газетной работы. Только-только закончилась гражданская война, были еще отчетливо живы в памяти ее трагические дни, месяцы и годы, и поэтому так обостренно была встречена эта книга о русской интеллигенции, «внезапно и грозно брошенной в самое горнило истории. Духовная катастрофа, воен-

ное поражение, ощущение безысходности преследуют милую автору семью Турбиных, чьей судьбой стала властно распоряжаться революция. Сама стихия, родственная той все сметающей вьюге, что бушует в блоковской поэме «Двенадцать», врывается в мирный, уютный быт Турбиных, и постепенно Булгаков показывает, что ход истории влечет его героев к разрыву с прошлым. Да, «Белая гвардия» — роман разочарованный натур цельных, личностей благородных, по-своему сильных. И потому-то так велик трагический пафос этого романа, что автор показал вырождение белогвардейской идеи у самых убежденных ее сторонников.

Первая часть «Белой гвардии» была опубликована в журнале «Россия» и привлекла внимание Художественного театра. Театр давно искал современную пьесу, Михаил Афанасьевич был приглашен для переговоров и затем стал работать над инсценировкой романа. В 1926 году на сцене лучшего в стране театра Турбины обрели вторую жизнь. «Дни Турбиных» явились этапом не только в судьбе М. Булгакова, но и в жизни советского театра. Пьеса была первой самостоятельной работой молодого поколения МХАТа. Центральные роли исполняли Соколова, Хмелев, Кудрявцев, Яншин, Добронравов, Вербицкий, Калужский. Этот спектакль многие годы украшал сцену МХАТа, став истинной отечественной классикой.

В пьесе еще более обострена драма представителей потомственной русской интеллигенции, не принявших революцию. Духовная трагедия людей честных, но заблудших противопоставляется автором расчетливой судьбе лиц «без бога в душе». «Знак истории» над ее героями, смутно, но остро чувствующими все значение происходящих событий».

Судьба пьесы была очень непростой. Сразу после премьеры автор был подвергнут жестокой критике, точнее, травле, со стороны целой группы рапповцев, обвинявших Булгакова в «апологии» белого движения.

В романе «Мастер и Маргарита» Булгаков, оглядываясь на свой опыт, так рисует трагическую ситуацию, в которую попал Мастер, написавший роман о Понтии Пилате. Однажды он развернул газету и увидел в ней статью критика Аримана, где Ариман предупредил всех и каждого, что он, то есть наш герой, «сделал попытку протащить в печать апологию Иисуса Христа... Через день в другой газете за подписью Мстислава Лавровича, обнаружилась другая статья, где автор ее предлагал ударить, и крепко ударить, по пилатчине и тому богомазу, который вздумал протащить... ее в печать». Как здесь не вспомнить теоретиков РАППа, призывавших к борьбе с «булгаковщиной», устраивавших публичные диспуты вроде «Суда над «Белой гвардией»! Такова была суровая реальность бытия, художественно воплощенная в «Мастере и Маргарите».

С постановкой во МХАТе к Булгакову пришла и настоящая известность, но наступили и тяжелые дни. И все же именно «Дни Турбиных» явились вершиной творчества Булгакова-драматурга. По случаю пятидесятилетия спектакля режиссер В. Г. Сахновский писал ему: «Вы знаете, как любит Театр и все наши зрители Москвы и Ленинграда «Дни Турбиных». «Турбины» для нового поколения Художественного театра стали новой «Чайкой». Но острая полемика вокруг пьесы, ожесточенная рапповская травля автора привели к тому, что его новая пьеса «Бег», восторженно встреченная Станиславским и Немировичем-Данченко, была запрещена к постановке, несмотря на поддержку Горького, заявившего: «Это превосходнейшая комедия, с глубоко скрытым сатирическим содержанием. Твердо убежден: «Бегу» в постановке МХАТа предостоят триумф, анафемский успех». Постепенно пьесы Булгакова снимались с репертуара, и в 1930 году он обратился с письмом в правительство с просьбой предоставить ему работу во МХАТе. Его просьбу удовлетворили, и писатель был принят в труппу в качестве режиссера. Но его литературная работа продолжалась. Булгаков инсценирует «Мертвые души», пишет пьесу о Мольтаре «Кабала святош», создает кино-сценарий по «Ревизору», пишет для горьковской серии ЖЗЛ одну из лучших и по сей день ее книг — биографию Мольтера, работает над пьесой о Пушкине «Последние дни».

Жизнь так любимого им театра он описал в блистательном «Театральном романе», который включил в себя и автобиографическую прозу, и очерки московских нравов, и гротесковые зарисовки внутритеатральной жизни. Не следует рассматривать «Театральный роман» лишь как шарж на Художественный театр. Булгаков страстно и преданно любил МХАТ, не представлял себе существования без него и продолжал в театре чеховские и горьковские традиции. Несомненно, у Булгакова были сложные отношения со МХАТом и его руководителями. В самые тяжелые для себя годы он был тверд в отстаивании своих взглядов и пресекал чуждое вторжение режиссуры и администрации в свои произведения, но он же глубоко верил в гений Станиславского, в талант его коллег и всегда с благодарностью принимал все дельные замечания и поправки. Неведомый доселе многим, удивительный мир театра открывается в «Театральном романе» Булгакова, написанном с искренним увлечением и тонким, непринужденным юмором.

И, конечно, когда мы читаем «Театральный роман», то вспоминаем Гоголя с его умением вести яркий сатирический рассказ, заворачивать своей фантастической прозой. «Театральный роман» остался неоконченным, точка была поставлена посредине фразы. И то не был литературный прием. Не закончив «Театральный роман», Булгаков вновь обратился к главному своему произведению — роману «Мастер и Маргарита». Он

писал его двенадцать тяжелых лет, работал над ним до смерти и не во всем успел завершить отделку этого единственного в своем роде в мировой литературе произведения. Уже смертельно больной, ослепший Булгаков диктовал своей жене Елене Сергеевне поправки к роману, продолжая эту работу почти до последних дней.

Какова же эстетическая реальность, тот мир, в который переносит читателя в «Мастере и Маргарите» Михаил Булгаков?

Мир этот парадоксален и неожидан. В единый поток сливаются в нем черты реальности и самой изощренной фантастики, беспощадной, доходящей до гротеска сатиры и полной исторической достоверности. Булгаков, создавший «Мастера и Маргариту», близок Гойе с его фантазмагорической системой образов в цикле офортов «Капричос», злых, гротесковых, с его видением бесовщины, вершащей судьбы людей, с его искушениями и пытками жизни. В «Мастере и Маргарите» мир этот нашел свое полное отражение. Три пласта: исторический, реальный и фантастический — сорасположены таким образом, что, пластически взаимно пересекаясь, наслаиваясь, создают причудливую конструкцию романа.

История входит в роман переработанной писателем евангельской притчи о Понтии Пилате. Проблема взаимоотношения личности и власти, волновавшая Булгакова всю жизнь, привлекала писателя к этой легенде. Иешуа в «Мастере и Маргарите» — это не канонический Христос-символ, это простой бродячий философ, вступивший своим учением в конфликт с Римской империей. Трагедия Иешуа, считает Булгаков, не в его физической гибели — он осознает ее как трагедию представителя общества, где осуществлялся союз правящей верхушки и духовного мещанства. Самые гуманные идеи тридцатилетнего философа из Галилеи исказили его последователи, ибо даже единственный ученик Иешуа Левий Матвей был бесконечно далек от своего учителя и не мог постичь глубинный смысл его слов. Булгаков видит одну из бед человеческого общества в одиночестве личности, не имеющей достойных преемников в истории, ибо Левий Матвей — конечно же, не Иешуа, а Иван Бездомный — увь, не Мастер. Можно, конечно, полемизировать с Булгаковым об универсальности этого утверждения, но неразумно не признать серьезность его аргументации, и сама история дает более чем достаточный материал, подтверждающий эту мысль писателя.

Логика романа «Мастер и Маргарита» такова, что позволяет Булгакову приписать Понтию Пилату поступок, не вошедший в каноническое Евангелие, — уничтожение Пилатом предателя Иуды. Вынужденный пустить в ход государственный механизм, карающий Христа, Пилат-человек страдает от этого, ибо он, быть может, впервые осознает себя зависимой частью государственной машины. И тем не менее наделенный огромной личной властью человек в «белом плаще с кровавым подбоем» «пятый прокуратор Иудей, всадник Понтий Пилат» олицетворяет в романе могущество, не обузданное моралью, власть индивидуума, которому чужды по его природе гуманистические понятия и идеалы, что превращает власть в произвол, идеи в ложь. Ему противопоставляет Булгаков несколько наивную, но искреннюю и выстраданную идею своего Иешуа, что «всякая власть является насилием над людьми и что настает время, когда не будет власти ни цесарей, ни какой-либо иной власти. Человек

перейдет в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть». Кстати, эта мысль полностью противоречит догмам христианства, так как она вселяет в человека надежду созданиярая на земле, что отрицается христианской религией.

Читая булгаковскую историю о Иешуа и Пилате, читая и другие страницы «Мастера и Маргариты», осознаешь, сколь ограниченно и неполно было наше представление о русской прозе XX века без знакомства с творчеством Булгакова. Это точная и в то же время раскованная проза, с легкими, виртуозными переходами, глубоким психологизмом портретов, четкостью и лаконичностью характеристик, когда власть слов, подчиненная единой воле творца, подходит к грани, когда рождается то единственное искусство, что вечно. Достаточно вчитаться в строки романа Булгакова, вслушаться в несравненный ритм его прозы, чтобы понять это.

Булгакова постоянно занимала проблема искусства, проблема взаимоотношения художника и общества. Ей посвящены книга и пьеса Булгакова о Мольере, «Театральный роман», она непосредственно связана и с романом «Мастер и Маргарита». Булгаков не рассматривал ее на узко ограниченном временном отрезке. Она представлялась ему неотрывной от цепи вечных общечеловеческих проблем. Трагедия Мастера рисуется Булгаковым как трагедия художника, который не меняется под давлением времени, под давлением внешних сил и гибнет, потому что остается самим собой.

Несомненно, многие свои черты вложил Булгаков в характер Мастера. Очень хорошо масштаб личности М. А. Булгакова понял и передал чуткий А. А. Фадеев, писавший Е. С. Булгаковой: «Я исключительно расстроен смертью Михаила Афанасьевича, которого, к сожалению, узнал в тяжелый период его болезни, но который поразил меня своим ясным талантливым умом, глубокой внутренней принципиальностью и подлинной, умной человечностью... Мне это было по-человечески необходимо (чтобы знать, понять, помочь) навещать Михаила Афанасьевича, и впечатление, произведенное им на меня, неизгладимо. Повторяю, — мне сразу стало ясно, что передо мной человек поразительного таланта, внутренне честный и принципиальный и очень умный, — с ним, даже с тяжело больным, было интересно разговаривать, как редко бывает с кем. И люди политики, и люди литературы знают, что он человек, не обременивший себя ни в творчестве, ни в жизни политической ложью, что путь его был искренен, органичен, а если в начале своего пути (а иногда и потом) он не все видел так, как оно было на самом деле, то в этом нет ничего удивительного: хуже было бы, если бы он фальшивил... Нечего и говорить о том, что все, сопряженное с памятью М. А., его творчеством, мы вместе с Вами, МХАТом подымаем и сохраним: как это, к сожалению, часто бывает, люди будут знать его все лучше по сравнению с тем временем, когда он жил».

Фадеев был прав. При жизни Булгакова были опубликованы лишь первая часть романа «Белая гвардия», книга фантастической и сатирической прозы, «Записки юного врача», газетные фельетоны. На сценах какое-то время шли пьесы «Дни Турбиных», «Зойкина квартира», ставшая классической инсценировка «Мертвых душ».

После 50-х годов напечатаны вторая часть «Белой гвардии», «Театральный роман», «Жизнь господина де Мольера», «Мастер и Маргарита», пьесы «Последние дни», «Бег», «Иван Васильевич», инсценировка «Дон Кихота»... И тогда стало возможно сполна понять и оценить, художником какого масштаба был Михаил Афанасьевич Булгаков.

ДОМ У ДОРОГИ

В Подмоскowie, на четырнадцатом километре шоссе Клин — Дмитров, сразу за старинным селом Воронино, расположилась деревня Бабайки. Здесь, слева от шоссе, привлекает внимание чудом уцелевший старый деревянный усадебный дом с красивой надстройкой. С этим домом связаны имена многих славных деятелей отечественной науки и культуры, и прежде всего имя всемирно известного изобретателя радио Александра Степановича Попова. Владелец дома профессор медицины М. Я. Капустин часто принимал у себя в гостях своего знаменитого родственника и соседа Д. И. Менделеева. Его родной брат, тоже племянник Д. И. Менделеева, Федор Яковлевич Капустин был профессором физики Томского университета, затем работал в минном офицерском классе в Кронштадте вместе с изобретателем радио, своим ближайшим другом А. С. Поповым, на сестре которого, Августе Степановне, женился. Так породнились два великих ученых — Менделеев и Попов.

А. С. Попов впервые приехал в окрестности Клина в августе 1887 года в составе комиссии Русского физико-химического общества для подготовки наблюдения полного солнечного затмения с самой высокой точки Клино-Дмитровской гряды близ села Андрейково. Позже в Бабайках навещал он М. Я. Капустина вместе с Федором Яковлевичем Капустиным, который в начале века приобрел поблизости, в селе Покровском, имение, где жил и работал вплоть до своей смерти в 1939 году. Здесь еще недавно можно было разыскать могилы Менделеевых и Капустиных... В этих местах проходил и первый в Подмоскowie сеанс радиосвязи. На Бобловской горе в доме Менделеева А. С. Попов установил передатчик, а в Бабайках в специально сделанной надстройке к дому М. Я. Капустина принимал сигналы: длинный — звонок — тире, короткий — точка...

А ныне дом заброшен: стекла в широких окнах выбиты, полы взломаны, резные крылечки и столбы расхищаются предприимчивыми дачниками, благо шоссе рядом. А ведь вместе с Менделеевым,

который называл этот дом своим «путевым дворцом», здесь останавливались многие его гости — художники Репин и Куинджи, ученые К. А. Тимирязев, А. Н. и Н. Н. Бекетовы; неподалеку жили и работали Д. И. Фонвизин и Л. Н. Толстой. Руководство совхоза «Динамо», где расположен дом, смотрит на него как на бросовое здание. Между тем после не столь уж сложного ремонта дом мог бы стать единственным на московской земле мемориалом изобретателя радио А. С. Попова, связанного с этими местами и творчески и кровно. Здесь же могли бы разместиться и мемориальные комнаты Д. И. Менделеева и Д. И. Фонвизина, который часто гостил в соседнем селе Спас-Коркидино у своего брата — ректора Московского университета П. И. Фонвизина. Чертежи и подробные обмеры здания есть в Клинском отделении Всесоюзского общества охраны памятников истории и культуры. Заброшенный дом у дороги, стены которого помнят многих выдающихся деятелей отечественной и мировой науки и культуры, должен стать зданием-памятником для нынешнего и будущих поколений.

Об этом говорилось на состоявшемся недавно в Клину совместном совещании городского комитета партии и горисполкома под председательством секретаря горкома тов. В. А. Харламова. Было принято решение о взятии дома Капустина под охрану государства и рассмотрении в дальнейшем вопроса о его ремонте и создании в нем мемориальных комнат.

«Огонек» надеется, что конкретные решения о памятнике будут претворены в жизнь и что в Клинском районе поделовому подойдут и к гораздо более сложной проблеме, о которой уже писал наш журнал, — воссозданию усадьбы Боблово, где жил и работал гениальный русский ученый Д. И. Менделеев, чье 150-летие со дня рождения будет отмечаться через два года, которые, как часто бывает, могут пролететь слишком быстро.

Георгий БЛЮМИН,
спец. корреспондент
«Огонька»,
кандидат технических наук

В этом доме впервые в Подмоскowie принимались радиосигналы от передатчика А. С. Попова. (Современное состояние.)

Фото автора

КУБОК-У РОСТОВЧАН

Радость победы.

Фото А. Бочинина

До этого года за всю историю розыгрыша Кубка СССР по футболу команда ростовского СКА пробивалась в финал дважды. Последний раз это было десять лет назад. Тогда ростовчане встречались, как и ныне, с московским «Спартаком» и уступили лишь в повторном матче.

9 мая на главном стадионе страны в Лужниках ростовские армейцы в острой и драматической борьбе (достаточно сказать, что спартаковцы не реализовали пенальти) победили девятикратных обладателей Кубка — 1:0. Гол забил лучший нападающий армейского клуба, игрок сборной команды СССР С. Андреев.

КТО В ОТВЕТЕ

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО!

В № 7 «Огонька» была опубликована беседа с известным художником-модельером В. Зайцевым «Как мы одеваемся». Речь шла о проблемах советского моделирования, качества продукции, выпускаемой швейной и легкой промышленностью, а также вопросах более полного удовлетворения покупательского спроса на эти товары.

«Я профессионал швейник, ветеран труда», — пишет И. Бабаянц из Ташкента, — с большим удовлетворением прочел беседу с Вячеславом Зайцевым. Там очень верно названы «главные болезни» наших Домов моделей и предприятий швейной промышленности. Не в

бровь, а в глаз выступил «Огонек». Настало время, когда надо уже практически решать эту важную народнохозяйственную проблему». «Прочитала статью «Как мы одеваемся», — пишет читательница С. Свиридова из Воронежа. — Очень важно воспитывать вкус и умение одеваться. Правда, на этом пути у нас еще много преград: плохое выполнение одежды массового пошива, недостаточный ассортимент товаров, тканей. Моя молодость проходила в трудные тридцатые годы. И все-таки немало внимания уделялось текстильной промышленности. Свободно были в продаже такие замечательные материалы, как батист, сатин, фланель. А сейчас купить симпатичный ситцевый халатин, платье для дома — целая проблема. А ведь женщине хочется быть хорошо одетой и на работе и дома, причем в любом возрасте».

З. М. Дубровина — ветеран труда и Великой Отечественной войны сетует на то, что женщинам, имеющим награды, трудно купить строгое платье, на которое бы их было уместно приложить. Просит она модельеров подсказать, как лучше одеться на официальные встречи, конференции, съезды, чтобы выглядеть и по-деловому и вместе с тем элегантно, женственно.

Написали нам о дефиците красивых, добротных вещей читатели Г. Безсолов из пос. Немчиновка, В. Антипова из г. Лысково и многие другие.

«Проблемы, поднятые «Огоньком», — острые, злободневные. Ведь от умения красиво одеваться зависит многое не только во внешнем облике человека, но и в его внутреннем состоянии, настроении, работоспособности, — считает молодой строитель О. Челдинов из Томска. — А те вещи, которые мы чаще всего видим на прилавках, к ним просто принасыться не хочется. Действительно, их и в уценке не возьмут, не то чтобы говорить о каких-то эстетических нормах. А уж если что появится хорошее, модное, со вкусом пошитое, в однокорпусе раскупают».

Несерьезность отношения к этим проблемам порождает спекуляцию. Работающему человеку просто некогда ходить по магазинам в поисках дефицита, а то, что в большинстве случаев есть в них, может устроить только человека с очень невзыскательным вкусом. Хотелось бы большей заинтересованности в решении этих проблем со стороны нашей легкой промышленности».

Обратили внимание на нашу публикацию в Министерстве легкой промышленности СССР. Редакция получила подробное сообщение за подписью заместителя министра легкой промышленности СССР И. Г. Гриценко о том, что сейчас делается для выпуска новых товаров, повышения их качества и более полного удовлетворения потребительского спроса. Читая его и понимаешь, что делается многое. Работают научно-исследовательские институты, моделирующие организации, промышленные предприятия. Совместно со странами — членами СЭВ проводятся совещания специалистов, где вырабатываются направления моды. Издаются приказы по обеспечению выпуска модных товаров. Изучается спрос населения. Постоянно улучшаются качество и ассортимент изделий легкой промышленности. Приводятся конкретные цифры в миллионах рублей по увеличению выпуска модных, дефицитных товаров.

Есть в этом сообщении фраза, что, «несмотря на проведенную в отрасли работу», еще имеются «нерешенные вопросы» и «поэтому в одиннадцатой пятилетке Министерство легкой промышленности СССР предусматривает дальнейшее совершенствование организации работы в области разработки и постановки на производство новых видов изделий, расширения выпуска молодежной одежды, формирования спроса на новые товары и пропаганды культуры одежды».

Нет только в ответе министерства объяснения: откуда же в магазинах можно видеть груды, ряды унылых, безвкусных товаров? Кто их придумал и сшил? Где деловое решение этой проблемы? И когда же исчезнет из нашего обихода модное словечко «достал» вместо купил? Увы, редакция не увидела в письме заместителя министра легкой промышленности СССР И. Г. Гриценко конкретных предложений по исправлению сложившегося положения.

С каждым годом растет интерес к искусству Древней Руси. Памятники каменной архитектуры, старинные фрески и иконы, церковные интерьеры, расписанные выдающимися русскими живописцами, привлекают внимание тысяч людей. Огромным музеем под открытым небом стало Золотое кольцо — около трех десятков древнерусских городов. Среди них Суздаль, Ярославль, Владимир, Загорск. Сохранить и эти и пока еще менее известные памятники Отечества — наша благородная задача.

Однако в последнее время наблюдается некая вспышка нездорового интереса к предметам старины. По мере роста частных коллекций увеличиваются потребности так называемого «черного рынка». Если раньше ценились только иконы, то теперь в моде все — старинные книги и монеты, подсвечники, часы, редкие вещи.

...Зал одного из владимирских ресторанов. За столиком трое молодых людей. Официант в строгом черном костюме никого не подсаживает на свободное место, время от времени присоединяясь к компании. Тогда разговор сразу оживляется. Все трое из Москвы. Обехали на «Жигулях» Московскую и Ярославскую области, теперь в поисках икон и антиквариата приехали во Владимир. Иконы покупают в деревнях под видом художников, интересующихся стариной. Официант Владимир Зуев вызвался им помочь, поскольку знаком с людьми, которые занимаются скупкой и продажей подобных вещей.

На следующий день Зуев и его знакомый Виктор Михайлов за шестьсот рублей продали москвичам пять икон, добавив к ним в качестве бесплатных сувениров несколько старинных серебряных часов. Удачную сделку отметили в том же ресторане.

Месяцем спустя в деревне Левино Судогодского района Владимирской области появилась светло-зеленая «Волга». В такси находились водитель Александр Тришичев и его приятель, ранее судимый Виктор Горбатов. Машина остановилась у дома Пелагеи Александровны Глазковой. Горбатов знал, что у хозяйки есть ценная икона «Праздники». Как-то он пытался ее купить, но получил отказ. Теперь же, войдя в дом, Тришичев оттолкнул старушку и сразу прошел в комнату, а Горбатов, угрожая растерявшейся хозяйке, задержал ее у входа. Похитив икону, грабители без осложнений уехали во Владимир. На другой день в Павловском Посаде Московской области Горбатов продал похищенную икону некоему Петрову за 650 рублей.

Сотрудники Владимирского областного уголовного розыска приложили немалые усилия для розыска преступников. Вскоре Горбатов и Тришичев были задержаны. Их арест привел к раскрытию группы, участники которой в Суздальском, Вязниковском, Собинском, Судогодском районах и во Владимире систематически совершали кражи икон и предметов старины из частных домов и квартир. На скамье подсудимых оказалось шесть человек. Организатором группы был уже упоминавшийся Михайлов, ранее судимый

за мошенничество. Несостоявшийся художник, он, однако, разбирался в достоинствах той или иной иконы. К месту хищения, как правило, преступники приезжали на такси Тришичева, иногда использовали попутный транспорт. Двое взламывали двери или окна, проникали в помещение, один оставался на улице, чтобы вовремя подать сигнал об опасности.

В обстоятельном заключении по этому уголовному делу есть короткая фраза: «Похитенные иконы преступники сбывали различным лицам, а вырученные от продажи деньги расходовали на приобретение спиртных напитков, посещение ресторанов и баров».

С обвиняемыми, разумеется, все ясно. Но кто же эти «различные лица»? В основном жители Москвы, профессии у всех самые солидные и уважаемые: инженер, художник, руководитель эстрадного ансамбля, врач-психиатр... На следствии и суде скупщики краденого проходили как свидетели, хотя сами в какой-то мере способствовали совершению преступлений.

Теперь они объясняют свои приобретения страстью к коллекционированию предметов старины, благородным стремлением сберечь вещи для будущего, говорят об иконописных сюжетах как о предмете познания социологических аспектов истории и тайн мастер-

стером производственного обучения в ГПТУ-30 города Владимира. Он любил порассуждать об искусстве, знатоком которого себя, несомненно, считал. На его примере видишь, насколько важно, чтобы молодежь воспитывали действительно культурные люди, а не личности, подобные Владимиру Марковичу. Соблазняя парней ресторанами, деньгами, дешевой романтикой ночных приключений, он растлевал души молодых людей, которые постепенно стали участниками разбойных нападений и грабежей. Впрочем, и они могли бы быть более осмотрительными — почти всем им уже третий десяток. Профессии самые различные — регулировщик радиоаппаратуры, слесарь, водитель такси, повар ресторана, студент. С их помощью Высоцкий устанавливал церкви и частные дома, где имелись ценные иконы, доставал транспорт. Брели не только иконы, но и старинные книги, подсвечники, монеты, случайные вещи, подвернувшиеся под руку. Однако, когда награбленного стало слишком много, Владимир Маркович счел нужным предостеречь сообщников от ненужных хи-

ская. — Дела, которые велись по группам Михайлова и Высоцкого, не совсем обычные. Это не рядовые кражи, а посягательство на наше национальное достояние, исторические и культурные ценности народа.

Кражи икон и ранее случались на Владимирщине. Мне вспоминается дело Бориса Лебедева, студента-старшенурсника одного из столичных вузов. Спекулируя иконами, он достал редкую библиографическую книгу 1897 года «Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии». Из нее он вычитал сведения о существовании церквей в селах Давыдовском и Никополье, а также о находящихся в них иконах — «Казанской божьей матери» старинного греческого письма и иконе XVI века «Великомученица Варвара». Но с тех пор прошло почти три четверти века, революция, две войны — гражданская и Отечественная... Сохранились ли старые иконы? Лебедев выезжает в Кольчугинский и Гусь-Хрустальный районы и осматривает церкви под видом художника-реставратора из Москвы. Сохранились обе церкви и обе иконы. Лебедев составил схему расположения наиболее ценных, на его взгляд, икон, а затем похитил их. Для него эти кражи оказались последними.

Судебные процессы по делам Михайлова и Высоцкого закончены, обвиняемые осуждены. Но

«КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ» С ОТМЫЧКОЙ

ства художников. Фразы эти звучат высокопарно и откровенно ханжески. В условиях нашей столицы имеются неограниченные возможности для удовлетворения самых изощренных художественных потребностей: Третьяковская галерея с ее великолепной коллекцией икон, десятки музеев, разнообразные выставки, памятники старины. Но эти люди выбрали иной, крайне сомнительный и даже преступный путь приобщения к прекрасному. Да и вообще, можно ли говорить в данном случае о приобщении к прекрасному — обычные взаимовыгодные сделки.

В сейфе старшего следователя Владимирского ГУВД В. А. Николаева, который возглавлял бригаду по делу Михайлова, мне довелось увидеть груду потемневших от времени досок. Это все, что осталось от икон XV—XVI веков, изображения почти не сохранились или требовали бережной реставрации, которая могла быть выполнена лишь мастерами-профессионалами. У грабителей были далеко идущие планы: добавляя яркие краски и бронзу, наносить на древние доски новые сюжеты, выдавая эти подделки за старинные иконы. В результате подобных «реставраций» могли быть навсегда уничтожены великие творения древнерусской живописи.

Когда состоялся суд над Михайловым и его сообщниками, началось следствие по другой подобной группе. На скамье подсудимых оказалось девять человек. Деятельность их была более продолжительной, они совершили около десятка краж из церквей на территории Владимирской области и частных домов.

Наиболее видной фигурой среди грабителей был Владимир Маркович Высоцкий, работавший ма-

щений. «Книги не очень желательны, — говорит он, — трудно сбывать, и не пользуются таким спросом. Давайте иконы. Как можно больше икон».

Наиболее крупным было ограбление Казанской церкви, находившейся в селе Усолье Камешковского района. Поздно вечером Высоцкий и его сообщники — Сидоров, Белов и Филатов на автомашине Сергея Сеницына (шофер-таксист автотранспортного предприятия № 2) выехали из Владимира. К селу подъехали глубокой ночью. Машина остановилась у ограды церкви. Часом спустя сообщники внесли в машину тяжелые брезентовые мешки. К утру «Волга» была уже во Владимире, шофер Сергей Сеницын сдал в касу танкопарка деньги за ночное «дежурство», а как раз в эти часы оперативная группа милиции уже заканчивала осмотр Казанской церкви. Печерки преступников оказался знаком. Было похищено семь ценных икон, подсвечники, позолоченные серебряные чаши и другие предметы.

В нескольких объемистых томах этого уголовного дела свыше тысячи листов, десятки криминалистических и искусствоведческих экспертиз. Требовалось не только разобраться в деталях каждого из преступлений, но и оценить похищенное. В искусствоведческих экспертизах принимали участие сотрудники Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Было установлено, что преступники причинили государству крупный материальный ущерб и совершили кражи более чем на 6300 рублей.

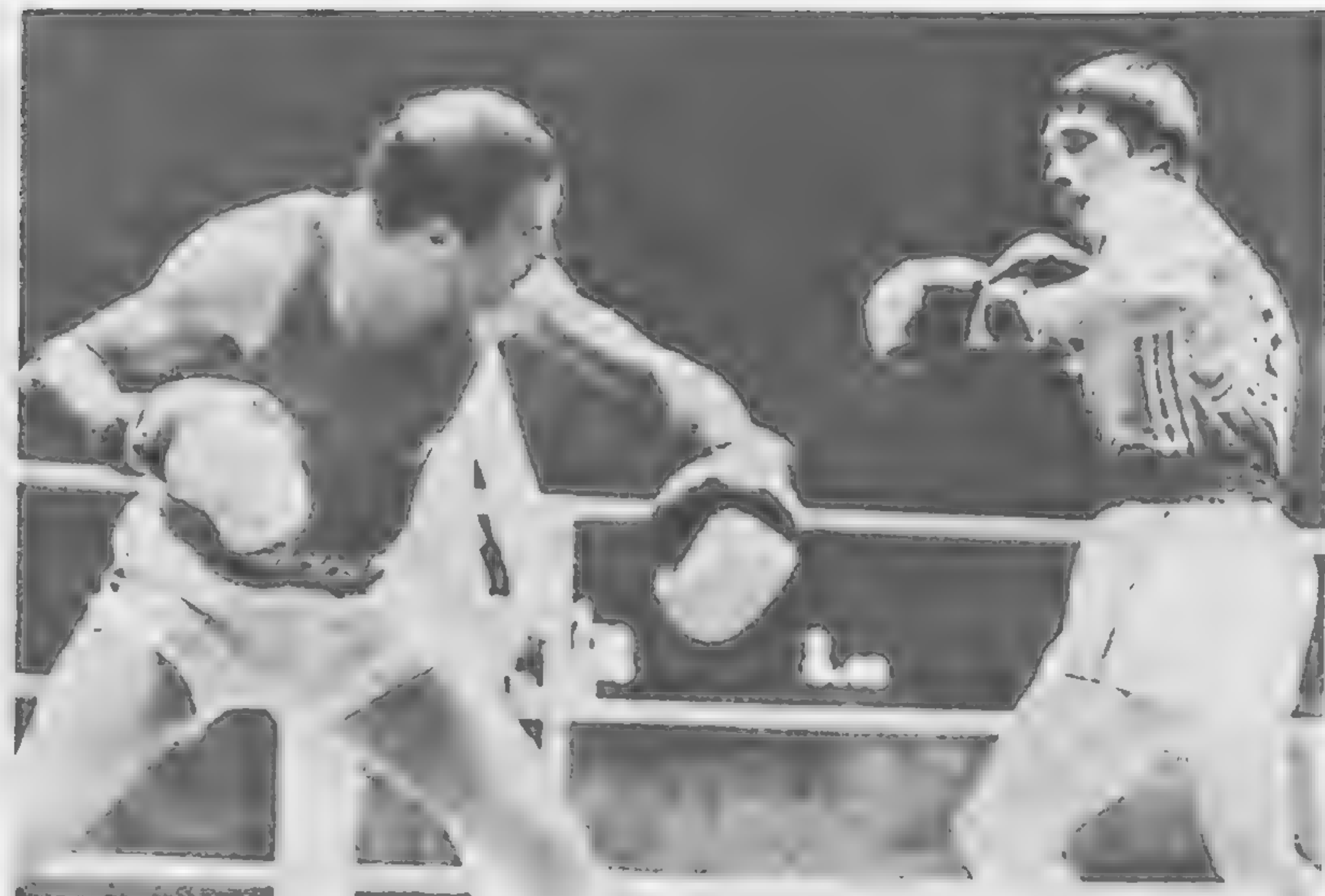
— Но и эта сумма не соответствует истинной ценности похищенного, — говорит начальник следственного отдела Владимирского ГУВД полковник милиции Тамара Митрофановна Целиков-

вот что хотелось бы отметить. С кем бы из «заинтересованных лиц» я ни говорил о недавних процессах, будь то следователи В. А. Николаев и А. А. Широков, инспектор уголовного розыска Г. П. Тимохин, начальники отделов Владимирского ГУВД Т. М. Целиковская и Ю. С. Астахов, наконец, председательствующие на судах В. Т. Мустафенков и А. С. Додоенко — все эти люди, имеющие непосредственное отношение к уголовным делам, даже после суда испытывают острое чувство беспокойства и неудовлетворенности. Важно, чтобы подобные преступления не повторялись. Пока за это поручиться нельзя. Десятки церквей на территории Владимирской области, в центральных и северных районах России, да и отдельные граждане располагают произведениями древнерусского искусства, имеющими большую ценность. Необходимо обеспечить их охрану на современном уровне. Принятый в 1976 году «Закон об охране и использовании памятников истории и культуры» гласит, что все памятники, находящиеся на территории нашей страны, подлежат учету и охраняются государством, независимо от того, в чьей собственности они находятся: государства, общественных организаций, церкви или отдельных граждан.

М. ФУРМАН,
судебный эксперт

Атакует Серик Конакбаев.

Виктор Рыбаков (с права) победил в финале итальянского боксера Карло Руссолилло.

Александр Ягубкин (с лева) в финальном бою с Юргеном Фангханелем (ГДР).

Телефото АП—ТАСС и ЮПИ—ТАСС

РИСУНОК БОЯ

В. ВИКТОРОВ,
специальный
корреспондент
«Огонька»

Бокс сегодняшнего дня больше нуждается в трезвых раздумьях, чем в пламенных эмоциях, но, наблюдая встречи сильнейших боксеров Европы, трудно оставаться спокойным. Поэтому мы не удержались от соблазна начать свой рассказ о европейском чемпионате все же с эмоций.

146 встреч на ринге промелькнули перед нами за неделю, прежде чем определились финальные пары, и в ожидании решающих встреч мы все еще продолжали восстанавливать в памяти самые интересные из предварительных и полуфинальных поединков. Перед нами демонстрировали свое мастерство боксеры различных стилей, разных взглядов на благородное искусство защиты и нападения, как называли бокс его родоначальники — англичане, но главный водораздел прошел между теми спортсменами, которые сразу же спешили показать все, на что они способны, и теми, кто спокойно и расчетливо тратил свои силы, выкладывая их ровно в той мере, которая требовалась

для победы в данном бою. Это был водораздел между импульсивным силовым боксом и боксом игровым, не теряющим, если можно так сказать, головы. Рисунок боя у боксеров советской команды тяготел ко второму. 9 спортсменов СССР из 12 дошли до финалов, и это говорит о многом.

Девять финалистов — большой успех, но ведь на Московской Олимпиаде получили право участвовать в финале 7 советских боксеров, однако лишь один из них завоевал золотую медаль. Как-то теперь в Тампере сложатся наши дела?

Блестящие победы болгарских спортсменов — бронзового призера Олимпиады Исмаила Мустафова и олимпийского чемпиона Петра Лесова (в самых легких весовых категориях) доставили нам большое удовлетворение, но мы, признаваясь, с особым нетерпением ждали появления на ринге боксеров легчайшего веса. В этот вес после Олимпиады перешел Виктор Мирошниченко, серебряный призер Олимпийских игр. Почин, как говорится, дорожке денег, и от результата первого выступления во многом мог зависеть боевой настрой всей команды... Виктор победил в отличном стиле, и дальше все пошло как по расписанию. Один за другим поднимались на высшую ступень пьедестала почета Виктор Рыбаков, Василий Шишов, Серик Конакбаев, Александр Кошкин, Юрий

Торбек, Александр Крупин, Александр Ягубкин. Прекрасный современный бокс продемонстрировали все члены нашей сборной — и опытные бойцы и новички. Комплект наград дополнили серебряная медаль Вячеслава Яковлева и бронзовые Шамиля Сабирова и Серика Нурказова.

Когда под сводами Ледового дворца в Тампере каждые 15 минут звучал Гимн Советского Союза, мы были горды нашими спортсменами и, приняв поздравление от одного из наших коллег из Польши, вместе с ним посмеялись его шутке. Польский журналист сказал: «Зачем вам надо было проводить первенство СССР в Финляндии?»

Да, чемпионат Европы по боксу закончился для нас исключительно счастливо, и все же, отдав законную дань эмоциям, надо трезво и расчетливо посмотреть в завтрашний день.

За Тампере можно уже разглядеть и Мюнхен, где будет проведен в 1982 году второй чемпионат мира, и Лос-Анджелес — столицу XXIII Олимпиады. Подготовить к этим важнейшим выступлениям команду, в которой каждый боксер мог бы продемонстрировать искусство современного бокса, который сумел бы весь бой вести на максимальной скорости, противопоставить самым острым, агрессивным действиям соперника свою тактику. В этом видит свою задачу новый тренер советской

сборной Артем Александрович Лавров. Он не скрывает, что эта работа еще впереди, что сборная, приехавшая в Тампере, является промежуточной, что каждый ее член должен еще донести и после Тампере, что имеет право оставаться в ее строю.

Нынешняя сборная значительно обновлена. Лишь половина спортсменов участвовала в Московской Олимпиаде, а самые молодые члены сборной — Василий Шишов и Александр Ягубкин — еще совсем недавно выступали на юниорском ринге.

Ну что ж, теперь мы можем считать, что после завершения чемпионата в Тампере обкатка новой сборной, которую Лавров скромно назвал промежуточной, началась вполне успешно.

В Тампере, как и на других европейских чемпионатах последнего 20-летия, ведущую роль играли боксеры социалистических стран. Хозяева чемпионата — финны вынуждены были довольствоваться всего лишь двумя бронзовыми медалями, а из боксеров других западноевропейских стран мы увидели в финале всего трех: двух итальянцев и голландца.

Одержав командную победу, сборная Советского Союза завоевала право представлять европейский континент на розыгрыше Кубка мира, который будет проведен в ноябре.

Тампере (по телефону).

Юмор

СВОИМИ СЛОВАМИ

Бане ДЖУРИЧИЧ
(Югославия)

— Итак, я решил, товарищ Бронимир, что сегодня попрошу слова и выступлю в дискуссии.

— Правильно, так и нужно, Миливой, ты прав. Я буду тебе очень признателен.

— Но поскольку случается, что во время выступления я иногда повторяюсь, хошу вокруг да около проблемы, то я все написал. Написал, как умел, своими словами.

— Именно так и нужно, Миливой. Все своими собственными словами. А как иначе? Позволь-на взглянуть на твою речь. «Товарищи! Как выявила комиссия рабочего контроля, в нашем коллективе наблюдались случаи кражи общественного добра...» Хмми...

— Я это так назвал своими словами.

— Но, мой дорогой коллега, одно дело, когда мы говорим своими словами дома, и совсем другое — когда своими словами мы говорим в общественных местах.

— Ну, так... согласен.

— А потому слушай. Ты уже довольно опытный работник комиссии и должен владеть языком. Вместо слов «кражи общественного добра» нужно вставить «отклонения».

— Ну и давайте вставим, товарищ Бронимир.

— Тогда все будет звучать так: «В нашем коллективе имели место отклонения... Особенно среди руководящих товарищей». Нет, нет, Миливой, я не так бы сформулировала эту мысль.

— Но, товарищ Бронимир, ты же не относишься к этой категории...

— Нет, что ты, я не из-за этого... Только я бы не говорил «особенно среди».

— Но я хотел, — перебил Миливой, — чтобы не было двусмысленности. Я бы хотел их четко определить.

— Отлично. Если ты не хочешь, чтобы была какая-то неопределенность, то напишем «определенные», да, «определенные товарищи». Отлично! Пусть ищут себе сколько хотят. Итак, читаем: «...были отклонения в известных кругах определенных товарищей... и поэтому предлагаю вывести на чистую воду». Хмми...

— Вывести на чистую воду! Конечно! Мало, что они брали взятки, получали большие оклады и премии. При этом еще считали, что этого им мало...

— Значит, это надо понимать так, Миливой, что ты являешься сторонником радикальных мер.

— Еще каким!

— А почему же ты об этом не написал?

— Как это не написал?

— Нет. Вот лишь сейчас мы это с тобой допишем: «были отклонения в известных кругах определенных товарищей, и поэтому предлагаю, чтобы были приняты радикальные меры... и пусть все знают, кто ходит в керпцах¹, а кто в онучах».

— А не кажется тебе, товарищ Бронимир, что это немножечко звучит вульгарно?

— Что именно?

— Ну да эти... керпцы да онучи.

— Что ты, Миливой! Именно так и нужно. Всю правду прямо в глаза!

— Своими словами!

— Своими словами! Всегда лучше своими собственными словами...

Перевел В. ОБУХОВ

¹ Керпцы — род кожаной обуви горцев.

Перчатка

Александр ХОРТ

Историк Дмитрий Сергеевич Цветков занимался изучением рыцарских времен. Он настолько любил свою профессию, что сутки напролет мог захлеб говорить о бардах и менестрелях, пиках и копьях, крестовых походах и круглых столах.

Дмитрий Сергеевич заведовал в городском музее отделом средних веков и, когда в зале с рыцарскими реликвиями начал протекать потолок, переживал больше, чем если бы потолок протекал в его квартире. Цветков обегал кучу инстанций и добился того, чтобы музей отремонтировали. Правда, ремонт сделали плохо, и во время первой же оттепели капли воды снова гулко застучали по рыцарским латам, стоявшим в центре зала.

Возмущенный такой работой, Дмитрий Сергеевич помчался на прием к начальнику строительного управления Лукошину. Он занял очередь, уселся на стул. Люди заходили в кабинет, и было слышно, как волны их просительных интонаций разбивались о скалу отказов начальника. «Какая волокита! — кипел от возмущения Цветков после трехчасового ожидания. — В рыцарские времена отношения выяснялись гораздо проще. Бросишь обидчику перчатку, и ничего не надо просить — тот обязан искупить свою вину. Отличный обычай! Меня так и подмывает без лишнего слов бросить Лукошину перчатку».

Как раз тут подошла его очередь, и разметавшийся Дмитрий Сергеевич прямо чуть ли не с порога бросил перчатку начальнику. Отступать было некуда.

Пролетев несколько метров, словно птичка, перчатка шлепнулась на письменный стол. Луко-

шин взял ее, повертел в руках, и лицо его просияло.

— Спасибо, огромное спасибо, — улыбнулся он. — Где нашли? Мне казалось, я забыл перчатки в такси, когда возвращался со стадиона.

— Перчатка моя! — отчеканил Цветков.

— Ваша? Почему же вы даете ее мне?

— Разве я даю? Я бросаю. Слышали выражение — бросить перчатку?

— Конечно, слышал. Кажется, что-то связанное с потеплением. Весной, например, перчатки уже не нужны...

— Не с потеплением, а с возмущением! Ваше управление так отремонтировало музей, что я возмущен. Понимаете?

— Понимаю. С ремонтом мы разберемся в рабочем порядке. А за перчаточку спасибо. Копия моей.

— Да, мы скрестим копья! — услышав любимое слово, посуровел Дмитрий Сергеевич. — Ведь перчатка брошена, ибо я возмущен вашим отношением к своим обязанностям. У нас протекает потолок, а вы работаете тип-ляп.

— Намек понял: вам нужно починить потолок, — тихо, почти шепотом произнес Лукошин, — и вы авансом кидаете мне перчатку из натуральной кожи. Но почему одну? Вот перед вами приходила женщина, которая бросила мне два билета в театр. А вы — одну.

— Вы напрасно расцениваете это как подарок. Бросая перчатку, я хочу, чтобы вы постояли за свою честь. Вы обязаны поднять брошенную мной перчатку!

— А я уже поднял. Большое спасибо. Главное, что жена ворчать перестанет. Скажу, в портфеле нашел, она и успокоится. А потолок вам починим в два счета. Лучших кровельщиков пришло. Только бросьте мне вторую!

— Вторую получите лишь после ремонта! — отчеканил Дмитрий Сергеевич, после чего покинул кабинет с чувством рыцаря, выигравшего чертовски трудный поединок.

Миксатюр

Борис ГАЙКОВИЧ

ЗАСТУПНИК МОЛОДЕЖИ

Сказали режиссеру:

— Есть каноны и возрастная, извините, мерка. У вас же в роли юной Дездемоны выходит чуть ли не пенсионерка... На лице режиссерском нет и тени:

— В упреках никакого основания. Мы не допустим, чтоб на нашей сцене Душили молодые дарования!..

ГНУТЫЯ ДВУГРИВЕННАЯ

Не пролезая в щелку, трижды в сутки Любил он горделиво повторять:

«На мелочь мне размениваться? Дудки! Я не хочу достоинства терять».

ПАМЯТНИК ЗЛОПЫХАТЕЛЮ

Ему поставлен в головах Тот самый камень в укоризне, Который он, другим на страх, Таил за пазухой при жизни.

НЕСОЗНАТЕЛЬНЫЙ ДОМ

В доме восемь дробь два, говоря между нами, Растрянжирили тока большое количество. А ведь прямо на крыше — ночами и днями — Негасимо сверкает на светорекламе:

«Экономь, экономь, экономь электричество!»

Рис. Н. Латыпова (Фергана).

Рис. В. Тамаева.

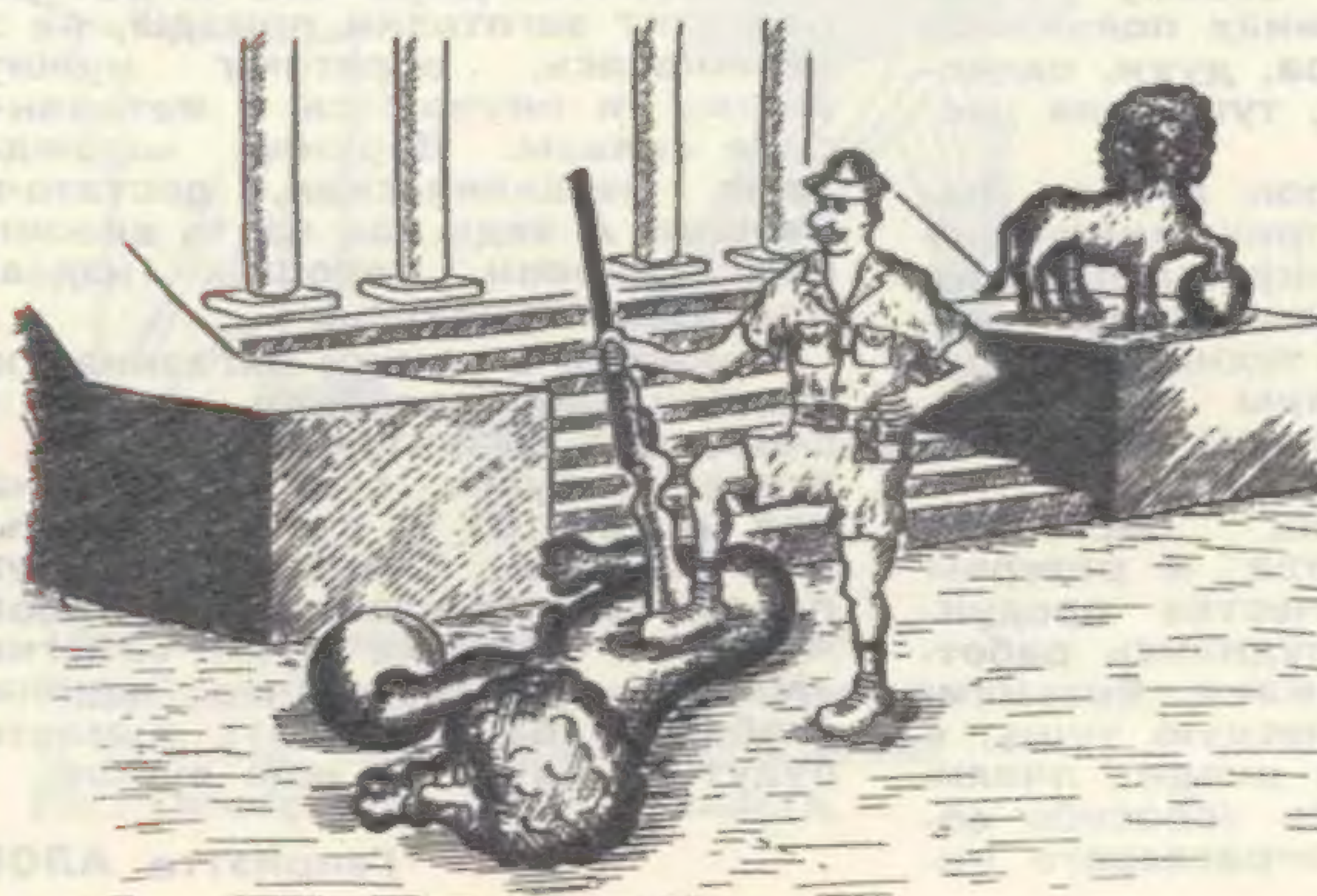

Рис. А. Дмитриева.

«ВЛАСТИТЕЛЬ ДУМ»

Почти тридцать лет назад в Америке вышел первый номер развлекательного журнала «Плейбой» с голыми девицами на обложках и страницах. Девушки эти, скандальные истории, анекдоты, рассчитанные на самый дурной вкус, подавались (в порядке камуфляжа под респектабельность) рядом с перепечаткой произведений известных авторов, написанных на достаточно высоком литературном уровне. Журнал быстро завоевал популярность в первую очередь среди повес, жаждущих наслаждений, утех. А хозяин его стал миллионером, королем целой империи развлечений, множества плейбой-клубов и всякого рода увеселительных заведений, глубоко пустивших корни вокруг журнала «Плейбой». Этому характерному явлению так называемого американского образа жизни посвящена книга¹ журналиста-международника Я. Борового.

Хью Марстон Хефнер, основатель и редактор журнала, претендует на роль духовного наставника молодежи и реализует идеальную программу таких же миллионеров, как он сам, — лишить молодое поколение духовных и моральных ценностей, отвлечь его от решения социальных и политических задач. Печать, радио, телевидение величают его не иначе, как «властитель дум», «гуру (учитель) сексуальной революции», «великий философ XX века», «пророк нового образа жизни».

Чем же порадовал философию XX века сей пророк-бизнесмен? Хефнер возвестил со страниц своего издания: «Молодой человек вступает в жизнь, не зная, как ему вести себя в ней. «Плейбой» берет на себя миссию гида, и мы говорим всем этим парням, что есть главное в жизни». Что есть главное в жизни? Вопрос, над которым задумывались и задумывают лучшие умы человечества. А вот Хефнер вкупе с другими буржуазными идеологами в своем «Плейбое» объявляет: «Мы не будем касаться государственных дел. Мы не будем способствовать разрешению международных конфликтов и не будем провозглашать высокие моральные истин... Главная сила в мире не челове-

¹ Я. Боровой «Король безнравственности». Москва, Политиздат, 1981 г., 62 стр.

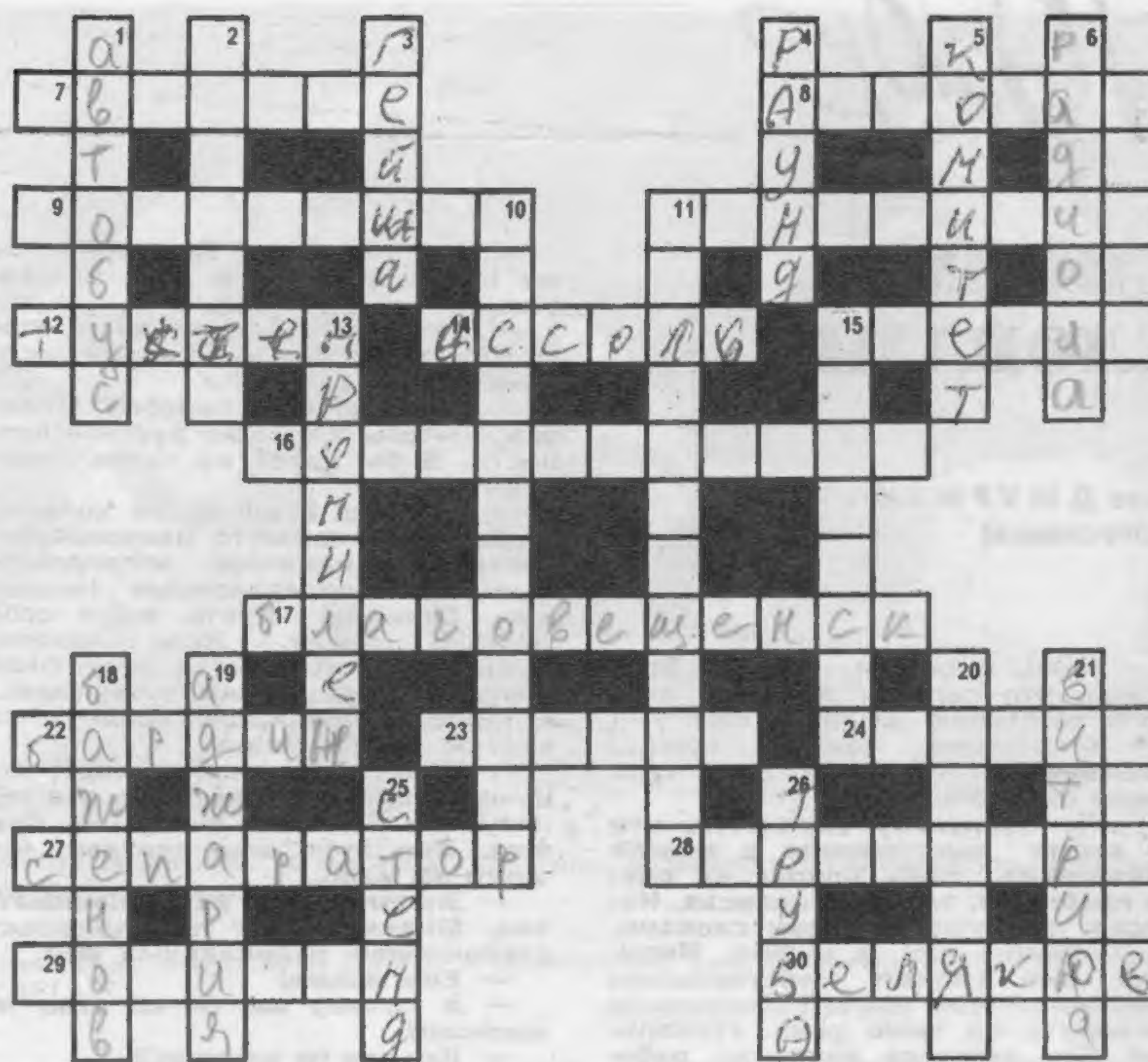
ский разум, а секс...» «Надо срочно сокрушить,— призывает этот поводырь молодых,— все и всяческие условности, распространенные предрассудки и притворную стыдливость, стать свободным хозяином самого себя, своих поступков и действий, какими бы шокирующими для окружающих они ни выглядели». Только тогда, по мнению «короля нравственности», человек будет вести «здоровую жизнь во всем, и в сексе и в делах...».

Формируя низменные вкусы «толпы», Хейфнер навязывает свою «философию», как справедливо замечает автор книги, почти в мистическом экстазе. «Секс в своем высшем проявлении, — уверяет он, — становится средством выражения самых потаенных желаний, эмоций и чувств... Он поднимается над уровнем живого существа». По Хейфнеру, несчастен на Западе не безработный, не человек без веры в будущее, без веры в нравственные идеалы, а тот, кто «сдерживает исполнение естественных потребностей тела».

В книге убедительно раскрывается «нищета философии» Хейне-ра и иже с ним, классовая подоплека идеологии «борца за гражданские свободы», проповедника буржуазного идеала образа жизни. Советскому читателю этого памфлета становится не по себе от хейнеровской философии — хочется вымыть руки! — ему отчетливо ясно, почему «властитель дум молодежи» призывает ее быть по дальше от неприглядной действительности Америки, предложив ей бегство в мир «счастливого» времяпрепровождения и вседозволенности.

Автор столь же убедительно показал неизбежность краха философии «норолла безнравственности». Когда-то он мечтал сделать из своего издания, «дом, не имеющий окон, в который не проникают ужасы войны, голоса нищеты, крики голода». Но, как известно, еще никому не удавалось отгородиться от тревог окружающего мира. «Методы эксплуатации сейчас, — заключает Я. Боровой, — к которым долгие годы успешно прибегал Хефнер, оказались подверженными той же инфляции, которая раздвигает капиталистический мир».

Л. ЛЕРОВ

По горизонтали: 7. Часть пьесы с неизменным составом действующих лиц. 8. Фотографический объектив. 9. Рассказ Л. Н. Толстого. 11. Вид графика. 12. Бальный танец. 14. Героиня повести А. С. Грина «Алые паруса». 15. Симфоническая поэма Ф. Листа. 16. Город в Волгоградской области. 17. Центр Амурской области. 22. Ученый-металлург, академик, Герой Социалистического Труда. 23. Французский живописец и график XIX века. 24. Плодовое дерево. 27. Машина для получения сливок. 28. Певчая птица. 29. Действующее лицо оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин». 30. Штурман первых дальних беспосадочных перелетов, Герой Советского Союза.

По вертикали: 1. Вид городского и междугородного пассажирского транспорта. 2. Элемент вычислительной машины, воспроизводящий цифры. 3. Профессиональная танцовщица, певица, музыканта Японии. 4. Период поединка в боксе. 5. Выборный руководящий орган общественной организации. 6. Аппарат, в котором совмещены приемник с проигрывателем. 10. Прибор для измерения ускорения в самолетах, других видах транспорта. 11. Ученый в области ядерной энергетики, академик, Герой Социалистического Труда. 13. Углеворода, горючий газ, важное химическое сырье. 15. Изменение обычного порядка слов в предложении. 18. Архитектор, представитель классицизма в России. 19. Автономная советская республика. 20. Хоровой дирижер Армении, народный артист СССР. 21. Рассказ М. Горького. 25. Щит для размещения экспонатов, таблиц, газет. 26. Духовой музыкальный инструмент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЕ В № 19

По горизонтали: 5. «Героическая». 9. Приборостроение. 12. Врусья. 13. Виппер. 14. «Татра». 15. Аммофос. 17. Гротеск. 18. Стрекалов. 19. Магомедов. 21. Арлекин. 22. Туринск. 23. Киоск. 25. Кимоно. 27. Стадия. 28. Искусствознание. 29. «Коробейники».

По вертикали: 1. Сербия. 2. Домрост. 3. Эстрада. 4. Фадеев. 6. Чистотел. 7. Красноперекопск. 8. Диспетчеризация. 10. Драматургия. 11. Верстовский. 16. Салон. 17. Гагат. 20. «Здоровье». 23. Красное. 24. Корзина. 26. Обухов. 27. Скачки.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Киев, 9 мая 1981 года. Во время торжественного митинга, посвященного открытию мемориального комплекса «Украинский государственный музей истории Великой Отечественной войны 1941—1945 годов».

Фото Э. Песова и В. Егорова (ТАСС)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Выступает Ансамбль народной музыки под руководством Дмитрия Покровского. (См. в номере материал «Музыка, несущая историю».)

Фото А. Бочинина

СТОПЯТИЛЕТНИЙ «РАССВЕТ»

Исполнилось 105 лет старейшей в России московской косметической фабрике «Рассвет».

Ее основал некий господин Бодэ, выходец из Парижа, но трудилась на фабрике русские женщины, прабабушки и бабушки тех работниц, что ныне можно увидеть в цехах московской косметической фабрики «Рассвет».

В 1918 году фабрика была национализирована. Однако тогда молодой республике было не до выпуска помады или духов. Только в начале тридцатых годов «Рассвет» приступил к своему старому делу, и в магазинах появились отечественные пудра, духи, одеколон, губная помада, тушь для ресниц...

А в суровом сороч первом работницы фабрики, привыкшие производить изделия, украшающие их сестер, занялись выпуском «начинки» для боевой техники. Лишь в самом конце войны они вновь занялись производством парфюмерии...

Сегодня фабрика постоянно изыскивает средства и резервы для повышения качества продукции. Особенно потрудились работники перед Первомаем. Возьмем, например, косметическую тушь, в рецептуру которой входит пчелиный воск. Оказалось (спасибо сотрудникам одного отраслевого ин-

ститута), что с ним может успешно конкурировать воск, выделяемый из лепестков розы, мускатного шалфея и других душистых растений. А ведь совсем недавно эти лепестки, считавшиеся отходами, сжигали в печи.

Многим понравилась губная помада «Елена»... Ее рецептура разработана косметологами Москвы и Парижа. Сколько оттенков у красного цвета? Может быть, пять? Нет, пятнадцать. На автоматической линии я вижу целую их гамму. Ничто не скрыто от взора оператора и наладчика. Дорожки, по которым скользят заготовки помады, не задерживаясь, обретают нужную форму и окунаются в металлические гильзы. Верхняя «одежда», тоже металлическая, достаточно изящна. А ведь как часто внешний вид упаковки хороших изделий портит настроение...

Пока что в наших магазинах нет жидкой декоративной туши. Но скоро она появится. Возможно, на этикетке будет стоять трехзначная цифра 105 — столько, сколько лет фабрике. Твердые духи уже продаются. Их название «С тобой». А новые твердые духи «Элегия», «Мальва», «Элва» (что означает Любимый Ваш Аромат), думается, будут по качеству еще лучше.

Генриэтта АЛОВА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА,

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 24.04.81. Подписано к печати 12.05.81. А 00375.
Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1046. Заказ № 489.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП,
улица «Правды», 24.

Британские домовладельцы хладнокровно отключают отопление у тех, кто вовремя не оплатил высоких счетов за электричество и газ.

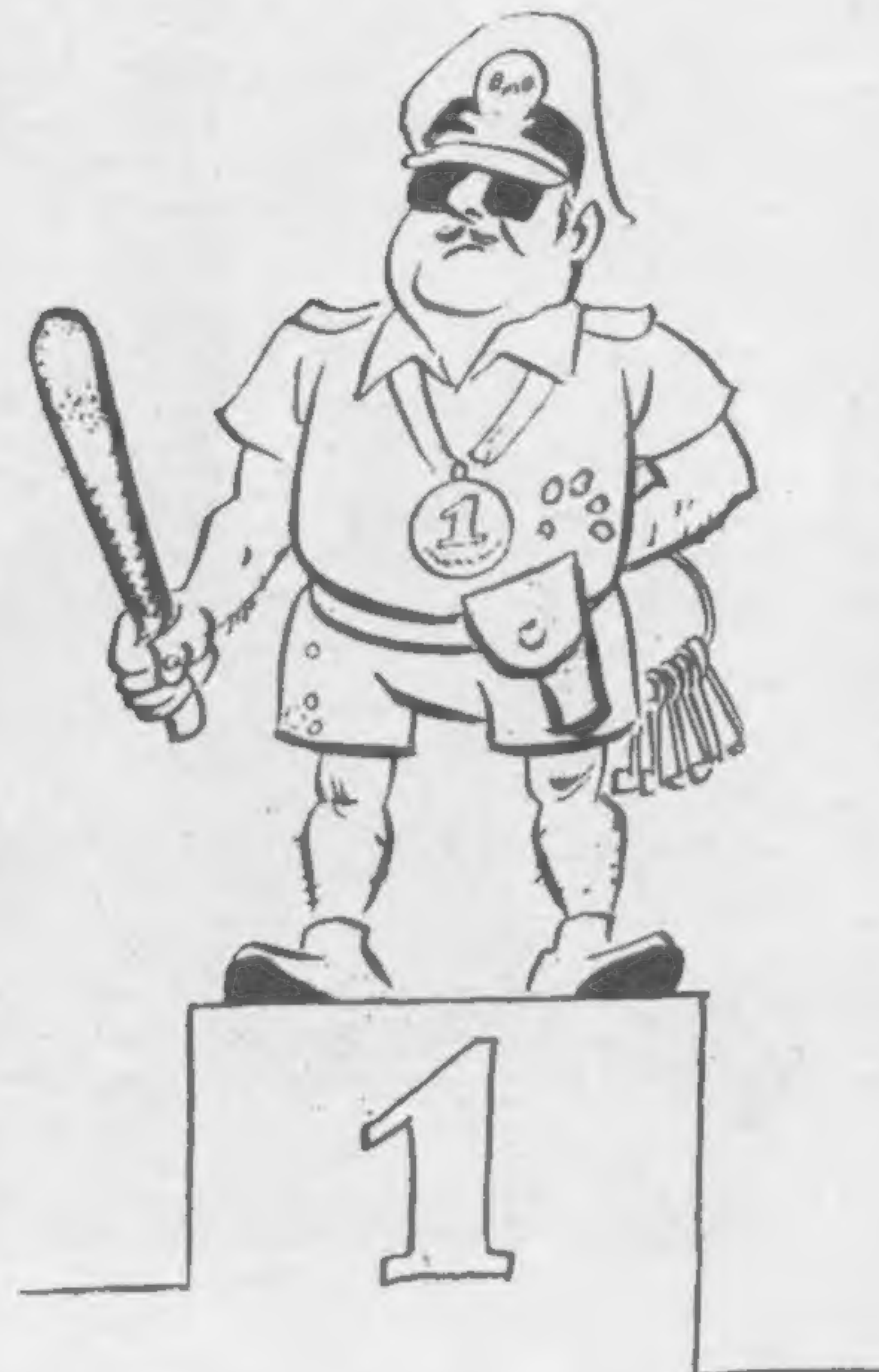
АНГЛИЙСКОЕ ХЛАДНОКРОВИЕ

У бедных от счетов мороз по коже,
И ветер пробирает их до дрожи.
Но в чем домовладельцев упрекнуть?
Им ни тепло, ни холодно ничуть.

Численность заключенных в ЮАР составляет 102 тысячи человек. По числу заключенных на душу населения страна многие годы стоит на первом месте в мире.

РЕКОРДСМЕНЫ

Отличилась в Африке страна:
Держит пальму первенства она.
Каждый полицейский очень горд:
Как-никак, а все-таки рекорд!

Турецкая газета «Сон хавадис» поведала о том, что проживающее в Анкаре состоятельное семейство Сюэр открыло для своей кошки... персональный счет в банке.

ВЫЦАРАПАЛА

Счет для кошки открыть им охота:
Цап-царапке воздали за труд...
А у бедных, которых без счета,
На душе только кошки скребут.

Правительство ЮАР рассматривает вопрос о предоставлении проживающим в стране китайцам статуса «почетных белых».

МЕТАМОРФОЗЫ

Теперь они не желтые, а белые!
Китайцам доставляют это счастье
В деяньях хитроумных натерелые
Расистские коричневые власти.

ISSN 0131—0097

Индекс 70663

Цена номера 35 коп.